

*Бестселлер New York Times
в духе классических
романов Эдгара По*

НОЧНОЙ САДОВНИК

#trendbooks_teens

Джонатан Оксье

Annotation

Кип и Молли бегут из Ирландии в поисках лучшей жизни. В дороге они теряют родителей.

Ради еды и крыши над головой они поступают на службу в мрачное поместье Виндзоров. Все местные жители сторонятся этого ужасного места.

Полуразрушенный особняк стоит в тени огромного зловещего дерева. А обитатели поместья всегда бледны и болеют. Ночью поместье посещает высокий гость в чёрной шляпе. Он обходит комнату за комнатой, оставляя следы грязи, а потом исчезает.

С каждым днём жизнь у Виндзоров становится всё более невыносимой. Кип и Молли уже не отличают реальность от ночных кошмаров. Возможно, они найдут разгадку в тайной комнате, которая всегда заперта на ключ... а возможно, секрет, спрятанный за зелёной дверью, сделает их заложниками дома навеки.

-
- [Джонатан Оксье](#)
 -
 - [От издателя](#)
 - [Часть первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [Часть вторая](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
- [Часть третья](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)

- [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [От автора](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Джонатан Оксье

Ночной садовник

Посвящается Мэри

Воображение моё, куда меня манишь?

Уильям Келланд

*О первом преслушанье, о плоде
Запретном, пагубном, что смерть принёс
И все невзгоды наши в этот мир... [1]*

Джон Мильтон, «Потерянный рай»

*Мы часто будем жалеть, если все наши
желания будут удовлетворены.*

Эзон

Оригинальное название: The Night Gardener
Text Copyright © 2014 by Jonathan Auxier
Published in 2014 by Amulet Books, an imprint of ABRAMS
Illustrations copyright © 2014 Patrick Arrasmith
Book design by Chad W. Beckerman
ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2019

От издателя

Вся эта книга – вымысел. Все герои и места, их имена и названия, как и всё, что с ними происходит, являются плодом воображения автора, а любое сходство с реальными людьми, как живыми, так и умершими, с организациями, событиями или местами является совершенно случайным.

Джонатан Оксье

Часть первая
Прибытия

Сказительница на распутье

Календарь отсчитал первые мартовские дни, но в воздухе пахло концом октября. Колкие солнечные лучи растапливали последние ледяные корочки на голых ветвях деревьев Ямской Пустоши. От разогретой земли с недовольным шёпотом подымались столбики пара, дремавшие подо льдом ещё с осени.

Среди деревьев угадывались очертания извилистой дороги, которая вела от этой деревни к лесу на юге. По ней мало кто ездил, но сегодня тишину мартовского утра, пахнувшего октябрём, нарушал скрежет повозки, с каких обычно продают рыбу. Однако на этой – со сломанным задним колесом и без рыбы – сидели двое детей с огненно-рыжими волосами. Девочку звали Молли, а мальчика, её брата, – Кип. И ехали они прямо к своей смерти.

По крайней мере, именно так говорили Молли те люди, у которых она спрашивала, как доехать до поместья Виндзоров. Девочка задавала этот вопрос не меньше чем на дюжине ферм, но все, кого она спрашивала, бормотали что-то невнятное о Прокислем лесе и наотрез отказывались продолжать беседу.

Тощий пастух, к которому Молли обратилась всё с тем же простым вопросом, расставил ноги, опёрся на посох, медленно оглядел её снизу вверх, как это умеют делать взрослые, и внушительно произнёс:

– К Виндзорам, говоришь? Да я лучше своих овец прям к волку в логово отведу!

– Возможно, вы правы. – Молли изо всех сил старалась быть вежливой. – Но нам очень надо попасть в поместье Виндзоров. Они ждут нас ещё с прошлой недели.

– Ну, так ещё подождут. – Пастух откашлялся и сплюнул на землю. – Я тебе что скажу: забирай мальчишку и возвращайтесь туда, откуда приехали. Нечего в Прокислем лесе делать. – И пастух медленно побрёл в заросли, а овцы с бляением поплелись за ним.

Молли вздохнула. Ну что ж, третий пастух за час сказал им то же самое. После того как все овцы ушли с дороги и повозка двинулась

дальше, Кип спросил сестру:

– Что ещё за Прокислый лес, Молли?

Молли понятия не имела, поэтому сделала удивлённое лицо и воскликнула:

– Как? Кип, да ты чего? В Прокислем лесу растёт только кислятина: лимонные деревья, а внизу – травка-кислица с красными листиками и травка-кислянка с белыми цветочками. А когда летом эти лимоны поспевают, так, знаешь, стоит только зайти в такой лес с молоком – оно сразу прокисает.

Молли говорила бодро, чтобы братишка не подумал, что ей страшно. А страшно ей было.

Вот уже четвёртый день они с Кипом ехали, не останавливаясь. На непокрытую повозку лил холодный дождь. Конь почти не слушался – наверное, из-за того, что Молли не знала его имени. Брату она, конечно, заявила, что везёт их славный скакун по кличке Галилей, но животное, похоже, не пришло в восторг от её выбора. Вообще Молли думала, что дороги в Англии широкие и ровные, а оказалось – они ещё хуже, чем у них дома, в Ирландии. Чёрная мокрая грязь липла везде, где только можно, и сильно забила заднее колесо, которое вчера лишилось трёх спиц. Весь скудный запас пищи был давно съеден – осталась только рыбная вонь.

Кип дрожал даже в пальто.

– Совсем замёрз?

– Не, мне жарко.

Мальчик помотал головой, которая, как только что заметила Молли, была вся потная. У неё сжалось сердце. Кип болел уже несколько недель, и ему почти не легчало. Брату нужна была чистая одежда, какая-никакая постель, тёплая вода и сытная еда. Ему нужен был дом.

Кип уткнулся в рукав, чтобы скрыть кашель.

– А вдруг они правы? Может, нам лучше вернуться в город? Или... домой?

О таком Молли не могла даже подумать. От того места, которое они называли домом, их отделяла целая вечность. Она потрогала брату лоб.

– Вот кто б тебя послушал, так сказал бы, что мама и папа вырастили нытика. Мы скоро будем на месте, пусть хоть вообще никто

не подскажет нам дорогу. И мы с тобой честно заработаем на горячую еду и тёплую постель.

Дети долго ехали по пустынной дороге, но в середине дня их ждала неожиданная встреча. Сначала они услышали звук: женский голос тянул звучную, красивую песню, – а вскоре увидели и обладательницу голоса. Посреди развилки сидела карлица – не выше Кипа ростом – и пела в своё удовольствие. Судя по огромному тюку за спиной, перемотанному верёвкой, – бродячая нищенка. В тюке угадывались шляпы, одеяла, лампы и даже вещи поинтереснее: книги, клетки для певчих птиц и факелы. «Как дом у улитки», – подумала Молли.

Карлица скрючилась над странным инструментом с неё размером. С одной стороны у него торчала ручка, и, когда карлица крутила её, инструмент издавал низкие звуки, похожие на мерное жужжание целого пчелиного улья. Молли замедлила ход повозки, чтобы послушать неожиданно мелодичный голос с безопасного расстояния. Песня рассказывала о старике и дереве. А такие инструменты Молли уже видела дома: нищие возле рынка просили с ними милостыню и называли их «хёди-гёди».

– Думаешь, она ведьма? – прошептал ей на ухо Кип.

Молли улыбнулась в ответ:

– Если и ведьма, то неопасная... Смотри, у неё ни одной бородавки! А ведьму сразу узнаешь по бородавкам.

Молли щёлкнула поводьями и подъехала чуть ближе.

– Извините, мэм, мой брат очень хочет знать, не ведьма ли вы?

Карлица продолжала играть, перебирая пальцами клавиши.

– Боюсь, мой ответ ему не понравится, – ответила она, не поднимая головы.

– То есть не ведьма? – уточнил Кип.

Карлица отложила инструмент и внимательно посмотрела на мальчика:

– Не каждая уродливая старуха – ведьма. Я тебе вот что скажу: пройдёт много лет, и твоя милая сестричка станет выглядеть не лучше меня, и вот тогда-то её начнут бояться детишки. – Карлица как-то уж очень зловеще засмеялась, а затем поднялась с земли, что было совсем нелегко сделать с таким огромным тюком за спиной, и присела в реверансе. – Меня зовут Хестер Кеттл. Я сказительница. Хожу тут по

округе и продаю свои истории за крышу над головой, пищу и разные интересные вещи. – Женщина повела плечом, и в ответ мелодично звякнули привязанные к тюку вилки и китайские колокольчики.

Молли впервые слышала о таком занятии – сказительница. Но, судя по всему, это была хорошая работа. У неё и у самой лучше всего получалось сочинять и рассказывать истории. Ох, какую историю она наплела, чтобы умыкнуть брата из сиротского дома! А что сочинила, чтобы раздобыть лошадь! И если на новой службе ей станут задавать вопросы, она снова что-нибудь насочиняет. Но что-то в новой знакомой её настораживало.

– Скажите, мэ, а к чему сказительнице забираться в такую глушь, да ещё и пешком?

Карлица пожала плечами, потом стала ковыряться в зубах.

– Я пешком, потому что у меня нет лошади. А в такую глушь я забралась, потому что в этих краях новые истории теперь редкость. Не каждое утро в нашу дыру попадают чужеземцы. А уж тем более двое детишек совсем без родителей, да ещё и на украденной повозке для рыбы! – Старуха цокнула языком. – Хорошее начало для истории.

У Молли аж дыхание перехватило, и она еле сдержалась, чтобы не глянуть на брата.

– А с чего это вы решили, что мы украли повозку?

– Так это, дорогуша, у тебя на лице написано.

– Да как вы смеете! – взорвался Кип, к удивлению сестры. – Мы не воры! Моя сестра взяла повозку у рыбака, потому что ему она была не нужна: он пошёл служить на флот и бить гигантских осьминогов. Правда, Молли?

Молли робко кивнула.

– Вроде того, – подтвердила она и с мольбой уставилась на карлицу, намекая, чтобы та сменила тему.

– Гигантские осьминоги, говоришь? – Карлица аж присвистнула. – Да, иногда правда поинтереснее выдумок. Извини, девочка, что я выставила тебя перед братом воровкой. И позволь отметить, что вы выбрали очень удачное имя для своего транспорта. – Она подмигнула. – Чувствую прямо, что вам подходит.

Карлица говорила о надписи, сделанной краской на боку повозки: раньше там золотыми буквами в две строки было выведено «Броуди

Алан. Рыбный дом», а со временем остались только буквы «Б», «А», «Р», «Д».

– Просто случайные буквы, – отрезала Молли.

Разговор ей не нравился. Карлица смотрела на неё – внутрь неё – так, что Молли не могла сдержать беспокойства.

– Простите, мэ, но нас с братом ждут с самого утра.

Женщина шагнула вперёд, преградив им путь.

– Вы направляетесь к Виндзорам, правильно?

– А вы их знаете? – спросила Молли, пытаясь скрыть удивление.

– Не совсем. Мы встречались с мистером Виндзором, когда он был не старше тебя сейчас. Лет тридцать назад. Как раз перед тем, как ему, бедняжке, пришлось перебраться отсюда к родственникам в город. – Карлица замолчала и затрясла головой. – А осенью он вернулся и семью притащил... В общем, удивились тут все.

Молли ничего странного не видела в том, чтобы вернуться туда, где ты вырос. Ещё пара недель, и она всё на свете отдаст, лишь бы снова оказаться в Каунти Доне-гол, пусть там хоть вообще будет нечего есть.

– Мы немного заблудились. Спрашивали дорогу у нескольких фермеров, но они все какие-то неразговорчивые...

Хестер Кеттл кивнула и оглянулась на лес за спиной.

– Здешние хотят для вас как лучше. Кому ж охота отправлять двух милых детишек, хоть и заезжих, в Прокислый лес?

– А что в этом Прокислем лесу такого особенного? – уточнила Молли.

– Да в Ямской Пустоши любая собака знает, что в Прокислый лес лучше не соваться. Детям об этом говорят их родители, которым говорили об этом их родители, которым, в свою очередь, ещё их родители говорили. И так до скончания веков.

– То есть вы не знаете, что там такого? – не сдавалась Молли.

– Во-первых, об этом месте много не говорят. Но каждый уверяет, что знает кого-то, кто знает одного безумца, у которого хватило глупости перебраться через реку и зайти в этот лес.

Карлица замолчала, задумчиво теребя полу сшитой из лоскутов накидки.

– Поговаривают, что Прокислый лес меняет людей. Вытягивает наружу самое плохое в них. И ещё кое-что есть. Самое страшное.

Кип подался вперёд:

– А что с-самое страшное?

Молли стиснула зубы и метнула на карлицу красноречивый взгляд. Ещё не хватало, чтобы эта безумная старуха запугивала её брата! Но Хестер, кажется, уловила настроение девочки и улыбнулась Кипу:

– Не верь слухам и пустой болтовне, малыш. Половину этих историй я выдумала сама, чтобы заполучить тарелку супа. У вас всё будет хорошо.

Молли еле заметно кивнула карлице в знак благодарности. Да пусть люди говорят что угодно. Какая бы молва ни ходила об этом лесе, у них есть один-единственный шанс остаться вместе с братом и в безопасности – поступить сюда на службу. А кто ещё возьмёт двух ирландских детей без рекомендаций и опекунов? И если здесь было так уж плохо, то зачем мистер Виндзор перевёз сюда всю семью?

– Так вы покажете нам дорогу? – решила Молли. Хестер задумчиво взялась за подбородок:

– Может, и покажу. Но не бесплатно.

– Денег у нас нет.

Хестер отмахнулась:

– О нет, деньги – это слишком много. Я тебя попрошу, дорогуша, при случае мне рассказать, что там делается. С тех пор как Виндзоры вернулись, вся Пустошь извелась от любопытства. Меня эти истории будут месяц кормить.

– Конечно, обещаю, – ответила Молли.

Карлица сделала шаг в сторону и указала дорогу, уходившую влево.

– Здесь по прямой не больше трёх миль. Идите на шум реки, а на развилке выберите самую заросшую дорогу: в Прокислый лес редко кто ездит. Дойдёте до старого моста – и вы почти на месте.

Молли не знала, можно ли доверять старой карлице, но выбора не было, хоть какие-то указания лучше, чем ничего. Девочка поблагодарила сказительницу, щёлкнула поводьями и направила лошадь к слабо угадывавшейся дороге. Повозка медленно тронулась вниз, а позади карлица вновь затянула свою песню. Чем больше удалялись дети, тем тише становилась тягучая мелодия. А Молли

думала, что же их с братом ждёт в Прокислем лесу и какую историю она сможет поведать странной старухе.

Очень хотелось, чтобы история оказалась со счастливым концом.

Кип изо всех сил вцепился в скамейку, на которой сидел. Дорога сильно заросла, и повозка буквально продиралась сквозь кусты. Хоть старуха – кто ж поверит, что она не ведьма! – и успела кое-что сказать, было совсем непонятно, как их с сестрой встретит Прокислый лес. Впрочем, сначала дорога в лесу не особенно отличалась от деревенской: и тут, и там – шум ветвей и первая весенняя трава под деревьями. Но чем глубже они продвигались, тем сильнее Кипом овладевал страх. Галилей наверняка тоже чуял неладное, потому что ступал всё менее охотно. Кип взглянул на сестру: Молли уверенно смотрела вперёд.

– Ты заметила, как здесь тихо? – шёпотом спросил Кип.

Но Молли была слишком сосредоточена на дороге, чтобы обращать внимание на такую чепуху.

– Ну и что?

Она дёрнула поводьями, чтобы повозка не съехала в яму на краю дороги.

– Здесь нет птиц, нет насекомых, только деревья... – произнёс Кип, вглядываясь в неподвижную бесшумную чащу. – Как будто весь лес затаился и ждёт нас.

Молли промолчала. Кип знал, что сестра везёт его в поместье под названием Виндзор. В городе, в конторе, их нанял туда на службу какой-то тип. Но Молли не говорила, что за место этот Виндзор. Скорее всего, потому что сама не знала, – только он не станет озвучивать свою догадку.

Они ехали в полной тишине, пока не оказались у глубокой реки, которая, точно шрам, пересекала долину. А посреди реки показался остров, заросший деревьями. Целый лес посреди реки.

– Вот! Мы на месте, Кип!

Чтобы не огорчать сестру, Кип изобразил подобие улыбки. Прокислый лес казался ему не более симпатичным, чем остальной пейзаж.

– Наверное, жить на острове будет хорошо. Почти как дома, – сказал он, чтобы приободриться.

Перебраться через реку можно было только по старому мосту, который, казалось, рухнет, стоит на него ступить. Галилей взглянул на мост – и остановился. Конь прижал уши и, фыркая, попятился. Путём уговоров и угроз Молли всё-таки удалось заставить его шагнуть на мост. Конструкция стонала и скрипела под тяжестью повозки, в реку летели щепки от прогнивших досок. Кип старался не дышать.

В центре острова дети увидели лужайку, со всех сторон окружённую высокими мрачными деревьями. Площадка была не ровная, а сплошь усеянная небольшими зелёными пригорками: некоторые доходили до колена, а некоторые – и выше. Дул ветер, и Кипу казалось, что перед ним бегут зелёные океанские волны. На дальнем краю лужайки стоял особняк Виндзоров. Было видно, что дом много лет пустовал и со временем почти слился с пейзажем. Фундамент скрывался за высокими сорняками. Плющ оплёл стены и окна. Черепица кое-где провалилась и поросла тёмным мхом.

Но самым странным было дерево. Огромное. Очень, очень старое. Обычно вокруг больших деревьев царит атмосфера спокойствия и защищённости, за таким деревом хочется спрятаться. За этим деревом – не хотелось. Обычно на дерево хочется залезть и спрятаться в густой кроне. На это – не хотелось. Обычно на большом стволе хочется вырезать ножичком свои инициалы. На этом – не хотелось. В тени этого дерева по всему телу начинала бежать дрожь.

Дерево росло так близко к дому, как будто образовывало с ним единое целое. Корявый сучковатый ствол поднимался вдоль стены, как огромный закопчённый дымоход. Искривлённые ветви шатром укрывали весь дом, а некоторые, кажется, даже проросли сквозь стены.

– Оно как часть дома, – тихо произнёс Кип.

Зачем было строить дом столь близко к такому ужасному дереву? Неужели нельзя было его срубить? Сестра улыбнулась Кипу, притянула его к себе и потрепала по волосам. Кип терпеть не мог, когда она так делала.

– А вдруг нам разрешат повесить на нём качели? Или даже построить шалаш? – предположила она.

Идея строить шалаш в кроне этого дерева не вдохновила Кипа. Он вывернулся из-под руки Молли и соскользнул со скамейки, ловко

приземлившись на здоровую ногу. Голова немного закружилась – наверное, из-за того, что он долго сидел, – и ему пришлось прислониться к бортику повозки, чтобы не упасть. Кип нагнулся и достал из-под скамейки костыль.

Этот костыль ему вырезал из сука упавшего вяза отец – ещё дома, на ферме. Он получился удобный, крепкий, толстый и немного пружинил, когда Кип опирался на него при ходьбе. Отец назвал его «Мужество», потому что «любой хороший инструмент должен иметь имя». Кипу нравилось, что Мужество всегда с ним рядом. Он пристроил костыль под левую руку, стараясь не замечать, что тот уже стал немного коротковат ему.

Прихрамывая, Кип обошёл повозку и откинул задний бортик. Там стоял ветхий деревянный сундук, к которому вместо ручек приладили кожаные лямки. В таком пираты вполне могли хранить сокровища, но вместо золотых монет в нём лежала поношенная одежда, больше у Кипа с Молли ничего не было.

– Вообще не понимаю, чего мы сюда притащились. Могли бы и в городе остаться, – проворчал Кип, пытаясь стащить сундук на землю.

Молли спрыгнула с повозки и тоже взялась за сундук.

– Ты бы предпочёл сиротский приют?

– Ещё чего? Я не сирота! – огрызнулся Кип.

Сундук грохнулся на холодную землю, чуть не отдавив Кипу левую ногу, хотя какое это имело значение? Молли на мгновение изменилась в лице. Такое выражение – не совсем понятное для него – Кип заметил у неё во время разговора со старой ведьмой. Когда сестра так смотрела, у Кипа всё внутри сжималось.

Молли чуть присела и улыбнулась брату:

– Конечно, ты не сирота. Но им бы пришлось куда-то нас пристроить, пока мама с папой не вернутся.

Кип старался не злиться. Как же ему хотелось, чтобы родители уже наконец вернулись за ними! Уж они бы наверняка придумали что-нибудь получше, чем наниматься на работу в такой кошмарный дом посреди жуткого старого леса.

– А у меня есть для тебя подарок! – снова заговорила Молли. Она оторвала последнюю пуговицу с пальто и положила между ладонями, будто драгоценный камушек. – Знаешь, что это такое?

Кип сжал челюсти. Он прекрасно понимал, что затеяла сестра, и не хотел больше ей подыгрывать.

– Пуговица, – равнодушно ответил он.

Молли отрицательно мотнула головой:

– Это не просто пуговица, это самая настоящая волшебная пуговица. Она исполняет желания. Смотри!

С этими словами Молли поднесла сложенные ладони ко рту и зашептала:

– Дорогая пуговица! Я хочу... хочу... чтобы прямо сейчас мой любимый братик поцеловал меня в щеку!

Кип не шелохнулся. Ему скоро одиннадцать. Какие ещё поцелуи и волшебные пуговицы?

Молли потрясла ладошками.

– Ты меня не расслышала? – сказала она чуть громче. – Я же не прошу всех сокровищ мира, а всего лишь маленький, малюсенький, крохотный...

По опыту Кип знал, что теперь сестра не успокоится, пока он не уступит. Так что потянулся к ней и быстро клюнул в щеку. Молли ойкнула и раскрыла ладошки с пуговицей.

– Получилось! Ура! – закричала она и выпрямилась. Глаза горели от удивления. – Ты видел? Видел? Она работает!

– Могла бы и поинтереснее желание придумать, – буркнул Кип.

– Могла бы...

Сестра взяла руку Кипа и вложила пуговицу ему в ладонь.

– Я отдаю тебе эту волшебную пуговицу, но ты должен пообещать, что будешь загадывать только самые-самые важные желания. И ещё: пообещай не реветь, не ныть и не терять надежду. Мне нужно, чтобы ты был смельчаком. – Тут Молли пожала плечами. – Вернее, мне-то всё равно, а вот Галилею нужно – он у нас трусишка.

Кип посмотрел на коня, а тот фыркнул в ответ.

– Ну что, Кип, постарайся ради меня? – спросила Молли.

Кип со вздохом кивнул. Покрутил пуговицу в руках.

– А может, Галилей не зря боится. Лошади – они умные и всё чувствуют...

– Ой, только не наш конь. Он своё имя запомнить не в силах.

Молли обняла брата за плечи, и они повернулись к огромному особняку Виндзоров. Кип ощутил дуновение ветра и услышал, как

застонало дерево, заскрипев ветвями по крыше и стенам. Кип всмотрелся в крону.

– Ты видела?

Его взгляд выхватил какое-то движение за окном второго этажа, занавешенного тяжёлой портьерой: она еле заметно шевельнулась. Кажется, за ней кто-то прятался и тайком наблюдал за ними.

Кип получил задание искать стойло для Галилея, а Молли направилась к дому поговорить с новыми хозяевами. Она подтащила тяжёлый сундук к порогу и перевела дух. Столько дней в пути, усталость, голод, холод – и вот она здесь, на месте, которое можно смело назвать её последней надеждой. Молли дала себе слово держать лицо перед братишкой, но теперь наедине с собой лгать было ни к чему. Дом был точно из детской страшной сказки. Не хватало только подъёмного моста и огромного котла, чтобы варить непослушных детей. «Не будь трусихой!» – велела себе Молли.

Молли наняли на службу не сами Виндзоры, а их агент в городе. Агент заметно нервничал и постоянно облизывал губы. Ему явно никак не удавалось найти желающих отправиться работать в такую глушь. Молли была готова наврать насчёт рекомендаций, но он уверил её, что они не потребуются. Главное – добраться до места, и работа её. А чего ещё ей было желать? И вот она на месте.

Молли огладила юбку, ущипнула себя за щёки и заправила волосы за уши. Стараясь казаться как можно выше, она постучала в дверь. *Скри-и-ип...* Дверь едва приотворилась. Молли замешкалась: означает ли это приглашение войти? Она заглянула в щёлку, но ничего не увидела.

– Здравствуйте, – произнесла она в темноту.

– Заходи, если хочешь, – ответил изнутри тоненький голосок. – У нас нет дворецкого, а мне велели не открывать двери, но если ты зайдёшь сама, то это не считается.

Молли вошла и втащила сундук, а затем, захлопнув за собой дверь, поморгала, чтобы быстрее привыкнуть к полумраку. Она стояла в прихожей, некогда весьма величественной.

Воздух здесь был затхлый, точно на чердаке. По углам скопилась пыль пополам с сухими листьями. Со светильников и мебели свисала паутина. Но самым странным было дерево: оно проникло везде. Сучковатые ветви проросли сквозь оштукатуренные стены, толстые корни взбурили паркет, а с высокого потолка, будто огромная мрачная

люстра, свисала причудливо искривлённая ветвь. На полу были грязные следы, и Молли нечаянно наступила на один из них. Она взгляделась в тёмный коридор.

– Сюда, наверх! – прокричал сверху всё тот же голосок.

Из противоположного конца прихожей широкая резная лестница вела на второй этаж. Наверху за перилами сидела девчонка, очень бледная, черноволосая и в толстых очках. Она смотрела сквозь прутья перил, как заключённый сквозь решётку.

– Что за хромой мальчишка целовал тебя в щёку? – требовательно спросила она.

Молли удивлённо вскинула бровь:

– Этого мальчика зовут Кип.

Девчонка подозрительно прищурилась:

– Он твой муж?

Молли с трудом сдержала улыбку:

– Нет, мисс. Он мой брат.

Девчонка выпрямилась:

– Так нечестно! Папа сказал, что к нам приедут слуги из города, но он не говорил, что один из них будет брат. Ненавижу братьев! От них только вред.

Девчонка на обеих ногах запрыгала вниз со ступеньки на ступеньку. Молли смотрела на неё с облегчением. В доме, где живёт такая малышка, не может быть слишком страшно. Девочка как следует оттолкнулась от последней ступеньки и с грохотом приземлилась прямо перед Молли.

– У твоего Кипа есть железная кружка? – уточнила она, возвращая на место очки, соскочившие с носа от прыжка.

– Что, мисс?

– Железная кружка. В городе, где мы раньше жили, я видела таких мальчиков. Они сидят у дороги, голодные, грязные и несчастные, и просят у прохожих денежки в такие кружки.

Молли сдержала гнев, потому что вопрос был задан по простоте душевной.

– У него есть только одна кружка, такая же, как у тебя, – чтобы пить.

Девочка кивнула, будто показывая, что запомнит её слова.

– Представься! – потребовала она.

Молли присела в поклоне. Девочка явна была одной из Виндзоров, и подружиться с ней не помешает.

– Меня зовут Молли Макконнахи. А вас, мисс?

– Пенелопа Элеонора Виндзор, но можешь звать меня Пенни, как все остальные. Или «мисс», как ты уже меня называла. Так тоже правильно. Мне скоро исполнится семь. А сколько тебе лет?

Молли задумалась. Агенту она соврала о возрасте и совсем не была уверена, что новым хозяевам следует знать, как мало ей на самом деле лет. Она приложила руку к груди и с притворным ужасом произнесла:

– Мисс Пенни, леди нельзя рассказывать, сколько ей лет.

Девочка растерянно потупилась:

– А я не знала... Наверное, и мне нельзя было признаваться, сколько мне лет. А давай притворимся, что ты сама догадалась?

Пенни быстро посмотрела на сундук, затем снова на Молли:

– Ты правда будешь жить с нами?

Молли кивнула:

– Полагаю, что да, мисс.

– Я бы очень этого хотела. Ты не представляешь, какая здесь *скукота*. Меня Алистер этому слову научил. Оно значит, что здесь совсем нечем заняться.

Пенни шлёпнулась на пол рядом с сундуком и взялась за кожаные ремни:

– В городе, в нашем старом доме, у нас было столько всего интересного: и украшения, и серебряные чайнички, и китайские фигурки. – Пенни обвела взглядом дом. – А здесь только пауки с паутиной и гадкие братья.

Пенни расстегнула застёжки на ремнях и откинула крышку сундука. Её взгляду предстала куча поношенной одежды.

– Могу я узнать, что вы делаете, мисс Пенни? – поинтересовалась Молли.

– Роюсь в твоём сундуке.

Девочка стала по одной доставать вещи – не найдётся ли чего поинтереснее, – бегло осматривала каждую и отбрасывала в сторону. Её внимание привлекло нижнее бельё, лежавшее на самом дне. И вот уже через мгновение она напялила на голову нижнюю юбку, точно индейский вождь шапку из перьев.

Молли оглянулась, не идёт ли кто. Меньше всего ей хотелось, чтобы знакомство с новыми хозяевами состоялось, когда по всему холлу разбросано её исподнее. Похоже, слово «нельзя» Пенни не особо жаловала. Тут придётся быть похитрее.

Сколько Молли себя помнила, главным её даром был дар убеждения. Конечно, никаких волшебных заговоров она не знала, но вот уговорить любого поверить в волшебство, хоть на мгновение, могла. Родители учили её бережно относиться к своему таланту.

– Знаете что, мисс Пенни, – заговорила она, присев на корточки рядом с девочкой, – там, откуда я родом, считается очень плохой приметой надевать на голову чужие вещи.

– А откуда ты родом? – незамедлительно поинтересовалась Пенни, глядя на неё сквозь дырку в чулке.

Молли ответила самым равнодушным тоном:

– Да так, с одного волшебного острова.

Пенни выпустила чулок из рук:

– Не верю.

Молли сделала вид, что ничего не слышала. Она, тихонько напевая себе под нос, принялась собирать разбросанную одежду. Пенни подняла чулки и тоже положила в сундук.

– С волшебного-преволшебного? – спросила она, подсев поближе.

Молли перестала напевать:

– Ага, но не просто волшебного. Он весь сделан из изумрудов. – Молли села на пол и похлопала себя по коленкам. – Садись ко мне, я тебе всё расскажу.

В следующее мгновение Пенни, забыв о сундуке, уже сидела у Молли на коленях, а та забрасывала в сундук оставшиеся вещи и отвечала на расспросы малышки. «Там живут феи?» – «Их больше, чем кажется». – «А люди умеют летать и показывать фокусы?» – «Конечно, но никто этим не хвастается». – «А ты видела настоящее чудище?» – «Да, но маленькое – не больше лягушки».

С каждым ответом глаза Пенни становились всё больше, очки лишь усиливали этот эффект. Через несколько минут рассказы Молли совершенно укротили малышку, и та воодушевлённо щебетала у неё на коленках о том, как хотела бы побывать на острове и повстречаться с настоящими чудищами.

– Мы наловили бы феечек, посадили бы их в кувшин и кормили чудищами. И у нас были бы свои домашние феи! – болтала она.

Затем, замолчав, повернулась к Молли, и лицо её озарилось внезапной догадкой.

– Ты такая рыжая, потому что жила на волшебном острове?

Молли ничего подобного пока не приходило в голову.

– Думаю, вы совершенно правы, мисс, – ответила она, заправляя за ухо рыжую прядь.

Пенни посмотрела на свои чёрные волосы:

– Вот бы и мои волосы стали волшебными! А то мама заплетает их, заплетает, привязывает яркие ленточки, а они всё равно страшные и скучные...

Молли вынуждена была признать, что девочка права. Две тонкие чёрные косички свисали по бокам головы Пенни, как два безжизненных ивовых прутика. Но что толку ненавидеть то, что нельзя изменить? Она сложила в сундук последнюю вещьцу и с улыбкой взяла косичку Пенни.

– Да ведь у тебя самые настоящие волшебные волосы! – сказала она, изучая чёрную косичку, как ювелир драгоценный камень. – Ты знаешь, кто такая царица Клеопатра?

Пенни отрицательно мотнула головой. Молли улыбнулась:

– Клеопатра считается самой красивой женщиной из всех, что жили на земле. Волосы у неё были чёрные-чёрные, совсем как твои. И любой мужчина, кто её видел, сразу же влюблялся. И даже сэр Ланселот влюбился.

– Я такого не знаю.

– А Робин Гуда знаешь? – Молли предприняла вторую попытку.

Глаза у Пенни расширились от удивления.

– Правда? И он тоже? А ещё кто?

Молли склонилась и прошептала девочке на самое ухо:

– Только никому не говори, что это я тебе сказала. Ходят слухи, что даже сам архиепископ Кентерберийский.

Пенни ойкнула и прикрыла рот ладошками.

– Разве архиепископ может влюбиться? – произнесла она с удивлением.

– Ни за что и ни при каких обстоятельствах! – раздался голос у них за спиной.

Молли обернулась: в коридоре стояла высокая женщина. Чёрные волосы стянуты на затылке в тугий узел, кожа фарфорово-бледная, совсем как у Пенни, а на лице написано крайнее недовольство.

– Мама! Мама! – Пенни вскочила с коленок Молли и подбежала к женщине. – Это Молли! Она с волшебного острова! Она будет жить с нами! У неё есть брат, но она мне так нравится! Нравится-нравится! – затараторила малышка. Цепляясь за длинную юбку, она вскарабкалась к матери на руки. – Я никогда-никогда ничего так не хотела! Давай её оставим! Ну давай-давай!

Молли поднялась на ноги и, опустив глаза в пол, присела в поклоне:

– Если вам будет угодно, мэм.

Женщина стояла с прямой спиной, сложив руки на груди.

– Разве похоже, что мне будет угодно? – холодно парировала она.

Молли стояла у стены кухни особняка Виндзоров. В кухне была большая кладовка, кирпичная печь, кухонный лифт и два чёрных хода. К Молли жался Кип, которого позвали с улицы. Перед ними взад и вперёд вышагивала Констанция Виндзор: спина идеально прямая, руки сцеплены в замок перед собой.

– Мы с тобой знакомы? – спросила она Молли и уставилась на неё в ожидании ответа.

– Нет, мэм, – ответила та.

Женщина остановилась, смахнула с кружевной манжеты невидимую пылинку. У неё за спиной стояли двое детей – Пенни и мальчик постарше, всем своим видом показывавший, как ему скучно.

– А когда ты проникла на мою территорию, ты слышала, как я поздоровалась с тобой и пригласила войти?

– Нет, мэм, – ответила Молли, не в силах побороть дрожь в голосе. Она чувствовала на себе взгляд брата, который не понимал, что происходит. Молли нащупала его ладонь и легонько пожалала.

– Интересно! – Констанция крутанулась на каблуках, чтобы нанести очередной удар. – Мне интересно, почему тогда я обнаруживаю тебя в собственном доме, хотя я тебя не приглашала? И ты уже распаковала вещи и рассказываешь моей дочери какие-то небылицы про чудищ и влюблённых священников!

Констанция не задавала вопроса, но, казалось, ждала от Молли ответа. Молли переступила с ноги на ногу; через дырку в подошве правого башмака проникал холод от каменного пола.

– Это была просто сказка, мэм. У меня не было злого умысла.

Пенни, до этого сидевшая на столе на безопасном расстоянии, соскочила на пол:

– Мамочка, так нечестно! Это я её пустила!

Констанция метнула на Пенни строгий взгляд, и та вновь забралась на свой насест. Женщина задумчиво поправила волосы и медленно заговорила:

– Я думаю, ты прекрасно осознаёшь, как это выглядит с моей точки зрения.

Молли открыла рот, чтобы ответить, но не смогла произнести ни слова. В данный момент она вообще ничего не осознавала. За последние полчаса всё, что она знала об этом доме – вернее, думала, что знает, – перевернулось с ног на голову.

– Простите, мэ, – наконец выговорила она. – Наверное, это недоразумение. Нас наняли на работу в городе от имени вашего мужа, мистера Виндзора.

– Наняли? – Констанция Виндзор скривилась. – Полагаю, что ты, агентство и мой муж – все совершили ошибку. Я ему неоднократно говорила, а теперь и тебе повторю: я не желаю видеть в своём доме прислугу, я в ней не нуждаюсь. Я прекрасно справляюсь с домом сама.

В другой ситуации Молли бы восхитилась женщиной, столь откровенно идущей наперекор мужу. Но сейчас ей казалось, что перед ней разыгрывают дурную комедию. Стоило только посмотреть на помещение, где они находились, чтобы понять: эта женщина понятия не имеет, как вести хозяйство. На полу лежал толстый слой пыли и сажи. На стенах цвела плесень. Повсюду валялись объедки, на столах красовались пятна от пролитого супа. В мойке висилась гора невымытых сковородок и тарелок. Всю жизнь Молли помогала матери драить кухню, поэтому прекрасно знала, как выглядит дом у хорошей хозяйки. Здесь хозяйки словно не было.

– Я говорю, их обоих надо арестовать и посадить в тюрьму. Они грязные и воняют рыбой.

Это заговорил мальчик, облокотившийся на стол позади Пенни. Он был примерно одного возраста с Молли. Как Пенни и Констанция, бледный и черноволосый. Но, в отличие от них, он был уродлив. Всё лицо покрывали оспины, а брови над глубоко посаженными глазками срослись в одну чёрную линию. Он ковырялся в кулке с жевательными конфетами, явно пытаясь набрать и засунуть в рот как можно больше сладостей сразу.

Констанция повернулась к нему. Сложно было понять, что выражает её лицо.

– Алистер! Что я говорила тебе насчёт сладостей до обеда?

Мальчишка закатил глаза и выплюнул целый комок жёваного ириса обратно в кулёк. С одной стороны, зрелище было

отвратительным, а с другой – это была еда, поэтому Молли не могла оторвать от него взгляд.

– Вам повезло, что не в моих силах последовать совету сына, – продолжила Констанция. – В этом Богом забытом месте нет полиции. Если вы немедленно покинете мой дом, мы будем считать инцидент исчерпанным. Как видите, дети, за которыми надо присматривать, у меня и так есть. Не сомневаюсь, что вы с братом найдёте работу в городе.

Кровь прилила к щекам Молли. Неужели эта женщина думает, что они отправились бы в такую даль, если бы могли найти работу в городе? Молли неделями стучалась во все двери – в поисках сначала работы, потом еды, затем хоть какого-то сочувствия. И всегда получала один и тот же ответ: такие, как она, никому не нужны.

– В городе нет работы, – сказала она. – Нет для нас. Если вам жалко денег, мы готовы трудиться за еду и крышу над головой, нам не нужна плата...

Констанция прервала её.

– А нам не нужны твои одолжения! – произнесла она таким тоном, что Молли отпрянула: кто говорит об одолжении?

– Мэм, ваша семья ведь жила до этого в городе. Вы ведь выходили на улицу после захода солнца и знаете, какая работа выпадает на долю таких, как мы, кому не на что больше надеяться. Если бы вы знали, что мы пережили за эти недели, через что прошли... – Молли могла бы сказать ещё больше, но рядом стоял Кип. Она покачала головой, в глазах блеснули слёзы. – У моего брата слабое здоровье. Он сам очень слаб. – Молли знала, что Кип возненавидит её за эти слова, но выбора не было. – Пожалуйста, дайте нам шанс.

Констанция долго изучающе смотрела на Молли.

– Сколько тебе лет, девочка? – спросила она смягчившимся голосом.

– Мамочка! – в ужасе воскликнула Пенни. – Неужели ты не знаешь, что настоящую леди не принято спрашивать о возрасте?

Констанция пропустила упрёк дочери мимо ушей и ждала ответа. Молли опустила голову:

– Четырнадцать, мэм.

Агенту в городе, который нанимал её на работу, Молли соврала, что ей шестнадцать.

– Я знаю, что это мало, но клянусь, я буду работать за десятерых взрослых. Мы с братом выросли на ферме и привыкли к тяжёлому труду. Я всегда вела хозяйство, а Кип может выращивать что-нибудь. У него десять пальцев на руках, под которыми всё расцветает, и десять пальцев на ногах в придачу. Дайте ему месяц, и вы получите свой личный райский сад.

– Я вам точно говорю, – подтвердил Кип, выпрямившись, чтобы казаться выше.

Молли улыбнулась и потрепала его по голове. Во взгляде, которым смотрела на них Констанция, читалась боль. Кажется, впервые за всё время она осознала, какая ноша лежит у Молли на плечах.

– Четырнадцать... – повторила она сама себе. – А где ваши родители?

Молли посмотрела на Кипа, затем на Констанцию. Что же ей сказать, чтобы та поняла?

– Мама с папой немного задержались по пути из Ирландии. Поэтому мы сами.

– Боже мой, надеюсь, с ними не случилось ничего страшного.

Если бы Молли была наивнее, то подумала бы, что женщина искренне сочувствует.

– Ещё как случилось! – вмешался Кип.

Констанция удивлённо вскинула бровь. В горле у Молли пересохло.

– Знаете, мэм, судьба так распорядилась... их... наших родителей... их похитили пираты.

– Они вынудили их вступить в команду! И даже заставили ходить по доске с завязанными глазами! Как святого Патрика! – выдал Кип с гордой улыбкой.

– Какое приключение! – ответила Констанция, только теперь в её голосе сквозил холод.

Молли хотела объясниться, сказать, что и не думала издеваться, но лишь смотрела на Констанцию, взглядом пытаясь показать, что не может произнести правду вслух.

– Пожалуйста, мэм, – удалось ей выдавить из себя. – Нам больше не к кому идти.

Констанция моргнула и покачала головой:

– Ты не понимаешь, о чём просишь, девочка. В этом доме вам не место.

Эти слова она произнесла ровным тоном. И на мгновение Молли показалось, что и сама хозяйка не хотела бы здесь находиться. Опустив глаза в пол, Констанция прошла мимо Молли к входной двери и распахнула её:

– До наступления темноты вы должны покинуть этот дом.

Молли посмотрела на окрестности сквозь дверной проём. Ледяной ветер ворвался внутрь дома и проник под тоненькое пальтишко, пронзив до самых костей. Кип крепче вцепился в костыль и прижался к сестре, стараясь скрыть дрожь. Но даже в таком виде он весь воплощал мужество.

– Подождите! – сказала Молли, повернувшись к Констанции. – Мы уйдём, мэм, раз вы так хотите. В дикий лес, не возразив ни слова. Но перед этим послушайте меня, пожалуйста!

Если бы в этот момент женщина смотрела на Молли, то, возможно, заметила бы, как в её зелёных глазах блеснули две искорки.

– Думаю, ты собираешься сказать, что у меня нет сердца?

Молли покачала головой:

– Нет, мэм, я собираюсь рассказать вам одну историю.

Молли набрала в грудь воздуха, отогнала от себя страх и усталость и все силы направила на женщину, стоявшую перед ней, – женщину, которая, как и любой человек, страстно желала вновь воскресить моменты, когда всё было хорошо.

– Представьте, что вы просыпаетесь утром. Обычное утро, но есть в нём что-то непривычное. Сначала доносится чуть слышный звук, еле уловимый свист. Но вот звук нарастает. Да это же кипит на плите чайник – пора пить чай.

Молли говорила с особым гипнотическим ритмом, и казалось, что слышится, как уютно свистит на плите чайник.

– Вы открываете глаза и видите, что комната наполнена тёплым солнечным светом, ведь портьеры уже раздвинуты, а за ними – огромное окно. Вы потягиваетесь в постели, зеваете, вдыхаете чистый воздух. Выглаженная одежда ждёт вас. А на прикроватном столике – букет свежих цветов из сада. Вашего сада.

Молли заметила, как Констанция закрыла глаза и потянула ноздрями воздух, будто желая уловить аромат летнего букета, пока ещё

не существующего.

– Вы садитесь на постели и по восхитительным запахам понимаете, что на сковородке жарится бекон, а в печи поспевают вкуснейшие булочки. И вдруг... вдруг в дверь стучат... – Молли умолкла.

– И? – отозвалась Констанция через пару мгновений.

Молли пожала плечами:

– А продолжение вы услышите завтра.

Констанция поморгала, огляделась, будто впервые увидела кухню. Она посмотрела на грязный пол, на заляпанные столы, нечищенные кастрюли и, наконец, на собственных детей, притаившихся у плиты.

– Ты нам никогда не жаришь бекон, – пробормотал Алистер.

Пенни соскользнула со стола и подскочила к маме, сложив в мольбе ладошки.

– Мам, мамочка, ну пожа-а-алуйста, – заканючила она. – Пожа-а-алуйста... пусть остаются...

Молли улыбнулась малышке, ведь та готова была принять её ещё до того, как этого захотели все остальные. Она обняла Пенни за плечи и посмотрела на Констанцию. Та покачала головой и глубоко вздохнула. Захлопнула заднюю дверь.

– Вы приступаете к работе с сегодняшнего вечера, – сказала она и, поморщив нос, добавила: – Но сначала вымойтесь.

Портрет молодой леди

Пусть Молли и удалось растопить сердце Констанции Виндзор своим рассказом, но волшебного эффекта хватило ненадолго. Дом и окрестности она показывала Молли с непроницаемым лицом.

– Завтрак в восемь. Чай в одиннадцать. Ужин в шесть, – отдавала она краткие указания, быстро переходя из комнаты в комнату на первом этаже. – Перед каждым приёмом пищи на столе должна быть свежая скатерть. Готовить будешь по рецептам, которые я тебе дам. Читать-то ты умеешь?

Молли заставила себя сдержаться.

– Достаточно хорошо, мэм, – ответила она, откинув с лица прядь ещё влажных волос.

Впервые за долгое время ей удалось помыться. И пусть холодной водой, зато как приятно было почувствовать себя чистой! Молли надела старенькое платье горничной, хозяйка которого явно была на несколько лет постарше и на несколько фунтов потяжелее. Она поправила передник и поспешила за Констанцией в холл.

– Как видишь, я не успела как следует распаковать наши вещи после переезда, – сообщила женщина, махнув рукой на мебель и корзины у стены. – Займись ими.

– Да, мэм.

Эта фраза очень быстро стала универсальным ответом на почти все приказы новой хозяйки. Даже если Молли хотелось уточнить что-то, она просто-напросто не успевала это сделать, потому что Констанция Виндзор передвигалась по дому с огромной скоростью.

– Ночные горшки должны быть вымыты к десяти.

– Да, мэм!

– Полы скоблить дважды в неделю.

– Да, мэм!

– Серебро начищать раз в месяц!

– Да, мэм!

«Да, мэм! Да, мэм! Да, мэм!» – повторяла и повторяла Молли, пока эти слова не впечатались в её память. Уж точно «Да, мэм!» будет

ей снится и молотом отдаваться в голове.

– А что там, мэм? – спросила Молли, указывая на невысокую зелёную дверь на верхнем этаже, мимо которой Констанция прошагала молча. Если все остальные двери запирались на обычную щеколду, то на этой красовался внушительный замок – такие обычно ставят на сейфы и кладовые.

– Не имеет значения. Кажется, у нас даже ключа от неё нет, – ответила Констанция и махнула рукой в сторону грязных следов возле одной из спален. – И вот эту грязь отмой, когда время будет.

Хотя Констанция держалась строго, её утончённые манеры нравились Молли. До этого девочке не представлялась возможность общаться с людьми из высшего общества, и наблюдать за новой хозяйкой было всё равно что подглядывать за ними в замочную скважину. Она носила не просто добротню сшитую, но и красивую одежду. Юбка из тёмной ткани спускалась на пол правильными складками, идеально подчёркивая стройную фигуру, и была ровно такой длины, чтобы чуть-чуть не доставать до пола. Шею и запястья украшали драгоценные камни – такие Молли видеть ещё не приходилось. Каждое её движение было полно изящества. «Будто ожившая картина», – подумала Молли.

На фоне дома красота и утончённость Констанции Виндзор казались какими-то неуместными. В полуразрушенном, запущенном особняке она чувствовала себя явно не на своём месте, и обронённые вскользь фразы о прошлой жизни выдавали тоску по ней. Но даже несмотря на всё это, Констанция пыталась вести с Молли некое подобие непринуждённой беседы. Только у неё не очень получалось.

– Твой брат давно калека? – спросила она, поднимаясь по лестнице.

Молли сжала зубы и попыталась ответить без раздражения в голосе:

– Он таким родился. С больной ногой.

Констанция презрительно махнула рукой:

– Ладно, не важно, чем он болеет. Пусть спит в конюшне, чтобы мои дети не подцепили заразу.

Молли замерла на ступеньках:

– В конюшне, мэм?

Брат никак не выздоравливал, ему нужно было спать в нормальной тёплой постели, а не в стойле с животными.

– Ну или на чердаке, если ему там больше понравится.

– Кипу всего десять лет, мэм, – осмелилась произнести Молли, хотя понимала, что делать этого нельзя. – Внизу, в комнатах для слуг, столько кроватей, неужели ему нельзя занять одну из них?

Констанция обернулась к ней:

– Это не обсуждается. В нашем доме боятся болезней – у нас есть на то причины. Болезнь далеко не в первый раз хозяйничает под нашим кровом...

Молли вдруг вспомнила историю, рассказанную старой карлицей. О том, как мистера Виндзора ещё мальчиком отослали в город. «Ещё кое-что есть. Самое страшное», – сказала тогда старуха.

– И вот что, Молли, – продолжила Констанция, приблизившись к девочке. – Я не привыкла, чтобы мои приказы оспаривали. И если в твою голову ещё раз просто придёт мысль мне возразить, то ты и рта раскрыть не успеешь, как снова окажешься с братом на холодной и сырой улице. Достаточно ли ясно я выражаюсь?

– Да, мэм, – ответила Молли с пылающими щеками.

Констанция широко улыбнулась:

– Великолепно. Следуй за мной.

Когда наконец Констанция Виндзор закончила показывать Молли дом, уже почти стемнело. Они пришли в библиотеку на втором этаже – огромное помещение, где вся мебель была накрыта посеревшими от времени и покрытыми заломами парусиновыми чехлами.

– Муж проводит много времени в городе, поэтому кабинет пустует, – пояснила Констанция. Она раздвинула тяжёлые портьеры, впустив в помещение свет с улицы. – Как видишь, здесь необходимо вытереть пыль.

Казалось, в библиотеку очень давно никто не заглядывал. Вдоль стен под самый потолок уходили стеллажи с книгами. Молли, которая всегда мечтала стать обладательницей такого бесценного сокровища, как книга, захлестнул восторг.

– Капитан Виндзор – учёный, мэм?

– О боги! Учёный? Нет, конечно! – Констанция ответила так, будто её спросили, не выступает ли её супруг в цирке. – Все эти книги

принадлежали отцу Бертрана. Я бы сказала, он был немного странным человеком.

За окном взвыл ветер, и от сильного порыва по стеклу стукнула толстая ветка. Молли отпрыгнула от окна. Ей казалось, что, куда в доме ни глянь, повсюду это дерево.

– Мэм, я могу попросить брата срезать несколько сучьев. И заделать стены там, где дерево повредило их.

– Если бы всё было так просто! – быстро ответила Констанция. – К сожалению, дерево растёт слишком близко к дому. Боюсь, если его побеспокоить, оно может повредить фундамент.

– Что вы, можно срезать пару сучьев, ничего страшного...

Констанция не дала Молли договорить.

– Ни при каких обстоятельствах ни ты, ни твой брат не должны трогать дерево. Тебе ясно? – произнесла она ледяным тоном.

– Да, мэм.

Краска вновь залила ей лицо. Она ведь просто хотела помочь. Стоило хозяйке на мгновение стать человечнее, как вдруг без видимых причин она вновь начинала злиться. Молли сделала вид, что изучает библиотеку, лишь бы Констанция не видела, как глубоко она расстроена.

Взгляд её остановился на портрете. Портрет был огромный, почти с Молли в высоту. Он стоял на каминной полке – ждал, пока кто-нибудь удосужится его повесить. Роскошная золотая рама была укрыта белой тканью. С одной стороны ткань сползла, как туника с плеча античной статуи, и можно было видеть, что на портрете изображено семейство Виндзоров: Констанция, Алистер, Пенни и мужчина – наверняка мистер Виндзор. Только эти четверо были не той семьёй, к которой Молли поступила в услужение. С картины на неё смотрели круглые лица со здоровым румянцем, ярким живым взглядом. Волосы у Виндзоров были не чёрные – лица членов семьи обрамляли каштановые кудри. Молли разглядывала портрет и не знала, что думать. Художники часто льстили тем, кого рисуют, но здесь дело было совсем в другом.

– Что случилось? – поинтересовалась Констанция, пристально глядя на девочку.

Молли посмотрела на женщину, стоявшую рядом: те же рот, нос, глаза, только кожа утратила цвет. А некогда голубые глаза

превратились в два чёрных омута. И сама она как-то суше, тоньше, чем на портрете.

– Это вы, мэм? – осторожно спросила Молли.

– Ну а кто же ещё, милая? Мы заказали этот портрет летом, как раз накануне переезда сюда.

Летом? У Молли в голове не укладывалось, что за несколько месяцев её хозяйка так изменилась. Констанция напряглась под взглядом девочки. Провела рукой по чёрным прямым волосам.

– Не пора ли тебе готовить ужин? – бросила она и направилась к выходу.

Молли задержалась у портрета ещё на несколько мгновений. По дому гулял сквозняк, ветви дерева стучали по стёклам, будто просились внутрь. Молли на шаг отступила от портрета. Всмотрелась в изображённых там людей. Все четверо улыбались, довольные и пышущие здоровьем. С семьёй Виндзоров происходят какие-то зловещие перемены, а они даже не замечают их. Молли укрыла раму сползшей тканью и вышла из библиотеки.

6

Силуэт в тумане

Комнаты для слуг располагались в цокольном этаже. Молли разрешили выбрать любую, и она остановилась на той, где было меньше всего паутины и целая кровать. Кроме этих скромных благ цивилизации комната могла похвастаться только сыростью и пустотой. Из мебели в ней имелись лишь шкаф для одежды и небольшой туалетный столик, над которым висело зеркало. По потолку ползла плесень. Кое-где корни дерева пробили стены и образовали под обоями причудливый узор, напоминающий сетку вен на человеческих руках.

Вся семья Молли всегда спала в одной комнате, поэтому мысль о том, что теперь она будет жить одна, пугала её и приводила в трепет. Но девочка быстро переоделась ко сну и составила в уме список дел, которые нужно выполнить прямо с утра. Как же приятно было думать о том, что слово «утро» не несёт больше неопределённости и не внушает ужас: сколько же раз она отправлялась спать с пустым желудком и тяжёлым сердцем!

Наверху в прихожей старинные напольные часы пробили двенадцать раз. Полночь. Будто дождавшись сигнала, в темноте застонал ветер. Отозвались скрипом деревянные балки – дом вздохнул, когда ветер проник внутрь сквозь трещины в стенах. Кровать Молли стояла прямо под окном – достаточно большим, чтобы в него мог пролезть человек. Девочка взяла лампу и, поставив её на подоконник, трижды заслонила ладонью огонь – так сигналият друг другу моряки на повстречавшихся в море кораблях.

Через несколько минут в окно кто-то тихонько поскрёбся. Молли распахнула створку: внизу в самой грязи сидел на корточках Кип. От ветра волосы у него на голове стояли дыбом.

– У-у-у, – завыл он.

– Тоже мне «у-у-у»...

Молли втащила внутрь костыль и прислонила его к оконной раме. Затем подхватила брата под мышки и помогла ему залезть в окно.

– И не забудь, как мы договаривались: просыпаешься и уходишь отсюда до рассвета, пока никто не встал.

Девочка прекрасно понимала, что нарушать приказ хозяйки очень опасно. Но Кипу было просто необходимо спать в тёплой и сухой постели.

– Эй, а разуться? – вскрикнула она, но было поздно: Кип уже бухнулся на постель. – И в следующий раз закрывай за собой окно, а то листья налетят.

Кип покраснелся и тяжело дышал. Он покосился на тёмное окно за спиной.

– Я пока к тебе шёл, за мной кто-то следил. Зуб даю! – выпалил он и плотно закрыл раму на шпингалет. Затем слез на пол.

Молли стелила постель.

– Ну ты сказал ему прекратить? – поинтересовалась она.

– Я вообще-то не шучу. – Усевшись на пол, Кип стащил с себя ботинки и теперь принялся за брюки. – Я ждал в конюшне, пока ты дашь мне знак. А тут ветер налетел, сразу темно стало: ни тебе звёзд, ни луны. Вижу: ты меня зовёшь. Ну я и пошёл. И на полдороге чую, у меня волосы на загривке дыбом встали. Понимаешь, сестра, я его почувствовал, он прямо у меня за спиной был. Тогда я обернулся, а там, в тумане... – Кип неопределённо покачал головой. – На секунду мне показалось, что я видел того, кто за мной следит.

Молли усердно застила постель, стараясь не выдавать волнения. Ведь это из-за неё Кипа преследуют такие страхи. Это она забила ему голову призраками, ведьмами и гигантскими осьминогами.

– Ты же сказал, там было совсем темно. Что ты мог видеть в темноте?

– А я тебе говорю, что видел! – решительно ответил Кип, натягивая ночную рубашку. – Высокий такой, очень высокий, одежда чёрная и высокая чёрная шляпа на голове. Я только несколько шагов к дому сделал, снова оглянулся, но он исчез.

Молли помогла брату лечь в постель, застеленную свежим бельём.

– Он, наверное, посмотрел на твоё свирепое лицо и испугался, – ответила она.

– Я не шучу, Молли! – не унимался Кип. – Здесь, в этом месте, что-то не так. Ты посмотри, какие все бледные, это же странно.

– Кип, да все англичане так выглядят.

Как же хорошо, что она не успела разболтать ему про портрет в библиотеке. Ни к чему добавлять ещё один повод для беспокойства.

– Мы привыкнем.

Молли задула лампу и легла рядом с братом. Она смотрела на потолок, пока глаза привыкали к темноте. Среди теней она различила место, где толстый корень проник сквозь перекрытие и теперь виднелся между деревянными балками. Столько недель борьбы, и вот они с Кипом в тёплой постели, в безопасности. Но почему ей никак не удаётся избавиться от мысли, что им здесь не место?

– Молли, – шёпотом позвал брат; он держал в руках пуговицу, которую она вручила ему утром, – почему они отправились в кругосветное путешествие без нас?

Молли приподнялась на локте:

– Ты же знаешь не хуже меня, Кип. Родители не хотели, чтобы нам было тяжело.

– Или чтобы мы утонули, – вздохнул мальчик.

– Или чтобы мы утонули, – повторила Молли, проглотив комок в горле.

Кип повернулся к сестре. В глазах у него сверкнули огоньки, которые загораются у любого мальчишки, почувшего приключения.

– А как ты думаешь, они уже видели драконов?

– Я просто уверена. В океане полно драконов. Может, если мы будем вести себя хорошо, они нам одного привезут, – сказала Молли и посмотрела на брата очень серьёзно. – Но сейчас у нас есть задача поважнее.

– Это какая?

– Крепко спать, – с улыбкой ответила девочка и поправила на нём одеяло.

Кип наверняка возмутился бы такой заботе, но сон уже наполовину сморил его. Молли давно заметила, что на детей в определённом возрасте даже мысль имеет сильное влияние. Не успела она сказать брату о сне, как он уже задремал: прямо на её глазах опустил потяжелевшую голову на подушку, задышал спокойнее и размереннее. Пальцы разжались – на ладони лежала «волшебная» пуговица.

Молли повернулась на спину и закрыла глаза. Впервые за долгие недели она расслабилась и поддалась усталости. Всё тело болело: руки, ноги, каждая косточка, даже волосы на голове. Молли слишком вымоталась, чтобы думать о бледном семействе, кошмарном дереве

или о странном портрете в библиотеке. Она настолько устала, что даже не слышала, как внизу открылась дверь и раздались чьи-то тяжёлые шаги...

Кип проснулся и ушёл, как только рассвело. Крепкий сон и два нормальных приёма пищи – и он воспрял духом. Даже левая нога, которая всегда болела с утра, беспокоила его не так сильно. Молли сказала, что мистер Виндзор возвращается в конце недели, а значит, если Кип усердно поработает, он успеет привести в порядок лужайку перед домом.

Первым делом мальчик принялся за плющ, который разросся на весь фундамент особняка. Кип подстриг зелень по бокам дома и с задней стороны, хотел было заняться фасадом, где росло дерево, но оказалось, что делать там нечего, будто невидимая рука убрала все лишние заросли. Закончив с плющом, Кип наколот немного дров, приладил дверцу конюшни и вымел стойло Галилея.

Кипу нравилось работать на свежем воздухе. Он вспоминал времена, когда помогал отцу вести дела на ферме на берегу моря. Ферма у них была маленькая: несколько животных, огород, большая грядка картофеля – но папа один не управился бы. Кип часто думал: а если бы он был сильнее, если бы он был обычным здоровым мальчишкой, получилось бы у них с отцом сделать их ферму по-настоящему богатой или нет? Тогда семье не пришлось бы уезжать из Ирландии на поиски работы и они не жили бы в разлуке.

Время близилось к полудню. Кип тягал воду из колодца для Галилея, когда услышал доносящийся со стороны дома плач.

– Но, Алистер, я же испорчу своё любимое платье! Кричала девчонка, Пенни. Напротив неё, прислонившись к дереву, стоял старший братец.

– Об этом надо было думать до того, как ты согласилась на мою игру, – равнодушно произнёс Алистер. – Полезай, а то получишь двойное наказание.

Хулиганы встречались Кипу не раз, и он с первого взгляда определил, что Алистер весьма преуспел в деле издевательства над беззащитными и получал особое удовольствие, когда обижал слабых.

Покажи такому паутину – он обязательно её порвёт. Покажи гнездо – он непременно его разорит. Покажи ему хромого мальчишку...

Кип решил не думать, что тот сделает. До сих пор он с успехом избегал встречи с Алистером, что было нетрудно: младшие Виндзоры в основном играли дома, а если даже и выходили на улицу, то холмики как естественная преграда разделяли их и Кипа, ухаживавшего за лужайкой.

Теперь же Кипу представилась возможность понаблюдать за братом с сестрой, оставаясь незамеченным. Девочка полезла в яму, вырытую среди корней большого дерева. Раньше Кип не замечал яму, потому что она была засыпана листьями. «Надо будет сгрести всю листву», – отметил для себя Кип. Яма оказалась неглубокой: когда Пенни встала на дно, голова осталась над землёй. Алистер тут же принялся засыпать сестру листьями, сталкивая их ногами, пока те полностью не покрыли девочку.

– Алистер, я больше не хочу играть в эту игру, – попросила Пенни. Очки сползли ей на нос, и она вертела головой, чтобы водрузить их на место без помощи рук.

– Это совсем новая игра! – сообщил Алистер, сложив руки за спиной и стоя над ямой, как надзиратель. – «Сладость или гадость» называется. С первой частью ты уже справились. Теперь следующий шаг. В одном кармане у меня кулёк с конфетами, а в другом... – Алистер картинно крутнулся вокруг своей оси. – А в другом... нечто страшное!

Пенни пискнула от ужаса и с мольбой посмотрела на брата.

– Я выбираю конфеты, – произнесла она тоном, который скорее предполагал вопрос.

Алистер отошёл от края ямы.

– Ну ты и глупая. Ты должна выбрать правый или левый карман. А то, что будет в кармане, ты должна будешь съесть.

Кип не мог сказать наверняка, но чутьё подсказывало ему, что независимо от того, какой карман Пенни выберет, она проиграет. Лицо малышки стало сама сосредоточенность: она пыталась отгадать, где конфеты.

– Мне кажется... мне кажется, в левом, – наконец решилась она.

– Итак, ты выбираешь левый!

Алистер засунул руку в левый карман и вытащил полную горсть каких-то тёмных, длинных, похожих на шнурки штук. Выигрыш свисал между пальцами, медленно извиваясь.

Кип достаточно работал на земле, чтобы понять, что достал Алистер.

– Черви, – тихо сказал он сам себе.

Пенни взвизгнула, подтвердив его догадки. Алистер держал извивающийся приз у сестры над головой.

– Давай-ка посмотрим, кто из них первым доберётся до тебя, – изрёк Алистер и с заметным удовольствием высыпал дождевых червей на край ямы.

Пенни, до этого честно соблюдавшая правила игры, не выдержала.

– Выпусти меня! Выпусти меня, Алистер! – заверещала она, дико вертя головой, чтобы расплзающиеся во все стороны черви не добрались до неё. И вдруг девочка закричала по-другому, с неподдельным страхом, да таким, что растерянность появилась даже на лице Алистера. – Ноги! Ноги! Они схватили меня за ноги! Помогите!

– Да у тебя истерика! – заявил Алистер. – Я же вижу, что червячки ещё и под листья не пролезли. – Он нагнулся и двумя пальцами поднял извивающееся тельце. – Давай так: ты съешь одного червяка, и я тебя отпущу.

Но Пенни его не слышала. Она кричала о том, что червяки обвили ей ноги. Братец же, не упуская возможности, поднёс червя к открытому рту сестры.

Больше наблюдать за этой сценой Кип не мог. Схватив костыль, его Мужество, он выскочил, сильно хромя, из укрытия.

– А ну отпусти её! – крикнул он на ходу.

Алистер медленно обернулся на голос. И расплылся в неопишемом удовольствии.

– Да это же наш новый садовник! То-то, я думаю, запахло дерьмом!

Не обращая внимания на его слова, Кип приближался. Алистер сделал шаг, чтобы оказаться между Кипом и сестрой. Теперь двух мальчиков отделяло расстояние не больше метра. Вблизи Алистер

казался ещё выше и толще. Кип проглотил комок в горле, собрался с духом и выдал:

– Отпусти её! Она не сделала ничего плохого!

– А то что? – Алистер отбросил червяка в сторону. – Одно слово маме, и она вас вышвырнет, как котят, сироты вонючие.

– Я не сирота! – воскликнул Кип. – А ты издеваешься над слабыми!

Щёки у него пылали, свободная рука сложилась в кулак. Слова не помогут – придётся драться. Конечно, боец из Кипа был так себе, но всё же кое-какой опыт он имел и несколько правил драки знал. Правило номер один: нападай первым – так точно успеешь как следует вмазать хоть раз, а дальше уж как пойдёт... Правило номер два: укуси себя за язык, да посильнее, и бросайся в бой. Тогда, когда начнут бить, боль не особо удивит. И правило номер три, самое важное: как можно скорее уравний условия – свали соперника на землю. Если сцепиться на земле, то одна нога не такая уж помеха. Честно говоря, эти приёмы ни разу не помогли Кипу одержать победу в драке, но они всегда помогали ему проиграть с наименьшим ущербом.

Кип отбросил костыль и, рухнув на мокрую траву, скатился Алистеру в ноги. Тот не удержался и, падая, дико заорал. Кип старательно лупил по самым болючим местам: по почкам, под рёбра, под коленки. Почти сразу Кипу стало ясно, что его соперник, хоть и выглядит внушительно, понятия не имеет о приличной драке. Он пару раз вяло стукнул Кипа по спине между лопаток, пнул по локтю, а затем стал рвать на нём волосы и кусаться за уши.

Пенни голосила в яме, а мальчишки катались по мокрой траве, сцепившись в остервенелой драке. Треск, раздавшийся от прямого попадания головой по переносице Алистера, вполне удовлетворил Кипа. Ему самому хлынула в глаза кровь, голова затряслась, но Алистер так взвыл и схватился руками за лицо, что сомнений не оставалось: удар попал в цель. Кип ухмыльнулся: да он же побеждает в этой схватке!

Вдруг кто-то схватил его за руку.

– Пусти его! – закричала Молли, пытаясь разнять дерущихся. – О чём ты только думаешь!

Кип далеко не сразу понял, что обращается она не к Алистеру, а к нему. Сестра метнула взволнованный взгляд в сторону дома. К ним

почти бежала Констанция Виндзор. Первым делом она бросилась к Пенни и вытащила её из ямы. Малышка крепко обвила её за шею и не хотела отпускать.

– Что здесь происходит? – потребовала объяснений хозяйка.

Алистер кое-как поднялся с земли и доковылял до матери.

– Всё этот калека начал! Набросился на меня и убить хотел!

Констанция переводила взгляд с одного мальчишки на другого. Оба извалялись в грязи, перемазали одежду травой, тяжело дышали, а у Алистера ещё и лицо было в крови.

– Это правда? – вопрос был адресован Кипу.

Тот, по-прежнему лёжа на земле, смотрел на неё и не в силах был отрицать свою вину. Но тут заговорила Молли:

– Простите, мэм, но ваш сын лжёт. Я всё видела. Мой брат защищался, как сделал бы любой на его месте.

Кип в смятении посмотрел на сестру. Если она и правда всё видела, то прекрасно знает, что он напал первым.

– Не слушай её, мама! – загнусавил Алистер, прикрывая разбитый нос. – Она его выгораживает. Спроси Пенни – она видела!

Но Алистеру не повезло: Пенни сквозь слёзы пыталась рассказать, как страшно червяки кусали её за пальцы на ногах.

– Ты издеваешься над маленькими девочками и беззащитными калеками? Я всё расскажу отцу!

Алистер только усмехнулся и полез в карман за кульком с конфетами.

– И что он мне с-с-сделает? Н-н-накажет меня? – спросил он, намеренно заикаясь.

Мать выдернула у него из рук кулёк с конфетами. Вся она была как сжатая пружина.

– Уважай отца! – сухо произнесла она. – Немедленно в свою комнату!

Кип даже подумал, что она ударит сына. Алистер отвернулся от неё, красный как рак, и, наградив Кипа угрожающим взглядом, удалился. Констанция повернулась к Кипу. Молли показалось, что она хочет извиниться, но ничего подобного не произошло.

– Закопай яму. Не дай бог кто-нибудь в неё свалится и ушибётся.

Следующие слова были обращены к Молли:

– А ты почему не на кухне?

После этого Констанция молча отвернулась и с Пенни на руках пошла в дом. Молли подняла с земли костыль и подала его Кипу:

– Мы и недели не проработали, а ты уже дерёшься с молодым хозяином. Пообещай, что это не повторится. О чём ты только думал?

О чём он думал? Вот, значит, как! Да он поступил так, как она сама его учила. Сколько он себя помнил, Молли его защищала от других детей. Раз в неделю сестре приходилось за него вступаться. Теперь Кип ровно то же самое сделал для Пенни, а сестра почему-то в бешенстве!

Кип не взял костыль. Он сам встал на здоровую ногу, которая болела и подгибалась от слабости.

– Ну и не врала бы, будто видела драку, – бросил он, задыхаясь.

– По-твоему, я должна была сказать хозяйке, что её сына поколотил мальчишка в два раза меньше ростом? – Молли попыталась свести ситуацию к шутке, но Кип даже не улыбнулся. Сестра вздохнула. – Кип, я сказала это, чтобы защитить нас. Это же просто такая история.

– Просто история? – Мальчик смотрел ей прямо в глаза, не отводя взгляда. – А если другому человеку что-то говорят и он верит, это тоже просто история?

Кип взял у Молли костыль и поковылял к конюшне. После драки на него навалилась усталость, ноги дрожали. Возбуждение от победы сменилось мрачной тоской.

Хотя Молли несколько преувеличила, описывая свои навыки ведения домашнего хозяйства, она делала всё возможное, чтобы хорошо себя показать. Всю первую неделю она скребла, чистила и мыла особняк Виндзоров. И даже придумала для себя своеобразную игру: предугадывать малейшие пожелания хозяйки, чтобы выполнить их ещё до того, как они прозвучат. Надо сказать, в этом деле ей значительно помогала Пенни, которая, как маленький шпион, доносила информацию о том, что в графине закончилось вино, а из открытого окна дует. К концу недели Молли явно преуспела и поняла, что усилия не напрасны: хозяйка трижды по разным поводам – трижды! – сказала ей «спасибо».

И вот днём в пятницу появился мистер Виндзор. Заслышав приближающийся экипаж, Молли бросила стирку и позвала брата. Они бросились к парадному входу, чтобы встретить хозяина. Девочка прекрасно понимала, насколько важно сразу понравиться главе семьи, а если он хоть немного похож на жену, задача будет не из лёгких.

Молли с Кипом навтыяжку встали у крыльца, чтобы походить на настоящих слуг. На них была свежая, хоть и мешковатая одежда и начищенные ботинки. Молли даже заставила брата умыться как следует, и теперь он сиял чистотой, хотя за ушами всё-таки осталась грязь, а на шее красовалось несколько следов от укусов Алистера. Девочка не определилась, то ли надо наказать брата за драку, то ли гордиться им. Наверное, родители бы тоже разделились: мама восхитилась бы смелостью Кипа, а папа расстроился бы из-за его горячности. Эта мысль вызвала у Молли улыбку. А затем ей стало грустно.

Экипаж прогрохотал по дорожке и остановился у парадного входа. Человек, слезший с места кучера, удивил Молли. Некогда широкие плечи были понуро опущены. Подбородок на круглом лице выглядел безвольным. Даже усы висели безжизненно. Как у остальных членов семьи, на очень бледном лице выделялись чёрные глаза, которыми он беспрестанно моргал, будто всё время опасался

неожиданного удара. И Молли сразу стало ясно, почему Алистер пропустил угрозы матери мимо ушей: мистер Виндзор выглядел совершеннейшим размазнёй.

– Мы ждали тебя на несколько часов раньше! – воскликнула Констанция, выбегая навстречу мужу. С самого утра её волнение по поводу прибытия мужа нарастало. – Какие новости?

– П-п-прости, дорогая, я п-п-поздно выехал из города.

Мистер Виндзор заметно заикался. Он постучал ботинками по крыльцу, чтобы сбить грязь.

– И дороги – сплошное болото с понедельника. Д-д-думаю, если дальше так пойдёт, нас к Пасхе вообще з-з-затопит.

Он взглянул на жену – наверное, в ожидании улыбки, но реакции не последовало.

– Как прошли встречи? С пользой? – спросила она.

Но Виндзор не расслышал супругу и повернулся к Молли и Кипу.

– Б-боже мой! – воскликнул он. – Что с-с-стало с моими детьми? Вы не похожи на В-в-виндзоров.

Молли восприняла слова хозяина как шутку и поприветствовала его учтивой улыбкой.

– Алистер и Пенни наверху. Они одеваются к обеду. Меня зовут Молли, а это мой брат Кип.

– Мы прислуга, – добавил Кип, поклонившись настолько низко, насколько позволял костыль.

Молли взяла у капитана Виндзора пальто и шляпу. От одежды шёл застарелый запах табака и эля.

– Стол почти накрыт к обеду, сэр.

– О, провизия! – Капитан Виндзор всплеснул руками и довольно потёр их. – Нет ничего лучше горячего обеда после долгого путешествия. Только горячий обед после короткого путешествия. – Он повернулся к супруге и предложил ей локоть. – Прошу вас, дорогая.

Госпожа Виндзор закатила глаза и зашла в дом, проигнорировав жест мужа. Бертран Виндзор смущённо улыбнулся Молли и посеменил вслед за женой, на ходу вспоминая шутку про черепаху и зайца.

Молли с братом переглянулись.

– Вроде он не грозный, – сказала девочка.

Кип хмыкнул:

– Да уж, грозный, как жук навозный. Я бы пожал ему руку, да боюсь, он в обморок от страха хлопнется. – Кип проковылял к экипажу, сел на козлы, взял поводья. – Этот мир долго не протянет, если такого человека звать хозяином.

Щёлкнув поводьями, Кип направил лошадь к конюшне.

Следующие полчаса Молли занималась приготовлением обеда. Помешивая содержимое кастрюль и сковородок, она думала, как несправедливо Кип отнёсся к мистеру Виндзору. Уж кто-кто, а её брат по себе знает, что такое презрение.

На стол она подала подгоревшее жаркое и переваренные овощи, но в свете того, сколько работы по дому ей приходилось выполнять, еда была не так уж плоха. Почти весь обед Пенни усердно пыталась наколоть на вилку как можно больше горошин. Алистер, пока не видят родители, таскал из кармана нечто похожее на мятные тянучки и засовывал в рот. Констанцию гораздо больше интересовал бокал с вином, чем тарелка с едой. А Бертран говорил не умолкая, вместо того чтобы есть.

– О, это же твоя национальная кухня! – воскликнул он, когда Молли положила ему отварной картофель.

Девочка улыбнулась и не стала говорить, что с детства ела вовсе не такую картошку, а чёрную и склизкую, полусгнившую. Похоже, Бертран Виндзор не переносил тишину и считал своим долгом украсить трапезу разговорами, поэтому один за другим пересказывал анекдоты, услышанные в городе.

– Один д-д-джентльмен г-г-говорит другому: «Моя жена всё время просит у меня денег. Просыпаюсь утром, а она: «Дай мне пять фунтов!» Прихожу домой, а она: «Дай мне пять фунтов!» В-в-второй у него спрашивает, куда его жена тратит столько денег. А первый отвечает: «Не знаю. Я же ни разу ей не давал». – И капитан Виндзор весь затрясся от смеха.

Пенни отвлеклась от вылавливания горошин в тарелке:

– У Молли истории лучше.

– Очень забавная история, сэр, – с вежливой улыбкой сказала Молли.

Примерно так прошёл весь обед. Бертран Виндзор сыпал остротами и модными словечками, которых нахватался в городе. И чем меньше интереса проявляли члены его семьи, тем сильнее он старался

привлечь их внимание. Больше всех нервничала Констанция: она несколько раз пыталась перевести разговор на другую, более содержательную тему. В какой-то момент она не сдержалась и сказала прямо:

– Дорогой, мне бы хотелось послушать новости о банке. Готовы ли они пойти нам навстречу?

– О! Знаешь, что я вспомнил! Однажды два банкира попали в женский монастырь... Как же там дальше? Сейчас вспомню...

– Не вспоминай!

Констанция бросила серебряные приборы на тарелку, поднялась и вышла из-за стола, покинув зал. Дети смотрели на отца, а тот лишь еле заметно улыбнулся.

– В-в-вероятно, у неё несварение.

Резкий уход Констанции не оставил иллюзий: о счастливом воссоединении семейства речь не шла. А вскоре, извинившись, ушли и дети – капитан Виндзор остался за столом в одиночестве. Молли не могла вынести это зрелище и ждала в кухне, пока хозяин доест, а потом вернулась, только чтобы убрать посуду.

Лишь поздно вечером девочка поняла, что так расстроило хозяйку. Она как раз домывала кастрюли, когда до неё долетели обрывки разговора. Молли прислушалась: голоса доносились из шахты кухонного лифта, который вёл в одну из комнат наверху.

– Так вот на что тратят время твои новые партнёры! На глупые анекдоты в кабаках и публичных домах! – говорила Констанция.

– Н-н-ну, не всё время, дорогая. Но эти д-д-джентльмены – они сделаны из другого теста. Они приземлённые создания. Но! Они п-п-первоклассные б-б-биржевые спекулянты. Они как рыба в воде ведут игру на бирже. И п-п-поверь мне, они быстрее всех д-д-других вытащат нас из нашего затруднения, а может, они...

Наверное, на этих словах Констанция и Бертран отошли от шахты подъёмника, потому что голоса исчезли. Как же Молли хотелось больше узнать о причине их разногласий! Тогда она бы поняла, что заставило их переехать в этот старый дом...

Быстро набрав в кувшин воды, девочка ринулась наверх. Если её поймут за подслушиванием, кувшин поможет выкрутиться. За недолгое время службы в доме она успела усвоить, что члены семьи её не замечают, а что может быть лучше? Молли заняла позицию у

шкафчика и подливала воду в вазу с полевыми цветами, принесёнными Кипом из леса. Гостиная оказалась как раз у неё за спиной, и через щель в покосившейся двери можно было видеть Виндзоров, увлечённых разговором. Констанция стояла, сложив руки на груди.

– У меня такое чувство, как будто я вообще не твоя жена. Говорю тебе, что не хочу иметь ничего общего с этим домом, а ты не обращаешь внимания. Говорю, что мне не нужны слуги, а ты? Ты присылаешь мне детей. Двоих детей, Берти!

– Но они же работают бесплатно, – весело ответил капитан Виндзор. – А это уже кое-что. – Он положил руку супруге на плечо. – П-п-пожалуйста, верь мне. Всё получится, но н-н-нужно время.

– Ты говорил мне, что времени нет.

– Ты права. Права. – Он подошёл к жене ещё ближе. – Но время всегда можно купить, – прошептал он и убрал руку.

Констанция застыла. Молли нагнулась к самой щели, чтобы рассмотреть выражение её лица. Хозяйка вздохнула и что-то достала из кармашка на платье.

– Пообещай мне, что это закончится, – произнесла она.

Виндзор молча выхватил у неё продолговатый металлический предмет и вцепился в него так, будто ему досталось сокровище. Затем развернулся и вышел в коридор. Молли вжалась в стену в надежде, что за открытой дверью хозяин её не заметит. Бертран Виндзор прошёл прямо мимо неё, и в руках у него был ключ...

Комната наверху

– Хорошо, я полежу с тобой.

Молли зашла в комнату Пенни, которая напоминала поле боя: повсюду были разбросаны куклы, деревянные игрушки, мягкие мишки и другие зверюшки. Из-за того что Молли готовила дом к возвращению мистера Виндзора, убрать комнату малышки она не успела. Возможно, до неё дойдёт очередь завтра. На кровати лежали кружевные подушки, а сверху висел муслиновый полог. Разве честно, что у этой семьи есть всё, а у них с братом почти ничего?

Молли облокотилась на подушки, затем откинула тяжёлое одеяло, и Пенни – расчёсанная и переодетая в чистойшую ночную рубашку – залезла на пуховую перину, а затем перебралась к Молли на колени.

– Расскажи мне ещё о Клеопатре, – попросила она.

За ту неделю, что Молли с братом жили в доме Виндзоров, история на ночь стала ритуалом. В отличие от большинства сверстников, которым в шесть лет не особо хочется отправляться в постель, Пенни не могла дождаться времени сна, потому что Молли непременно рассказывала ей страшную историю. А в среду малышке так не терпелось приблизить заветную минуту, что она перевела стрелки огромных напольных часов вперёд в надежде лечь спать сразу после вечернего чая.

Молли сняла с девочки очки и положила их на прикроватный столик.

– Хорошо, – неспешно начала она, придумывая на ходу. – Поговаривают, что Клеопатра была ангелом, спустившимся с неба.

– Так вот почему в неё влюбился архиепископ! – обрадовалась Пенни. – А крылья у неё были?

Молли кивнула.

– Но ей пришлось их сбросить, когда она спустилась к нам. Смотри, там, где росли крылья, до сих пор остались следы, – сказала Молли и провела кончиками пальцев по лопаткам Пенни. – Вот тут.

Девочка свернулась калачиком. Молли укрыла её одеялом.

– Слушай дальше о Клеопатре. Когда она пела, голос её звучал так чарующе, что весь мир замирал, бросал дела и слушал её. И где бы человек ни находился, до него доносился перезвон колокольчиков.

– А ты умеешь петь? – спросила Пенни.

Молли покачала головой:

– Нет. Так, как она, не умею.

Малышка вздохнула:

– Мама раньше мне пела. Песенки про принцессу Пенни – про меня. И держала меня за руку, пока я не усну.

Слова девочки удивили Молли: она могла представить хозяйку лишь очень строгой и сдержанной, и никак иначе. Чего только стоит её поведение с мужем за столом сегодня вечером – аж оторопь берет.

– Мама больше не приходит поправить тебе одеяло? – спросила Молли.

Пенни вздохнула:

– После того как мы переехали, она перестала это делать. Только сердится на меня всё время. Ненавижу этот дом! Здесь не с кем играть.

– А брат, маленькая мисс? А я?

Пенни уселась на кровати. Её лицо выражало крайнее возмущение.

– Я же не могу играть с мальчишкой! – выдала она и плюхнулась на постель. – И вообще, Алистер не берёт меня играть – он только издевается.

Молли укрыла Пенни аж до самого подбородка.

– Обещаю, что, пока я рядом, не позволю ему тебя обижать. Договорились?

И Молли скрестила руки на груди, чтобы показать: её слова – не пустые обещания. Взгляд упал на тумбочку возле кровати. За лампой стопкой лежали книги – тонкие и квадратные, в таких обычно больше картинок, чем текста. Обложки все были яркие, а на корешках красовались названия, напечатанные золотыми буквами. Книжки принадлежали одной серии: «Принцесса Пенни и чудовище», «Принцесса Пенни съедает целый торт», «Принцесса Пенни отправляется на Луну», «Принцесса Пенни не хочет спать».

Молли взяла из стопки верхнюю книжку, на обложке которой девочка в очках сражалась с морским драконом.

– Про принцессу Пенни... Совсем как тебе мама рассказывала!

Пенни вскочила на кровати и схватила Молли за руку:

– Не трогай! Тебе нельзя их видеть.

Сначала Молли подумала, что девочка шутит, но та была серьёзна, как никогда.

– Ну что ж, мисс Пенни, как скажете. Все имеют право на маленькие секретки. Но тогда найди тайник получше.

Пенни откинулась на подушки – по её мнению, недоразумение было исчерпано, и она спросила:

– А почему вы с братом уехали из Ирландии?

Молли прекрасно понимала, что малышка хитрит и хочет заставить её рассказать ещё одну историю. Устоять перед такой хитростью было сложно.

– Если честно, я привезла Кипа сюда, потому что мне приснился сон...

– Очень страшный сон? – перебила Пенни, вновь садясь на постели. Говорила она так, будто была уверена в ответе на вопрос.

Но Молли покачала головой:

– Вовсе нет. Мне приснилась маленькая девочка по имени Пенни, которой до зарезу нужна была служанка. Девочка была такая милая и так хорошо себя вела, что я решила всё бросить и поспешила к ней на помощь.

Молли погладила малышку по чёрным волосам, но та отодвинула голову.

– Неправда! – сказала она.

– Истинная правда, мисс Пенни.

Девочка распутывала узелок на волосах.

– Раньше я тоже видела такие сны. А здесь всем снятся только кошмары. Каждую ночь. Маме и папе. И даже Алистеру. Мне слышно из их комнат.

Молли вспомнила собственные сны: в последнее время они тоже стали пугающими и мрачными. Она посмотрела в чёрные глаза своей маленькой хозяйки: не потому ли Пенни так любила её сказки на ночь, ставшие чем-то вроде ночника, отгоняющего страхи? А вслух Молли сказала:

– Страшные сны – всего лишь сны. Они же не настоящие и вреда не принесут.

Пенни покачала головой.

– Мне не от снов страшно, – сказала девочка, оглядывая комнату, будто кто-то мог подслушивать. – Я иногда, когда сплю, кое-что слышу. Его слышу.

– Кого его? – еле нашла в себе силы задать вопрос Молли.

Пенни придвинулась ближе и чуть слышно прошептала:

– Ночного человека.

Молли посмотрела на малышку, пытаюсь понять, не разыгрывает ли она её. Пенни продолжила:

– Он обходит весь дом, комнату за комнатой, а потом уходит. Я сказала маме, а она не поверила мне и считает, что я всё выдумала. А я не выдумала, потому что иногда по утрам от него остаются следы на полу. Огромные и грязные.

Сердце у Молли готово было выскочить из груди. Она вспомнила грязь, которую приходилось отмывать по всему дому. Вспомнила историю про силуэт в тумане, которую ей рассказал брат. А если он и Пенни рассказал то же самое, а она просто добавила немного деталей?

– Знаешь что, когда в следующий раз услышишь шаги этого ночного гостя, скажи ему, чтобы ноги вытирал. Я не собираюсь надрываться и всё отмывать, чтобы он снова тут наследил.

Молли встала.

– Не уходи, – попросила малышка, зевая.

– У тебя ещё куча вечеров со сказками впереди.

Молли очень хотела верить, что так и будет. В красноватом свете лампы кожа Пенни поразила её мраморной бледностью. На лице плясали тёмные тени, а чёрные глаза напоминали бездонные колодцы. Молли заставила себя улыбнуться.

– А пока... – сказала она и запела:

*Сладко спать тебе и мне,
Сладко спать нам в Дублине...*

Эту колыбельную пела ей в детстве мама. И сейчас Молли казалось, что она слышит мамин голос, далёкий и тихий, зовущий её из неведомых земель. Молли нагнула голову, чтобы Пенни не видела её лица, и выскользнула из комнаты.

Часы в коридоре пробили девять раз, когда она вышла из спальни Пенни. На укладывание малышки ушло больше времени, чем она рассчитывала, и Кип, наверное, уже давно ждёт под окном. Молли повернула за угол к лестнице и остановилась. За прошедшую неделю она побывала во всех комнатах особняка Виндзоров – во всех, кроме одной: той, на самом верху, за зелёной дверью. Констанция Виндзор сделала вид, будто ключ потеряла, и Молли ей тогда поверила. Но сегодня вечером, подслушивая разговор в гостиной между хозяевами, она узнала, что ключ существует.

Зелёная дверь была открыта. Вернее, приоткрыта: из щели пробивалась полоска серебристого света. Молли посмотрела на окна в коридоре. Там, снаружи, под её спальней ждёт Кип, мёрзнет и может простудиться. Но всё-таки, наверное, у неё есть пара минуток, чтобы заглянуть в комнату. Молли уменьшила огонёк в лампе и на цыпочках направилась к зелёной двери. Внутри кто-то был, издавая странные звуки. Слышался скрежет, ворчание, скрип и шарканье. Звуки были бы пугающими, если бы не были такими смешными. Молли потянулась к дверной ручке, но в тот же миг дверь распахнулась, и показались полы ночного халата. Это был мистер Виндзор. Он выходил из комнаты спиной, согнувшись и волоча за собой огромный полотняный мешок – полупустой, но всё равно выглядевший очень тяжёлым. Содержимое мешка гремело и скрежетало. Молли наблюдала за мучениями хозяина и не знала, стоит ли ей вмешаться. Но всё же тихо позвала:

– Простите, сэр...

Бертран вскрикнул от неожиданности и мгновенно развернулся. И тут же, увидев Молли, резко захлопнул за собой дверь в комнату. На его белом лице читалась паника.

– М-м-молли, это ты! – произнёс он с напускным дружелюбием. – Я д-д-думал, ты спишь.

– Я укладывала Пенни, сэр. – Молли вытянула шею, чтобы заглянуть в мешок, но хозяин закрыл его ещё плотнее. – Выглядит тяжёлым. Давайте я вам помогу.

– Н-н-не надо. Я с-с-сам. Не н-н-напрягайся.

Бертран Виндзор никак не мог попасть ключом в замочную скважину, дважды уронил его. Наконец он запер дверь и вытер пот со лба кончиком ночного колпака.

– Ну вот и слава богу! – довольно сказал он, демонстративно зевая. – День был длинный. И у тебя тоже. Не пора ли нам спать? – «Нам» мистер Виндзор произнёс с такой интонацией, что Молли поняла: идти спать пора ей.

Как бы ей ни хотелось заглянуть внутрь мешка, сегодня на это шансов нет.

– Доброй ночи, сэр, – попрощалась она и поклонилась, потом развернулась и пошла вниз по лестнице, освещая себе путь лампой.

Под окном комнаты её ждал Кип, замёрзший и усталый. На его вопрос «Почему так долго?» она пробормотала, что доделывала дела, и пообещала завтра дать ему на завтрак двойную порцию. Они оба молча переоделись ко сну и залезли в постель. Им двоим, знавшим друг друга лучше, чем самих себя, не нужны были слова.

Кип сопел рядом, а Молли вспоминала встречу с мистером Виндзором. Как же он удивился, наткнувшись на неё в холле! Нет, не просто удивился – он по-настоящему испугался...

Посреди ночи Молли внезапно проснулась. Руки дрожали, вся она была в холодном липком поту, во рту пересохло. Молли попыталась прийти в себя. Ей просто приснился страшный сон – всего лишь сон. Этот сон не был новым: он повторялся каждую ночь с тех пор, как они приехали сюда. Мама и папа держат её за руки и опускают в бушующую пучину. Молли плачет, вода уносит её, а родители исчезают в темноте. Но с каждым разом сон становился всё страшнее. Сегодня волны на воде напоминали холмики возле особняка Виндзоров, сверкавшие в небе молнии – чёрные узловатые корни, а лица у родителей были мертвенно-бледные.

Молли села на постели. Глаза привыкали к лунному свету. Кип ворочался, кашлял во сне: кажется, его тоже мучил кошмар. Он захныкал, тяжело задышал – явно пытался избежать какой-то угрозы. Молли хотела было его разбудить, но подумала, что плохой отдых лучше, чем совсем никакого. Поэтому, убрав с его потного лба прядь волос, прошептала:

– Борись, братишка!

Раздался скрип. Дверь в комнату почему-то оказалась приоткрыта, хотя Молли запирала её на ночь. Девочка завернулась в одеяло и на цыпочках прошла к двери по холодному полу. Тихо затворила её и прислонилась к ней спиной, пытаясь унять внутреннюю дрожь. Убрала за ухо выбившуюся прядь: в волосах что-то запуталось. Сухой лист.

Молли поднесла его к глазам и посмотрела против лунного света, лившегося из окна. Тонкие изящные прожилки разбежались сеткой от центрального стержня – дерево внутри дерева. На полу в комнате везде валялись листья. Залетели со сквозняком в открытую дверь?

Девочка пошла уже было обратно в постель, когда наступила на что-то странное. Нет, это не был сухой лист. Пальцы оказались в чём-то холодном и мокром. Грязь! Молли наклонилась. На полу был след ботинка. Похожие она отмывала на лестнице вчера утром. Слишком большой, чтобы принадлежать Кипу. Если приглядеться, на полу

можно было найти ещё отпечатки, и вели они как раз к её кровати. Молли затрясло. В комнате побывал гость!

В ушах у Молли закололо. Она, боясь пошевелиться, вслушивалась в тишину. Откуда-то сверху донёлся глухой звук: «Бух! Бух! Бух!» Шаги. Молли захотелось скрыться, спрятаться от этой тяжёлой поступи: накрыть голову одеялом, зажать уши руками – и ничего не слышать. Но родители воспитали её иначе. Мама с папой всегда учили: если тебе кажется, что под кроватью сидит чудовище, не поленись встать на четвереньки и проверить. А уж если тебе повезло и в темноте под кроватью притаилось самое настоящее клыкастое и глазастое чудовище, быстренько дай ему одеяло и стакан тёплого молока, чтобы оно не простудилось. Вот потому-то Молли накинула на плечи шаль, вышла из комнаты и отправилась наверх разыскивать таинственного гостя, оставляющего грязные следы.

В коридорах гулял ветер – это сразу привлекло её внимание. Сквозняки в больших домах – не новость, но здесь всё было иначе: казалось, что внутрь ворвался бесшумный ураган. Вроде Молли заперла перед сном все двери и окна, но ведь могла и забыть что-то... Она прикрыла ладонью пламя лампы, чтобы её не задуло, и пошла вверх по узенькой лестнице для слуг. Дверь на первом этаже была распахнута настежь и с громким скрипом открывалась и закрывалась. Рядом вились сухие листья, собирались в хороводы и кружили по полу. В серебристом лунном свете на досках пола блестели влажные свежие следы.

– Кто здесь? – тихо позвала Молли в темноту.

Темнота молчала. Молли откашлялась, чтобы повторить вопрос громче, но не успела: снова донёлся глухой звук шагов. Ходили наверху. Молли не стала трогать дверь. Из головы не шла история Кипа о человеке в тумане. А вдруг брат на самом деле кого-то видел? А вдруг это бродяга, который хочет ограбить Виндзоров? Интересно, виден ли в темноте огонёк лампы? Молли поставила лампу на буфет и взяла самый увесистый подсвечник – так было спокойнее.

Обеими руками вцепившись в подсвечник и выставив его вперёд наподобие оружия, девочка стала подниматься по ступенькам, ступая тихо-тихо. И вот на последних ступеньках до неё донёлся чуть слышный скрип. Это сквозняком гоняло зелёную дверь, которая вновь

была отперта. Молли охватило любопытство. Она направилась к двери, но её остановил другой звук...

Где-то в дальних комнатах разговаривали. Забыв про зелёную дверь, Молли отправилась на разведку. Она обошла по кругу весь коридор и прислушалась: двери были открыты, и в каждой комнате каждый член семьи метался на кровати, бормоча что-то во сне, – их мучили кошмары. Комната Констанции была последней. Возле её двери Молли услышала, как хозяйка что-то бормочет, погружённая в собственный страшный сон. И снова раздались шаги – тяжёлые, медленные. Через щель в двери Молли рассмотрела в комнате силуэт. Силуэт взрослого мужчины.

– Мистер Виндзор, это вы? – собрав всю смелость, спросила Молли.

Шаги замерли. Ветер замер. Сердце у Молли замерло. Она вытерла о рубашку вспотевшую ладонь и крепче вцепилась в подсвечник. Набрав в грудь воздуха, шагнула к двери.

Ночную тишину разорвал вой. Молли хлестнул порыв ветра, сбив с ног, увлекая по коридору. Она успела прикрыть лицо руками, чтобы защититься от сухих листьев, налетевших на неё, как стая летучих мышей. Громко хлопнула дверь, и в одно мгновение наступила тишина. В полной темноте Молли кое-как поднялась на ноги, всем телом дрожа от испуга. Нащупывая в темноте стену, вышла в вестибюль. Не было ни ветра, ни листьев. Из спален не доносилось ни звука, а входная дверь была заперта. В доме царил покой. Когда Молли спустилась, ей самой начало казаться, что она видела дурной сон.

Она собралась было идти в помещения для слуг, когда краем глаза уловила тёмное пятно на полу. Прямо посреди центрального холла лежал предмет, которого там раньше точно не было. Высокий, давно вышедший из моды цилиндр, чуть примятый сбоку. Вспомнились слова Кипа: «...и высокая чёрная шляпа на голове». Молли присела и подняла цилиндр. Самый настоящий, настоящее не придумаешь – поля влажные от ночного тумана, немного засаленные от времени. Молли медленно перевернула цилиндр, и из него высыпалась к ногам кучка листьев.

Молли смотрела на тихий пустой дом, в котором ещё пару минут назад было полно таких же листьев. Ей не приснилось. А Пенни и Кип говорили чистую правду. Ночной гость существует!

Ночные горшки

На следующее утро после приезда хозяина дома Кип отправился на мост, чтобы обновить сломанные доски. Молли пошла его проведать и заодно рассказать о ночном происшествии.

– А ты уверена, что тебе это не приснилось? – уточнил Кип. – Бывают же такие сны, когда кажется, что проснулся, а на самом деле тебе это снится.

– Это был не сон, – ответила Молли, выливая через перила моста в реку содержимое ночного горшка из белого фарфора.

Ещё три таких же горшка ждали на повозке, в которую был впряжён Галилей, и все три полные до краёв ночными испражнениями. Кип поморщил нос. Воняло так, что поневоле с радостью вспоминалась рыбная повозка.

– Я его не видела, но очень хорошо слышала, – пояснила Молли.

Кип свесил с моста больную ногу, совершенно не заботясь о том, что она то и дело касается воды. Он смотрел, как кружится в водоворотах вода, а в его сознании кружилась мысль о ночном госте.

– Ушам нельзя верить, как глазам. Ты что угодно могла за шаги принять.

– Ты сейчас начнёшь думать по-другому. – Молли отошла к повозке и вернулась с поношенным чёрным цилиндром. – Смотри. Он его в дверях обронил.

Сестра протянула цилиндр Кипу, но тот даже не притронулся к нему, а только поднял на неё глаза, силясь понять, уж не пытается ли она его разыграть. Молли любила такие штуки: то принесёт крылышко от стрекозы и говорит, что это фея потеряла, то напихает ему в ботинок мха, положит носовой платок и утверждает, что эльф устроил там постель. Но теперь по лицу сестры было видно: она говорит чистую правду.

– Ты сказала, дверь была открыта. Так, может, ветер вешалку с одеждой свалил?

– И наследил тоже ветер?

Кип неопределённо кивнул. Когда он рано утром уходил из комнаты, чтобы вернуться на конюшню, то заметил подсохшие грязные следы на полу. Но сказать наверняка, что это отпечатки подошвы, было нельзя.

– Так, может, это старая шляпа хозяина, – предположил он.

Молли покачала головой:

– Я проверила, он носит котелки, и они больше в обхвате. – Молли присела перед Кипом на корточки и, глядя ему прямо в глаза, спросила: – Помнишь, ты рассказывал, что видел силуэт в тумане?

Кип кивнул. Тогда сестра ему не поверила, но, похоже, она изменила мнение.

– Ты сказал, на нём вся одежда чёрная была. Мне надо знать: он носил такую шляпу?

Кип взял у сестры цилиндр и провёл пальцем по краю поля. Ткань была потрёпана, а пахло от шляпы так, будто она долго пролежала под землёй.

– Да я точно не скажу, – ответил Кип и вернул сестре цилиндр. – Темно ж было. – На самом деле Кип тогда видел именно такой цилиндр, но пока не знал, нужно ли признаваться в этом. В глубине души ему казалось, что произнеси он это вслух, и всё сразу станет настоящим. Кип посмотрел на сестру. – А если ночью кто-то приходил, то зачем, ты как думаешь?

Молли пожала плечами:

– Не знаю. Искал деньги. Или украшения. Только... – Она помолчала. – Ещё кое-что есть. Я когда пришла наверх, все спальни были открыты и все члены семьи... они метались по постелям, им снились кошмары. – Молли пристально посмотрела на брата. – И с тобой было то же самое.

Кип выровнял между пальцами гвоздь и забил его в новую доску. Всю ночь его мучил кошмар, из которого он никак не мог вырваться. Обычно Кип видел себя во сне героем, спасающим людей из бурных рек и горящих домов. Но как только они приехали к Виндзорам, сны его изменились.

– Мне снилось, что взрослые мальчишки пинают ногами бродячую собаку. Я их отогнал, а собака оскалилась, бросилась на меня и вцепилась мне в ногу, в левую ногу.

Кип посмотрел на больную ногу, безжизненно болтавшуюся над водой.

– Эта собака меня не отпускала. Я звал на помощь, а мальчишки только смеялись. Собака рвала с меня кожу и мясо, пока не осталась голая кость.

Кип вздрогнул: голоса, науськивающие собаку, вновь зазвучали у него в голове. Он стукнул молотком по следующему гвоздю, отчего тот согнулся.

– А тебе что снится, Молли? Тоже кошмары? – спросил Кип, вытащив гнутый гвоздь и примеряя новый.

Молли смотрела на поток воды.

– Ага, – кивнула она.

– Про что? – Кип внимательно смотрел на сестру, надеясь найти подсказку в выражении лица.

– Да ни про что, – ответила та, давая понять, что больше расспрашивать не имеет смысла.

Кип взглянул в особняк за спиной сестры. Сколько всего странного в этом месте! И всё не к добру. Лес, в котором царит тишина. Неестественно бледные хозяева дома. Таинственный ночной грабитель. Огромное дерево. Если по дому и правда кто-то шастает ночью, не отправиться ли ему спать на конюшню, как приказала хозяйка?

Кип опёрся на костыль и поднялся.

– Молли, я знаю, что ты изо всех сил стараешься, чтоб нам хорошо было. Но если здесь опасно, давай уедем?

– А куда? Назад в город? Где ни дома, ни еды?

Кип понимал: сестра права.

– Если бы мама с папой были здесь, они бы знали, как поступить. Жалко, их здесь нет, – ответил он, собирая инструменты.

Молли сжала челюсти и, не отрывая взгляда от течения реки, ответила:

– Их нет с нами, Кип. И нечего талдычить своё «если бы».

– А то, ты думаешь, я не понимаю?

Взяв ящик с инструментами, Кип поковылял к повозке. Конечно, зря он припомнил родителей. Молли хотела их видеть не меньше, чем он. Но родителей рядом нет, и ничего с этим не поделать.

– Забудь, что я сказал.

– Не обижайся, Кип! – крикнула Молли ему вслед.

– Я не обижаюсь, – ответил мальчик, водружая свою ношу на повозку.

Рука Молли легла ему на плечо.

– Хорошо, что ты помнишь их, Кип. Родители не сказали нам, как жить дальше. Но мы ведь можем... мы ведь можем у них спросить?

– Это ещё как?

Кип обернулся. Похоже, Молли говорила совершенно серьёзно. Сестра скользнула взглядом по цилиндру, который всё ещё держала в руках. На лице её появилась гримаса, будто она не хочет произносить вслух то, что сейчас прозвучит.

– Напишем им письмо. – Она еле заметно улыбнулась. – Я напишу. Ты буквы плоховато знаешь.

Кип прислонился к повозке. Похоже, сестра разыгрывает его.

– Но они же в море! Мы даже не знаем, где именно. Молли пожалала плечами:

– Ну и что. Передадим морскому почтальону. А он быстро доставит наше послание. Или законопатим в бутылке и пустим по реке, как Робинзон Крузо сделал. Помнишь, я тебе рассказывала? – Молли взяла руки брата в свои. – Не забывай, братишка, мы можем рассказать им всё, что у нас на душе. И как мы скучаем.

Кип сразу почувствовал себя не таким одиноким. Конечно, если написать письмо, родители рядом не материализуются, но это будет лучше, чем ничего.

– И тогда им будет легко нас найти, когда они высадятся на сушу, – сказал он вслух.

– Вот именно! – обрадовалась Молли.

Улыбка старшей сестры всегда была очень заразительной, и уже через мгновение Кип, не отдавая себе отчёта, тоже расплылся в улыбке.

– У меня кое-что для этого есть! – заявил он и извлёк из кармана штанов сложенный вчетверо листок бумаги. На одной стороне была напечатана реклама металлического протеза, который изобрёл какой-то доктор. – В городе нашёл. Одна сторона вся в буквах, а другая – чистая. Я себе эту бумажку оставил, чтобы буквы учить, но, наверное, так от неё больше пользы будет. – И Кип, улыбнувшись, пожал плечами.

Молли взяла у брата листок, пробежала текст глазами и посмотрела так, что Кип не смог понять, о чём же она думает.

– Кип, этот лист... Он не пойдёт для письма.

Прежде чем Кип успел среагировать, сестра порвала лист надвое и бросила в реку.

– Давай так: на закате встречаемся в конюшне. Я принесу горячей еды, и мы напишем правильное письмо.

Кип кивнул, а Молли крепко-прекрепко его обняла.

– Эй, ты же руки после горшков не помыла! – возмутился Кип.

Молли чмокнула его в щеку и побежала к дому. А Кип, взяв под уздцы Галилея, поковылял к конюшне. Сердце у него готово было выпрыгнуть из груди. Они свяжутся с мамой и папой. И всё станет хорошо.

Канцелярский прибор

Солнце никак не садилось, хотя Кип очень ждал. Остаток дня он рвал в саду сорняки и думал, о чём бы рассказать родителям. Мысли так увлекли его, что он незаметно для себя выполол почти половину грядок.

Кип нагрузил повозку, и они с Галилеем вывезли сорняки на край сада: куча получилась почти с Кипа ростом. Высохнуть трава ещё не успела, поэтому пришлось плеснуть на неё немного масла из лампы, чтобы занялся огонь. От сырой травы поднимался в весеннее небо столб густого дыма, напоминая Кипу о том, как у них в Ирландии горят торфяные болота. Он представил, что где-то на другом конце света мама с папой тоже развели огонь. Интересно, есть ли печи на кораблях? Ведь как-то морякам надо согреться... Кип стоял, гладил Галилея и смотрел, как догорают последние стебли, пока на земле не остался только седой пепел.

Когда он вернулся в конюшню, там никого не было. – Молли? – позвал Кип.

– Я здесь, – раздался голос откуда-то сверху.

Кип вышел на улицу и задрал голову: сестра сидела на крыше, свесив вниз ноги, и махала ему рукой:

– Крыша – лучшее место для писем: на свежем воздухе слова вылетают, как птички.

Кип обошёл конюшню. У задней стены под водосточным жёлобом стояла большая дождевая бочка. Положив на землю костыль, Кип вскарабкался на бочку. А затем сначала встал на подоконник, потом уцепился за водосток и, наконец, подтянулся за руку Молли – и вот он тоже на крыше.

– Правда здесь гораздо лучше? – спросила Молли. Кип не стал спорить. Отсюда, с верхотуры, он мог наблюдать за лесом, как король за своими владениями. Он посмотрел на серебристые верхушки деревьев, на Молли, чья кожа и волосы отливали золотом в лучах закатного солнца. И улыбнулся. Сестра всегда знала, как сделать его капельку счастливее.

Молли развязала полотняный узелок, который принесла с собой.

– Я знаю, что ты уже поужинал, но лёгкий перекус нам не помешает.

Внутри были тёплые лепёшки с маслом. А ещё полкувшина свежих сливок, которые так любил Кип.

– Смотри не захлебнись! – шутливо предупредила она, когда Кип выпил все сливки в два глотка. Брат молча отставил пустой кувшин и принялся за лепёшки. – Но я принесла не только еду. Смотри, что нашлось в кабинете. – Из узелка была извлечена деревянная коробочка. – Это канцелярский прибор, чтобы писать письма, – пояснила Молли, прежде чем Кип успел спросить.

Мальчик вытер лицо от сливок и крошек и аккуратно открыл крышку. Внутри лежала стопка чуть желтоватой бумаги. Он взял верхний лист: тот был толще обычной бумаги и немного шероховатый.

– Дорогая, кажись...

Кипу очень хотелось приложить лист к щеке, но он сдержался.

– Думаю, это всё принадлежало отцу мистера Виндзора, – сказала Молли. – Я этот прибор нашла на прошлой неделе, когда вытирала пыль на бюро в кабинете. Хозяйка говорит, туда никто не заходит, так что, я думаю, пропажи они не заметят.

Кип положил лист на место:

– Ты взяла коробку без спроса?

Молли пожала плечами:

– Если Виндзорам это не понравится, пусть вычтут из нашей зарплаты.

Кип прекрасно знал, что они работают бесплатно. И теперь, по словам его сестры, выходило, что это даёт им право брать вещи без спроса. Но ведь на самом деле не даёт...

Кип посмотрел на желтоватый лист. И представил, как удивятся мама и папа, получив письмо на такой красивой бумаге. Да и кто заметит пропажу одного листа?

– Давай придумаем, как им заплатить за те вещи, что мы взяли, – предложил Кип.

Молли щёлкнула пальцами:

– Обязательно! Я буду работать больше, а ты нарвёшь несколько красивых букетов. Да вся бумага мира не стоит твоих великолепных букетов. Это факт.

Кип улыбнулся. Он понимал, что сестра хвалит его, чтобы порадовать. Но ему всё равно было очень приятно.

– Хорошо, – согласился Кип. – Давай писать письмо.

– Отлично!

Молли взяла лист, положила его на крышку ящичка, из складок одежды извлекла чернильницу и перо. Обмакнув его в чернила и приготовившись писать, спросила:

– С чего начнём?

– «Дорогие мама и папа...» – заговорил Кип, склонившись к сестре и наблюдая, как из-под пера выходят слова.

Она остановилась и ждала дальнейших указаний. Кип задумался.

– «Мы... мы с Молли...» – снова остановился, почесал затылок. Он никогда раньше не писал писем и хотел, чтобы письмо выглядело серьёзно.

Молли задумчиво притронулась пером к верхней губе.

– А если мы напишем: «Надеемся, у вас всё хорошо»?

– Точно! Как в настоящем письме! – Кип прислонился к сестре и наблюдал, как она выводит буквы. – Теперь пиши: «Мы в этой ужасной Англии. А вы где?»

Дальше подбирать слова стало легче. Кип рассказал родителям о сиротском приюте, о бегстве из города, о старой ведьме Хестер, о Прокислем лесе, о бледной семейке, о доме, об огромном дереве, о человеке в тумане, а главное, о том, как они любят родителей и хотят, чтобы те скорее вернулись.

Когда письмо было окончено, Молли подписалась под ним и помогла Кипу сделать то же самое. Они аккуратно сложили лист и поместили в конверт, запечатав воском свечи, которую Молли принесла из кладовки. Кип откинулся назад, опершись на руки, и смотрел на луга перед домом. Солнце совсем зашло, и на небе появлялись первые звёзды. Он взял сестру за руку.

– Надеюсь, они его быстро найдут, – проговорил Кип, представляя, какие приключения ждут в море маленький конвертик.

Сестра смотрела на тёмный дом, где светилось одно-единственное окошко на втором этаже.

– Да, я тоже, – тихо ответила она.

Шиш и Штыб приходят в гости

Констанция Виндзор натягивала на фарфоровые пальчики перчатку.

– Я вернусь через полчаса. К этому времени подай чай.

Молли стояла в проёме двери, ведущей из кухни в сад.

– Конечно, мэм, – ответила она с поклоном.

Как только хозяйка ушла, девочка закрыла дверь и прислушалась. Алистер и Пенни играли в своих комнатах. Мистер Виндзор работал в кабинете. Молли сняла с плиты чайник и направилась в помещения для слуг. Проскользнула в свою комнату и тихонько заперла дверь. Наконец-то ей удалось хоть ненадолго остаться одной! Она сунула руку в карман передника и достала конверт, на котором значились имена родителей. Посмотрела на выдуманный адрес, подписанный её собственным не очень-то красивым почерком. Письмо не было тяжёлым, но вес его сложно было переоценить.

В момент слабости она поделилась страхами с Кипом, и вот им пришлось написать письмо, которое адресат никогда не получит – по многим причинам. Разумнее всего уничтожить письмо, но всякий раз, как ей представлялась возможность сжечь его или выбросить, Молли не могла решиться. Кип вложил в его строчки всю душу, и пренебречь этим было всё равно что сжечь молитву.

Молли вытащила из шкафа старый сундук и откинула крышку. Здесь хранились вещи, о которых она предпочитала не думать. Обноски, в которых они с Кипом приехали в дом Виндзоров. Высокий старый цилиндр, найденный в вестибюле. Изюм всех сил Молли гнала из головы мысли о ночном госте. Это оказалось не так и сложно, ведь рассветные лучи обладают свойством делать вещи не такими страшными, как ночью. Но теперь, даже днём, девочка вздрогнула от одного только вида этого цилиндра, потому что сразу же загрохотала в голове тяжёлая поступь...

Резкий стук вырвал Молли из задумчивости. Он шёл откуда-то с улицы. Но это были не шаги: молотили во входную дверь. Молли спрятала письмо в сундуке, захлопнула крышку и бросилась наверх.

В дверь стучали с такой силой, что весь дом ходил ходуном. Когда Молли вбежала в прихожую, половина картин на стенах покосилась. Она распахнула дверь. Перед ней стояли двое мужчин. Один длинный, гораздо выше её ростом. А другой еле доставал ей до подбородка. Оба были небриты и источали сладковатый помоечный запах. По одежде Молли сразу поняла, что эти двое не местные, а прибыли из города.

– Гляди-ка, Шиш, – заговорил коротышка, опуская палку, которой он, похоже, и колотил в дверь. – Кто-то всё-таки дома.

Говоривший, видимо, считал себя джентльменом. На нём был явно маленький по размеру костюм, весь в сальных пятнах и кое-где с заплатами. На правом глазу красовался треснутый монокль. Он поправил стекло, осмотрел Молли с головы до ног:

– Фьють, какова красotka!

Молли присела в реверансе:

– Могу я помочь, господа?

Гость коснулся полей котелка:

– А как же! Ещё как можешь. Меня зовут мистер Штыб, а это мой партнёр, мистер Шиш. – И он указал на стоявшего у него за спиной долговязого спутника, который тут же игриво подмигнул Молли. – Нам надо с хозяином побалакать.

Молли смотрела то на одного гостя, то на другого. Она таких в городе много повидала. Их называли кокни – представители городского дна.

– Боюсь, его нет дома, – ответила Молли и попыталась закрыть дверь, но Шиш успел вставить ногу между дверью и косяком.

– Думала от нас так быстро избавиться, соплячка? – Штыб погрозил ей толстым пальцем. – Это что мы, зря в такую даль пёрлись, по-твоему?

– Я всё понимаю, господа, но дело в том, что... – Молли лихорадочно думала, что же рассказать мерзкой парочке, чтобы отогнать их от дверей. И кажется, впервые в жизни фантазия её подводила.

– В-в-всё в порядке, Молли, – раздался голос сверху. – Мы знакомы с этими господами.

Наверху лестницы стоял мистер Виндзор, и он был бледнее обычного, если такое вообще возможно. Штыб расплылся в улыбке.

– А-а! Явился не запылелся!

Шиш и Штыб сделали шаг к хозяину дома, широко расставив руки, будто к старинному другу. А потом изобразили на лицах глубочайшую досаду. Штыб преувеличенно низко поклонился.

– Ну что, как мы вас уважили почтением, так уж и вы нас уважьте. – И Штыб сделал пальцами жест, который Молли быстро опознала: так намекают на деньги.

– Р-р-разве месяц прошёл? – Мистер Виндзор вздохнул и разочарованно покачал головой. – У меня всё наверху. – Он подошёл к Молли, взял её за локоть и прошептал: – Не пускай их в дом. – Метнул испуганный взгляд на улицу. – А если... если Констанция в-в-вернётся с утренней прогулки, то...

Молли прекрасно его поняла:

– Я отвлеку её, сэр.

Виндзор кивнул и понёсся наверх, перепрыгивая через ступеньку. Молли осталась на посту с пылающими щеками, стараясь не обращать внимания на гостей. Оба пялились на неё, и от этого ей было противно. Штыб облокотился о дверной косяк.

– Запомни урок, соплячка. Никогда не влезай в долги, если не хочешь познакомиться с джентльменами вроде нас.

Шиш подался вперёд, почти задев головой фонарь над крыльцом.

– Если, конечно, тебе не по пути с джентльменами вроде нас, – добавил он, обнажив в улыбке чёрные гнилые зубы.

Молли чувствовала зловонное дыхание долговязого. Что бы ни связывало этих двоих с семьёй Виндзоров, ничего хорошего из этого не выйдет. Она посмотрела на лестницу: скорее бы мистер Виндзор вернулся.

Прошло ещё несколько долгих минут, и наконец на верхних ступенях появился хозяин дома. Он тащил за собой огромный полотняный мешок, очень похожий на тот, который Молли видела совсем недавно. Бертран Виндзор пыхтел и кряхтел, медленно спуская мешок с лестницы.

– Что, проблемки? – выкрикнул из дверей Штыб. – Может, тебе девчонка подсобит? – И оба гостя разразились омерзительным смехом.

– Я сам с-с-справлюсь, не нужно, – ответил Виндзор, пытаясь отдышаться.

Немного передохнув, опершись на перила, он вновь взялся за мешок. На каждой ступеньке тот отзывался металлическим лязгом:

«Дзынь! Дзынь! Дзынь!»

– Вот эта музыка мне по душе! – изрёк Штыб, толкая локтем в бок своего напарника. – Грюкает, точно там драгоценные камушки лежат.

Молли подумала про себя, что звенит мешок, как кошелек с деньгами. Наконец мистер Виндзор притащил свою ношу ко входной двери. Выпрямился, пытаясь восстановить дыхание.

– Спасибо, Молли... – Набрал воздуха. – Я дальше сам.

Но Молли не шелохнулась. Она не отводила глаз от полотняного мешка у ног хозяина: несомненно, именно с ним она видела его в тот раз.

– Хозяин, вы точно не хотите, чтобы я осталась?

– Совершенно точно, – твёрдо ответил Виндзор. Но Молли осталась на месте. У неё был один-единственный шанс проведать о содержимом мешка, и она не собиралась его упускать.

– А давайте я посмотрю за коридором, сэр. Вдруг ваша жена вернётся?

– А-а, вот так... – задумчиво произнёс Бертран. – Пожалуй, это будет разумно.

Молли поклонилась и отступила ровно на столько, чтобы собеседники считали, что они одни, но при этом чтобы она слышала каждое их слово. Капитан Виндзор развернулся к двери. Указал взглядом на мешок с явным отвращением.

– Вот он. Забирайте и уходите.

– Увесистый! – Штыб потёр руку об руку. – Да ещё и красиво упакован. – Он сел на корточки, развязал мешок и заглянул внутрь; Молли не видела содержимое, но услышала лёгкий звон.

Штыб поднял голову и с гримасой омерзения произнёс:

– Это что ещё за дрянь?

Шиш запустил руку в мешок и вытащил горсть тусклых монеток.

– Полупенсовики! – Он попробовал монетку на зуб. – Целый чёртов мешок полупенсовиков.

Столько денег сразу Молли в жизни не видела. Однако гости явно не пылали радостью. Штыб с напускной задумчивостью потёр подбородок.

– Мистер Шиш, мы столкнулись с тайной. Поначалу он к нам приходит с банкнотами. Потом с фунтами. Потом с соверенами. Потом с шиллингами. А теперь вот, полюбуйтесь! Да не знай я этого

джентльмена, сказал бы, что он нас обманул, – изрёк Штыб и пнул мешок ногой.

Мистер Виндзор сжал челюсть.

– Если кого-то и обманывают здесь, то точно не вас. Смею заверить. – Виндзор выпрямился, чтобы казаться решительнее. – Не важно, какого номинала эти деньги, – других у меня нет.

Штыб вперился в мешок, будто пытался пересчитать содержимое.

– Этого мало! – заключил он.

– Это же целый мешок!

– Мешок чего? Вот в чём вопрос! Если б мы собирались покупать конфетки, то ладно. – Он упёрся жирным пальцем в грудь мистера Виндзора. – Вы ж нам не просто конфетки задолжали.

Вдруг раздался звук открываемой двери – это с чёрного входа вернулась с утренней прогулки по саду миссис Виндзор.

– Берти! – позвала она. – У нас гости? Я видела кого-то на дороге.

Бертран бросил полный тревоги взгляд на Шиша и Штыба.

– Ж-ж-жена вернулась. П-п-п-пожалуйста, забирайте мешок. У меня больше нет.

Как оказалось, именно эти слова произносить было нельзя. Шиш и Штыб переглянулись, а затем уставились на Виндзора.

– Ты сказал «У меня больше нет»? – медленно повторил Штыб.

В следующее мгновение Шиш схватил Виндзора за лацканы пиджака, оторвал от земли и отбросил на стену. Несколько картин упали на пол. Со столика рухнула ваза и разлетелась на мелкие кусочки. Бертран брызгал слюной и безуспешно пытался вырваться из железной хватки.

Молли боялась шелохнуться и стояла, прикрыв рот руками. Она понимала, что должна задержать хозяйку, но не в силах была оторваться от зрелища.

Штыб переступил порог. Достал носовой платок, протёр монокль. А когда прятал платок, Молли заметила, как под пальто у него блеснул клинок. Страшно подумать, какую роль этот нож может сыграть в разговоре!

– Знаешь, почему мы работаем с нюнями вроде тебя? Потому что таким есть что терять. – Штыб вставил монокль в глазную впадину. – И я не про деньги, мебель или особняки. Перед нами отчаявшийся человек, у которого жена и двое детей, и он сделает всё, лишь бы

защитить их. – Штыб говорил так медленно и тихо, что Молли еле разбирала слова. – Ты хорошо меня понял, Берти? – закончил он, сделав ударение на последнем слове.

Капитан Виндзор больше не пытался вырваться. Он заговорил, не скрывая отчаяния:

– П-п-пожалуйста. П-п-послушайте меня. Деньги ещё есть. Семейный капитал. Вам точно хватит. Но мне нужно время, чтобы добыть их.

Виндзор умоляюще смотрел то на коротышку, то на долговязого. Штыб ответил далеко не сразу.

– У тебя месяц, чтобы отдать всё. Игры кончились. Мы ждать не станем. Ты отдашь всё до нитки, – сказал он и кивнул Шишу, чтобы тот отпустил Виндзора.

Мистер Виндзор рухнул на пол.

– Д-да! С-с-спасибо!

Хозяин дома практически стоял на коленях и демонстрировал полную покорность. Шиш взял мешок с деньгами и с неожиданной лёгкостью закинул его на спину. Вышел с ним на улицу и пристроил добычу на повозке. Штыб всё ещё стоял в дверях.

– Если нам придётся сюда вернуться, Виндзорам не поздоровится. Обещаю! – С этими словами Штыб коснулся шляпы и закрыл за собой дверь.

Молли бросилась к хозяину и помогла ему подняться. От его былой гордости не осталось и следа, помощь девочки он принял без единого слова. Молли смотрела на его дрожащее лицо, и страх в её душе сменился жалостью.

– Берти, кто это был? – прозвучало у Молли за спиной.

Молли обернулась: в холле стояла Констанция Виндзор. И было не понять, давно ли она здесь и много ли успела увидеть. Бертран бросился к ней навстречу с жалким подобием улыбки.

– Д-да так, д-д-дорогая... Они п-п-просто зашли... Ну...

Молли затараторила, прежде чем стало поздно:

– Это евангелисты были, мэм!

Хозяин с хозяйкой уставились на неё с неподдельным удивлением, хоть и разного типа.

– Они приходили проверить, вдруг тут у нас есть безбожники или грешники, чтобы обернуть их в свою веру или сжечь. Я им сказала

попытать счастья в том посёлке, что за несколько миль отсюда.

Бертран всплеснул руками.

– Да! Евангелисты! Говорю же тебе, ничего страшного! Если только ты не безбожница, – выпалил он и засмеялся.

Констанция смотрела на девочку и мужа, перебирая пальцами камни в ожерелье на шее. Непонятно, поверила ли она.

– В следующий раз не держи дверь открытой так долго. Ты выстудила весь дом, – сказала она Молли и, развернувшись, пошла прочь.

Мистер Виндзор поспешил за ней, выдавая на бегу ещё какие-то шутки о грешниках и безбожниках. Молли осталась одна. Свидетелем чего она только что стала? У хозяина большие долги – тут всё понятно. Но дело не только в этом. Она вспомнила, как Виндзор тащил из комнаты наверху мешок с деньгами. Вспомнила, как он обещал этим двоим достать ещё денег... «Вам точно хватит», – пообещал он.

Молли подняла голову: в конце лестницы виднелась зелёная дверь...

Закрыв глаза ладонями, Молли завертелась вокруг своей оси. Дневное солнце припекало.

– Р-р-р-р! – зарычала она своим самым страшным голосом (хотя, по мнению Кипа, ничего страшного в её рыке не было). – Кто залепил мне глаза?

Рядом визжали дети. Они со всех ног убегали по траве от страшного чудища. Молли сделала ещё один оборот и, отняв руки от глаз, устрашающе зарычала. Она стояла посреди поляны: колени чуть согнуты, руки расставлены, как лапы неведомого зверя.

– Великан понял, что его обманули. Р-р-р-р! – продолжила она. – Но пока он отдирает смолу с глаз, дети успели спрятаться в горах и закричали: «Лови-хватай! Лови-хватай!»

«Горами» служили холмики, которые покрывали всё пространство перед домом Виндзоров. Холмы эти высотой доходили Молли до колена, а в длину были метра по два и чем-то напоминали перевёрнутые каноэ. Казалось, они созданы специально для игры в прятки. За ними можно было не только укрыться, но и быстро переползти так, чтобы не попасться на глаза великану-людоеду.

– Всех схвачу! Всех проглочу! – басом завывала Молли, топая по траве, как самый настоящий великан.

Заметив что-то за одним из холмиков, Молли гигантскими прыжками устремилась туда. Это Кип оставил кепку на костыле, но самого его там не было.

– Р-р-р-р! Снова хитренькие детишки меня надули! Молли откинула кепку и двинулась дальше.

– Но великан не терял надежды. Потому что детишки по-особенному сладко пахли. Он потянул носом воздух и запел: «Эге-гей! Эге-гей! Чую-чую английских детей!»

Кто-то захихикал прямо у Молли за спиной. Она обернулась: из-за соседнего холмика торчала пара туфельек с ленточками. Крадущейся походкой она приблизилась к холмику и снова запела:

– Эге-гей! Эге-гей! Чую-чую...

Прыгнула за холм и схватила Пенни.

– Английскую девчонку!

Пенни заверещала от ужаса и восторга, когда Молли повалила её на землю и стала щекотать. Поимка Пенни означала конец игры, так что остальные прячущиеся начали вылезать из укрытий.

– Так нечестно! – заявил Алистер, поднимаясь из-за внушительного холма возле самой конюшни. – Только я нашёл идеальное место, как она взяла и попалась! Она специально! Точно!

– Я не специально! Правда! Это всё потому, что я сладко пахну.

– Не задирай её! – отозвался Кип из-за колодца. – Не такое уж у тебя идеальное место!

– Да кто бы говорил, – огрызнулся Алистер.

Но даже на фоне перепалки Молли заметила движение у входной двери. Мистер Виндзор в плаще для верховой езды и в шляпе приготовил экипаж и сам вывел коня из конюшни. Под мышкой он держал кожаный мешок, довольно увесистый на вид. Хозяйка дома стояла в дверях, скрестив руки на груди. Молли замерла и наблюдала, что происходит. Расслышать разговор было нельзя, но судя по всему, супруги ссорились.

С визита Штыба и Шиша прошло четыре дня, и за это время поведение хозяев заметно изменилось. Бертран перестал травить свои незамысловатые шутки и улыбаться. Констанция же делала вид, что мужа у неё вовсе нет. Если они входили в комнату, там сразу же повисало напряжение, и Молли казалось, что рядом бочка с порохом, которая вот-вот рванёт.

Как же Виндзоры отличались от её родителей! У мамы с папой бывали размолвки, но они всегда открыто высказывали, чем недовольны, могли шутить друг над другом, будто актёры на сцене. И Молли гораздо больше нравились такие открытые ссоры, ведь в них никто из родителей не скажет ничего, что детям не под силу вынести. Они значили, что родители ничего не хранят в тайне.

Пенни поднялась с земли.

– Чем ты занята? Ты меня ещё не проглотила! – недовольно заявила она.

Совсем непросто оторваться от ссоры, которая разворачивается у всех на глазах, – всё равно что смолчать, когда у кого-то расстегнулась пуговица на самом видном месте. Молли понимала, что ей бы лучше

переключить внимание детей, но сама не прекращала пялиться на хозяев. Вскоре Пенни, Алистер и Кип тоже во все глаза стали смотреть на происходящее.

– Хозяин с хозяйкой уезжают? – спросил Кип. – Я бы и сам запряг им лошадь.

Кип не особо любил, когда кто-то делал его работу.

– Папа один поедет в город. У него встреча с «деловыми партнёрами», – хмыкнул Алистер. – В ломбарде. Я сам видел, как он обнёс столовую сегодня утром: набрал целый мешок подсвечников и посуды. Даже мой серебряный перочинный ножик с перламутровой рукояткой взял, который мне на Рождество подарили. Хорошо хоть я конфеты спрятал, а то бы он их тоже утянул. – На этих словах Алистер достал из кармана брюк помятый кулёк с карамелью.

Молли не понимала, зачем нести посуду и подсвечники в ломбард, если наверху целая комната денег.

– Он продаёт твои вещи? – спросила она Алистера.

– Что от них осталось, если честно, – ответил мальчик, засовывая за щеку очередную конфету. – Он ещё в городе начал, до переезда, чтобы расплатиться с кредиторами. А когда мы сюда приехали, он сказал, что с этим покончено. Теперь ясно, сколько стоит его слово.

Пенни стукнула брата по руке:

– Алистер! Нельзя плохо говорить о папе.

– Почему? Если это правда.

Молли посмотрела на Алистера и впервые посочувствовала ему: нелегко, наверное, видеть отца в таком отчаянном положении. Её отец никогда не был богат, но она всегда могла гордиться им.

Алистер качнулся на пятках:

– Смотрите! Вот теперь он говорит ей, что это самый последний раз. А потом будет ещё один последний. И ещё.

Бертран по-прежнему держал в руках мешок, открытый мешок. Он шагнул к жене. Молли сначала показалось, что он хочет поцеловать её в щеку. Но хозяин расстегнул у неё на шее ожерелье. Затем снял с руки браслет. Затем серьги... Украшения одно за другим отправлялись в мешок. Вот Бертран потянулся к кольцу на левой руке Констанции. Та отпрянула. Затрясла головой, прижав руку к груди.

Это кольцо было особенным. Молли и раньше обращала на него внимание. На ободке тёмного металла мерцал голубой камень. Хозяева

ещё какое-то время переругивались, а затем Констанция уступила. Она стащила кольцо с пальца и бросила им в Бертрана, который тут же упал на колени, чтобы подобрать драгоценность с гравийной дорожки.

Пенни дёрнула Молли за передник:

– Давай играть дальше. Моя очередь быть великаном.

– Ты не можешь быть великаном! – возмутился Алистер. – Великан – тот, кто выиграл. А это был я.

– Не ты, – вмешался Кип.

– Кип выиграл! Его вообще ни разу не нашли, – сказала Пенни.

– Ну я почти выиграл! – не сдавался Алистер. – И какой из тебя великан? Ты вообще не страшная.

– Давай дадим мисс Пенни шанс, – решила Молли и, присев на корточки перед малышкой, спросила: – Уверена, что справишься?

Пенни зарычала и оскалилась.

– Я вырву вам глаза и съем их, как орехи! – устрашающе завопила она.

Молли согласно кивнула.

– Хорошо. Считаю до тридцати.

Пенни расплылась в улыбке, закрыла глаза ладошками и начала считать вслух. Алистер и Кип тут же укрылись за холмиками. Молли не шелохнулась. В окне второго этажа, за толстыми ветвями дерева, она уловила какое-то движение. Приставив руку к лицу, как козырёк, Молли всмотрелась в фигуру по ту сторону окна.

Когда Пенни досчитала до тридцати, Молли уже была возле дома. Она зашла внутрь и тихо-тихо, чтобы не выдать своего присутствия, прикрыла за собой дверь. Затем настолько бесшумно, насколько позволяли ботинки, поднялась по лестнице. Но стоило Молли оказаться на последней ступеньке, как зелёная дверь открылась, и из комнаты вышла Констанция Виндзор.

– Молли! – вскрикнула она, явно не ожидая кого-нибудь встретить. – Я думала, ты на улице...

Молли учтиво поклонилась, не поднимая на хозяйку взгляда.

– Мы играли в прятки, мэм. И я решила, что кто-то мог спрятаться в доме и... – Молли вскинула глаза и неожиданно замолчала: на левой руке Констанции Виндзор красовалось изящное колечко тёмного металла с голубым камнем.

– И?

Молли смотрела на кольцо и не могла выдать ни слова.

– Очень красивое кольцо, мэм, – наконец произнесла она.

– Согласна. – Констанция поднесла ладонь к глазам – драгоценный камень блеснул в приглушённом свете. – Берти подарил мне его много лет назад...

Молли смотрела на хозяйку, пока та любовалась игрой света на гранях кольца. Кольца, которое она пару минут назад швырнула на дорожку.

– Простите, мэм, но мне показалось, что капитан Виндзор взял у вас кольцо, очень похожее на это.

Взгляд Констанции вновь стал холодным.

– Ты ошибаешься. – Она достала из кармана ключ и заперла зелёную дверь, подёргав для надёжности замок.

– Кажется, дети играют у конюшни. Приведи их домой. – Констанция натянуто улыбнулась. – Мы же не хотим, чтобы они попали в лапы каких-то грубиянов-евангелистов?

Молли залилась краской и не посмела взглянуть на хозяйку.

– Да, мэм, – ответила она и поспешила вниз.

Выйдя наружу, она заметила, что мир вокруг изменился, пусть и едва уловимо. Голубое небо стало не таким голубым. Тёплый ветерок – не таким тёплым. Даже солнце светило не так ярко. А когда настала очередь Молли зажмуриться и изображать великана, перед глазами у неё была только одна картинка: кольцо, мерцающее на бледном пальце хозяйки.

Ямская Пустошь пылала: повсюду были красно-оранжевые отблески заходящего солнца. Кип любовался ею со своего наблюдательного пункта, который устроил на одном из дальних от дома каменных столбов моста. Забраться на скользкий отполированный временем камень было не так-то просто, но намотанные на него старые верёвки служили сносной лестницей. Столб вверху заканчивался гладкой площадкой, где и устроился Кип. Он сидел, не сводя глаз с дороги, ведущей в близлежащую деревню. И ждал – ждал того же, что и каждый вечер: письма от мамы с папой.

Молли предупредила, когда они отправляли письмо, что оно будет добираться до адресата очень долго – несколько недель, а то и месяцев. Кип знал: глупо так рано ждать ответа. Но он переживал, что почтальон просто-напросто побоится подходить близко к дому Виндзоров и тем более дёргать колокольчик у двери. Поэтому каждый вечер, переделав все дела и поужинав, Кип занимал свой пост и ждал.

Мальчик озяб. Небо пылало жаркими отблесками, а воздух всё равно был холодным. Кип засунул руки в карманы и сжал их в кулаки, чтобы немного согреться. В правом кармане, на своём постоянном месте, лежала волшебная пуговица. Кип понимал, что на самом деле пуговица обычная, но притворяться было так приятно. Он зажмурился и загадал – увидеть, что же прямо в этот момент делают родители. Кип знал только, что мама с папой с обратной стороны мира, где всё вверх тормашками, а ночью светло, как днём.

С закрытыми глазами мальчик слушал, как шумит река под мостом, убегая вдоль дороги. Дороги нравились Кипу, потому что напоминали о времени, когда вся семья ещё была вместе: они уезжали с фермы, чтобы сесть на корабль, переплыть море и начать новую жизнь. Кип тогда болел, потому почти не помнил путешествие. Он даже не успел как следует попрощаться с мамой и папой. Проснулся в приюте, где его и нашла Молли, рассказав, что родителей и остальных взрослых похитили пираты. Кип подозревал, что пиратов Молли

выдумала, но точно знал: родители скоро вернутся. Обязательно вернутся.

Кип открыл глаза и увидел, что по дороге, тянувшейся с востока, приближается человек. Но не почтальон: к ним шла старая ведьма, с которой они познакомились, когда добрались до Ямской Пустоши. Имя у неё смешное, хотя и немного зловещее – Хестер Кеттл.

Карлица направлялась напрямик к Кипу. Особняк Виндзоров был единственный в округе на несколько миль, так что сомневаться не приходилось: она решила нанести им визит. Кип подумал, а не сбежать ли, пока она не подошла, но затем здраво рассудил, что, если она и правда ведьма, не стоит её злить.

Хестер подходила всё ближе, тюк за спиной позвякивал всё громче. Она не играла на своём инструменте, но что-то напевала себе под нос. Кип не сразу понял, что она поёт в унисон с рекой у него под ногами.

– Э-ге-гей! Кого я вижу! Ну-ка, младший брат, слезай и встречай меня! – крикнула она, как только приблизилась на расстояние, с которого её можно было хорошо слышать.

– Я жду почтальона, – ответил Кип.

– Долго же тебе придётся ждать. Почтальон заглядывает в эти места раз в месяц, а сюда – почти никогда. Ты же не против, если я здесь передохну?

Гостья отвязала от тюка стульчик на трёх ножках и поставила его на землю. Плюхнулась сверху – и стульчик отозвался привычным кряхтением. Карлица хитро улыбнулась Кипу:

– Не то что твой трон, конечно, но сойдёт.

Кип скользнул взглядом по паре больших ржавых садовых ножниц, торчавших из тюка.

– А я думал, вы в этот лес даже не заходите.

– Правильно думал, – ответила Хестер и ловко повернула тюк, чтобы скрыть из виду ножницы. – Но я тут случайно увидела, как Виндзор погнал экипаж в город, поэтому решила, а чего б не заглянуть в гости, не проведать, как там моё капиталовложение. – Улыбка карлицы не оставляла сомнений: речь о нём. – Ты же помнишь, что обещал мне историю?

– Это сестра обещала. Я не умею рассказывать. А Молли в доме – готовит ужин. Если хотите, сходите к ней.

Карлица посмотрела на дом – и быстро отвела взгляд.

– Мне и здесь неплохо.

Кип понял, что Хестер нервничает: несмотря на все шутки и прибаутки, она боится Прокислового леса не меньше остальных местных.

– Не стану я вас отвлекать от работы. Я просто зашла напомнить о себе. И проверить... – Хестер замолчала, подбирая выражение, – не занедужилось ли вам.

Такого слова Кип раньше не слышал, но значение его понял.

– Пришли проверить, вдруг мы умерли?

Карлица рассмеялась:

– А ты сообразительный. Я бы не стала так выражаться, но, когда два таких несмышлёныша попадают в местечко вроде этого, – она махнула рукой на остров с домом, – хорошего не жди.

Кип пристально смотрел на гостью, пытаясь понять, что в её словах шутка, а что правда. Что она знает про это место?

– Тогда на дороге вы нам сказали, что здесь есть что-то страшное. Так и сказали: «и ещё кое-что».

Хестер загадочно улыбнулась:

– Вряд ли твоей сестре понравится, если я начну тебя пугать.

– Я не боюсь! – ответил Кип. – Ну ладно, боюсь. Но я не боюсь, когда меня пугают. Вот так вот. Правда есть правда, даже если она страшная. Поэтому я хочу всё узнать.

– Редкое качество для мальчика. И для мужчины. Сестра правильно тебя воспитала.

Кип хотел было возразить, что воспитывала его не Молли, а мама с папой, но осёкся. Карлица достала длинную глиняную трубку и набила её табаком из поясной сумки, раскурила люльку и затаилась, как мужчина. Запах напомнил Кипу аромат осенних листьев.

– Ну, ты уже знаешь, что мистер Виндзор вырос в этом доме, – начала она.

– И уехал отсюда в детстве. Сестре сказали, что вся его семья умерла от какой-то страшной лихорадки и он остался сиротой.

Хестер кивнула:

– Да, он сирота. Но я не уверена, что остальное было именно так. – Рассказчица затаилась и выпустила дым в воздух. – Помню ночь, когда всё случилось. Такие ночи не забываются. Гроза была

ужасная, ветер завывал, лил ледяной дождь. И вот сразу после полуночи с дороги, которая ведёт в деревню, донёлся жуткий вой. От такого крика волосы встают дыбом. Люди выбежали из домов и увидели Бертрана. Ему тогда лет было как тебе. В ночной рубашке, босой, мокрый до нитки. Весь бледный, худющий – мы его и признали то с трудом. И весь дрожит от страха, рыдает и только повторяет, что за ним пришло само зло – и за его родителями.

Кип вдруг пожалел, что вообще затеял этот разговор. Вот бы оказаться сейчас в конюшне или в доме – да где угодно, только подальше от моста и старой карлицы! Но всё-таки правду надо выяснить.

– И они узнали, что это было? Что за зло его преследовало?

– Здесь живут суеверные люди, но никак не бессердечные. Мужчины взяли ружья, собак, фонари и поскакали к особняку. Буря его не пощадила. Мебель опрокинута, двери нараспашку, окна разбиты... и больше ничего...

Кип проглотил комок в горле.

– А что родители?

– Их не стало. – Хестер указала на Кипа длинным концом трубки. – Скажи-ка мне, какая такая лихорадка переворачивает дом вверх дном, а людей из крови и плоти стирает с лица земли?

У Кипа не было ответа на этот вопрос. Он гнал от себя образ рыдающего под дождём на пустынной дороге мальчика. Боялся представить, что за злые силы могли забрать его родителей. Он взглянул на старуху: она внимательно наблюдала за ним – наверное, ждала его реакции.

– Я вам не верю, – решительно сказал Кип. – Если бы с мистером Виндзором такое случилось, пока он был мальчишкой, он бы ни за какие коврижки сюда не вернулся.

Хестер кивнула, выпуская кольцо дыма.

– И что удивительно, Виндзоры не первые, кто заявлял права на этот остров, – и, побьюсь об заклад, не последние. – Хестер бросила долгий взгляд на дом, казавшийся ещё больше из-за мрачных теней. – Что-то в этом лесу привлекает людей, даже если всё их естество, каждый волосок на голове говорит: «Уноси ноги».

Хестер замолчала. Она молчала так долго, что Кипу показалось, будто она о нём забыла. Но когда он уже решился её окликнуть,

карлица вдруг повернулась к нему и с деланой улыбкой произнесла:

– Уж извини, но я отсюда уберусь, пока луна не вышла. – Она встала, обрывком верёвки привязала табурет к тюку, а затем ткнула в Кипа пальцем. – Ты сестрёнке не говори, что я тебе про Виндзора рассказала. Мы же не хотим её пугать?

– Не буду, – пообещал Кип, предусмотрительно скрестив пальцы за спиной.

Карлица присела в реверансе и развернулась лицом к западу, хотя пришла совсем не оттуда. Поправила на спине тюк.

– Я всегда хожу прямо. Никогда не возвращаюсь, – сообщила она и ушла, напевая себе под нос. Тюк позвякивал ей в такт.

Кип смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Всё это время он крепко сжимал в кармане пуговицу.

Вечером, вернувшись в комнату, Молли обнаружила на кровати подарок – аккуратно сложенное длинное тёмное платье. Сверху лежала записка: «Молли, мне больше не нужно это старое платье, и я подумала, что ты, возможно, захочешь его носить на прогулках. Вероятно, придётся его подвернуть».

Почерк принадлежал Констанции Виндзор. Интересно, что пробудило в ней такую щедрость? Хозяйка была не из тех, кто дарит подарки просто так. Может, это своего рода предложение мира или взятка? Молли вспомнила их разговор наверху. Хозяйка очень разволновалась тогда, что ей не было свойственно. И не хотела, чтобы Молли видела кольцо. Она покупала её молчание?

Впрочем, чем бы ни руководствовалась Констанция, новое платье – это всегда новое платье, а Молли – всего лишь обычная девочка. Она отложила записку и взяла наряд. Платье долго носили, но как же хорошо оно было пошито – лучше, чем любая её одежда! Молли провела пальцами по плотной ткани, такая называется бархат. Платье казалось чёрным, но на свету отливало зелёным. Молли очень нравился зелёный цвет, потому что на его фоне рыжие волосы становились ещё ярче.

Она стянула запятанную рабочую одежду и панталоны, ощутив холодный вечерний воздух. Молли задрожала и быстро надела платье. Мягкая ткань легко скользнула по телу. Наряд явно предполагал наличие слуг, так что Молли пришлось повозиться, чтобы без посторонней помощи затянуть шнуровку на спине. А когда всё получилось, спина её стала прямой, как у миссис Виндзор, – не хватало только колье на шее. Молли вильнула бёдрами – и длинная юбка повернулась следом.

Девочка подошла к зеркалу, висевшему над туалетным столиком. Она так надеялась, что платье преобразит её, добавит роста, но ничего подобного не произошло. Платье сидело на ней как мешок – велико в плечах, юбка слишком широкая. Зеркало отражало ровно то, что было

на самом деле, – четырнадцатилетнюю служанку, вырядившуюся в старое платье хозяйки.

Интересно, может, платью получится немного подделать? Мама часто употребляла это слово... Молли вытащила из шкафа потёртый дорожный сундук и откинула крышку. Встав на колени, она стала перебирать содержимое: а вдруг найдётся нижняя юбка, которая добавит объёма?

Вся одежда Молли теперь напоминала обноски ещё сильнее, чем ей казалось раньше. Всё было в пятнах и дырах. На дне Молли нащупала письмо родителям – ровно на том месте, где она его спрятала. Она искала цилиндр, но не находила – в сундуке лежало только их с Кипом тряпьё. Молли нахмурилась. Перегнувшись через бортик, она обеими руками стала вытряхивать одежду на пол, пока перед ней не остался совершенно пустой сундук...

Цилиндр исчез.

Молли села на пол. Комната поплыла перед глазами. Кто-то рылся в её личных вещах и забрал цилиндр. Кто? Кто из членов семьи мог это сделать? Пенни? Алистер? Бертран Виндзор? Констанция Виндзор? Перед ней на полу лежала груда тряпья. Она потянулась и достала сухой лист. Или это был кто-то другой?

Стук по стеклу заставил её вздрогнуть. Молли выглянула в окно: внизу на траве сидел на корточках Кип. Она не ждала его сегодня вечером. С тех пор как потеплело, он решил спать в конюшне с Галилеем. Молли посмотрела на сухой лист и подумала, что, возможно, брат принял мудрое решение. Но пугать его новостью о пропавшем цилиндре не стоит. Она быстро закинула вещи в сундук, включая неотправленное письмо, и встала. Огладив платье, открыла окно.

– Что, ты замёрз?

Кип сел на подоконник, но и не думал забираться внутрь.

– Галилей исчез, – сообщил он.

– Вот жулик!

– Прямо мои слова! – Кип спрыгнул с подоконника наружу. – Идём искать.

Молли недовольно вздохнула. Набросила на платье пальто, сунула ноги в ботинки, залезла на подоконник. Окинула комнату прощальным взглядом и шагнула в темноту.

Дом окутывал сырой холодный воздух. На округу опустился туман, из-за которого казалось ещё темнее, чем было на самом деле.

– Ты уверен, что поиски нельзя было отложить до завтра? – поинтересовалась Молли, с третьей попытки справившись наконец с фонарём. Одной рукой она придерживала подол платья, чтобы не замочить его росой.

– Я возле дома всё дважды обыскал, – сообщил Кип, проигнорировав вопрос. – Надо в лес сходить.

Молли подняла фонарь повыше, чтобы рассмотреть сквозь туман кромку леса. Зря она поленилась переодеться во что-нибудь потеплее.

– Если я заболею и умру, это будет на твоей совести. Они с Кипом шли к лесу.

– Не надо так шутить, Молли. – Кип, хромя, выбирал дорогу между холмиками. – И, между прочим, ты сама пошла вот в этом вот... даже не знаю как это назвать.

– Это старое платье миссис Виндзор. Она мне его отдала.

Кип замедлил шаг и посмотрел на сестру:

– Они уже дарят тебе подарки?

Брат спросил весьма озабоченным тоном, и Молли не могла понять, то ли он и правда тревожится, то ли просто завидует.

– Если хочешь, я и тебе достану, – отшутилась Молли, потрепав его по голове.

Кип отпрянул, поправив кепку.

– Это я виноват, что Галилей пропал. Я поздно принёс ему овёс. Он, видно, оголодал и ушёл искать себе еду.

Молли не стала спрашивать, почему брат так задержался. Она знала, что каждый вечер на закате он наблюдал за дорогой – и с каждым днём приходил домой всё позднее. Иногда она видела его на одиноком посту через окошко на лестнице: он сидел на каменном столбе и ждал письма, которое никогда не придёт.

– Не появлялся почтальон? – поинтересовалась она так, чтобы в голосе не звучали нотки вины.

– Пока нет. Но я не из-за письма задержался. Приходила старая ведьма. Хестер. Тебя искала.

Молли не сразу поняла, что брат имеет в виду сказительницу, с которой они повстречались на дороге. Новость не доставила ей

радости. Карлица видела Молли насквозь – и вот она говорила о чём-то с Кипом. Это было опасно.

– А что она хотела?

– Ты же ей обещала прийти в деревню и рассказать о Виндзорах. Забыла?

Молли не понравился тон брата – он будто обвинял её в чём-то.

– Я всё прекрасно помню. Только не уверена, что нашим хозяевам понравится, если я стану рассказывать о них всяким болтливым старухам.

– Тогда нечего было и обещать, – бросил Кип раздражённо.

Обычно Молли приходилось придерживать шаг, чтобы Кип не отставал, но сегодня он двигался очень быстро. Она только что не бежала, чтобы идти с ним вровень. Поэтому даже обрадовалась, когда они зашли в лес и вынужденно сбавили темп. Поверхность грунта в лесу тоже оказалась неровной – вся в холмах, как перед домом, а ветви смыкались так плотно, что луна не могла пробиться сквозь них. Единственным источником света теперь был фонарь Молли. Они шли с братом рядом и звали Галилея, а фонарём светили под ноги – не обнаружатся ли следы копыт. Кип не захватил светильник и теперь утверждал, что и в темноте прекрасно видит, но Молли знала: одна рука у него занята костылём, а вторую он просто хочет оставить свободной.

– А ну-ка, посвети сюда, – попросил брат.

Свет фонаря выхватил след копыта в тёмной грязи. Затем ещё несколько, ведущих в ежевичник. Кип опёрся на костыль и поспешил в направлении, куда уводили следы.

Приложив ладонь ко рту наподобие рупора, Молли запела:

*Милый, милый Галилей!
Возвращайся поскорей!
Мы овёс тебе несём...*

На эту простенькую мелодию они с Кипом всегда напевали песенки. Один пел первую строчку, а второй продолжал, придумывая забавную рифму – и чем забавнее она была, тем лучше. Но на этот раз Кип не поддержал игру.

– Ну и что ты такой надутый? – поинтересовалась Молли.

– Задумался, – буркнул он, обходя валун. – Старуха рассказала мне, что на самом деле случилось с семьёй нашего хозяина, когда он маленький был.

– Все умерли от лихорадки, – повторила Молли то, что ей рассказала Констанция. – Так бывает. Ничего необычного.

Кип отрицательно покачал головой.

– Ведьма сказала, не от болезни. Сказала, они все умерли сразу – с ними разделалась какая-то неведомая злая сила. А тела так и не нашли, – сообщил Кип, даже не остановившись.

Задул холодный ветер, раскачивая ветви деревьев. Молли задрожала от холода и потуже затянула пальто. Подол платья весь перемазался в грязи. Она готова была задушить старую карлицу за то, что та забила брату голову всякой ерундой!

– Она просто тебя пугала, – сказала Молли, стараясь не отставать.

– Пугала? А может, предупреждала?

– А ты пугаешь меня. И как вам обоим не стыдно? Разговор прервала радостная картина – они увидели Галилея. Конь стоял на опушке – ему что-то мешало идти.

– Он попал в силок! – вскрикнул Кип и бросился вперёд. – Посвети-ка сюда.

Молли опустилась на коленки рядом с братом, чтобы лучше подсвечивать. «Силком» оказался корень, который каким-то непостижимым образом несколько раз обвился вокруг копыта Галилея.

– Нога поранена, но не сломана.

Кип аккуратно размотал корень. Освобождённый Галилей в тот же момент встал на дыбы, откинув своих спасителей назад. Молли выронила лампу – и та погасла. Они оказались в полнейшей темноте.

– Отлично! – пробормотала Молли, ощупывая лесную подстилку в поисках фонаря.

Наконец она нашла его и села. Достала из кармана спичку, хотела было зажечь, но Кип придержал её руку.

– Погоди, – тихо сказал он.

Молли проследила за его взглядом, направленным в темноту, – только темноты больше не было. Молли встала. Лесная подстилка мягко светилась под лунным светом. Когда глаза привыкли, стали видны цветы – самых разных форм и размеров, – растущие повсюду,

среди камней и кустарников. Молли присела на корточки и прикоснулась к огромному цветку с серебристо-белыми лепестками. «Будто маленькие дольки луны», – подумала она, а вслух спросила:

– Ты раньше видел, чтоб цветы цвели ночью?

Кип покачал головой:

– Я тут днём тысячу раз ходил и ничего, кроме почек на деревьях, не видел. А тут глянь – как из твоих историй.

Кип проводил взглядом Галилея, который нашёл целую клумбу мерцающих, как гигантские капли воды, цветов и теперь довольно жевал их.

– Вот потому он и сбежал. Он без жимолости и колокольчиков жить не может. Уже и не знаю, как от него хозяйскую клумбу защищать. – Кип встал, вытер ладони о штаны. – Интересно, кто здесь посадил эти цветы?

– В смысле «посадил»? Они дикие.

– Ну, может, и дикие. Только вот растут по сортам, на группы разделены. Смотри, вот эти как лилии, затем такие высокие с колочками и вон те, с висячими цветочками, – всех понемногу. – Кип потрянул головой, чтобы кепка села удобнее. – Кто-то же их высаживал. И знал, как красиво получится. Целый цветник из серебра и теней.

Молли пригляделась и поняла, что брат прав: цветы росли в определённом порядке. Но всё-таки перед ними был уже не совсем цветник, а только напоминание о нём. Сорняки и время не пощадили его.

– Даже если тут поработал садовник, то он давно унёс отсюда ноги. – Молли взяла Галилея под уздцы. – И нам пора сделать то же самое.

Она бросила прощальный взгляд на мерцающие цветы, зажгла фонарь и пошла в сторону дома. Спокойствие, которое Кип и Молли испытали в ночном саду, не покидало их весь путь через лес. Они несколько раз свернули не туда, пока наконец не набрали на собственные следы и не выбрались из лесу. Галилей же вёл себя не как воспитанный конь, а как самый настоящий осёл: чем ближе к дому они подходили, тем сильнее он упирался – ржал, фыркал, норовил вырваться... Когда его в конце концов удалось запереть в стойле, новое платье Молли было всё в грязи и порвано в трёх местах.

– Глупое животное! – буркнула она, привязывая коня особым двойным узлом, которому её научил отец.

– Не злись на Галилея. Идём, провожу тебя, – сказал Кип, придерживая двери конюшни.

Молли понимала, что Кип устал не меньше её и неспроста решил составить ей компанию. Они молча шли по лужайке. Перед глазами у Молли стояли серебристые цветы. Кип явно думал о том же.

– Тебе не нужны всякие модные платья, чтоб быть красивой. Как этим цветам не нужна ваза, – сказал Кип, когда они вышли на дорожку.

Молли положила руку ему на плечо. Нет в мире ценнее подарка, чем доброе слово Кипа... Молли бросила взгляд на дом – интересно, она не забыла погасить в спальне лампу перед уходом? – и застыла на месте.

– Молли? – тихонько позвал Кип.

Сестра не ответила. Она не отводила взгляда от входной двери: та была распахнута.

– Дверь открыта, – только и сказала она.

После той ночи, когда она нашла чёрный цилиндр, Молли тщательно проверяла, чтобы входная дверь на ночь была заперта. Она закрыла её и сегодня. А теперь перед ними всё нараспашку. По дому гуляет ветер, раскачивая дверь туда-сюда...

Кип подошёл ближе к сестре:

– Может, сквозняком открыло?

Молли кивнула, хватая его за руку:

– Может.

Оба перешли на шёпот. Возможно, это была лишь игра света и тени, но казалось, что в дверном проёме что-то шевелится. Тёмный силуэт. Высокий. Силуэт, который Молли совершенно не хотелось видеть.

Порыв ветра пронёсся по поляне перед домом и распахнул дверь настежь. Молли открыла рот, но вдох сделать так и не смогла. С порога наружу шагнул человек. Вокруг вились хороводом сухие листья. Руки и лицо светились белизной в лунном свете. На нём был длинный чёрный плащ и чёрный цилиндр – до боли знакомый цилиндр. Молли наконец сделала вдох и кое-как прошептала:

– Ночной гость. Он вернулся.

Молли сгребла Кипа в охапку и повалила на землю. Она вжалась в сырую траву, надеясь, что холм спрячет их. В тридцати метрах от них стоял человек, которого её брат видел тогда в тумане. Человек, тяжёлые шаги которого она слышала ночью в холле. Человек, существование которого она до сих пор отчаянно не хотела верить. Молли слышала, как под его ногами хрустит гравий дорожки. Она лежала, не открывая глаз, и думала: откуда он пришёл? Зачем он пришёл?

Шаги затихли – где-то недалеко от дома. Молли выглянула из-за холмика, но ничего не рассмотрела: мешали туман и темнота. Она снова прижалась к земле.

– Не вижу его. Оставайся здесь, – шепнула она брату и поползла по траве, боясь приподнять голову.

Молли старалась не думать, видит ли её тот человек сквозь туман, – просто ползла, вжавшись в траву. Она преодолела не больше пятнадцати метров, а казалось, что проделала путь до Лондона.

Наконец она добралась до старого колодца у дорожки. Отсюда можно будет незаметно наблюдать за ночным гостем. Девочка села, ухватившись рукой за край колодца. Человек что-то делал у подножия большого дерева. Одежда на нём была вся изорвана и перемазана, но кожа сияла белизной, как кусок мыла. Молли смотрела на его руки и не могла отогнать мысль о цветах, которые они с Кипом нашли в лесу. Тощее лицо наполовину скрывала длинная неопрятная борода. А колодцы глазниц отливали такой чернотой, что казались тенью от темноты.

Рядом с ночным гостем лежали садовые инструменты. Молли рассмотрела грабли, совок, ножницы для обрезки деревьев, лопатку.

– Что он делает? – раздался над самым её ухом шёпот.

Молли обернулась: рядом сгорбился Кип.

– Я же сказала оставаться там! – зашипела она на брата.

– Чтоб тебя утащили? Подвинься.

Ссориться было не время. Молли подвинулась, чтобы Кип тоже укрылся за колодцем.

– Говори потише, – шепнула она и ухватила его за шиворот – на случай, если брат решит подползти ещё ближе. И они вместе стали наблюдать за происходящим.

Человек стоял на коленях у гигантского дерева с парой ржавых ножниц и бережно выстригал веточки мха и плюща, пытавшиеся виться по стволу.

– Это твои инструменты? – еле слышно спросила Молли.

Кип покачал головой. А человек прислонился к стволу, стал нежно водить пальцами по складкам коры и что-то шептать дереву. Он говорил, а Молли казалось, что сквозь шум ветра она слышит голос: слова не разобрать, но звучат красиво. И очень грустно.

Человек замолчал и отошёл от дерева. Взял огромную железную лейку. Молли охватила паника.

– Он собирается к колодцу!

– Нет, – шепнул Кип. – Смотри, как он держит лейку: она тяжёлая, значит, полная.

Присмотревшись, Молли поняла, что Кип прав. Человек приблизился с лейкой к дереву. Он двигался очень аккуратно, будто содержимое было ценнейшей влагой, а не просто водой. Осторожно наклонил носик, поливая корни и почву у основания дерева. Наверное, всему виной лунный свет, но вода казалась настоящей – лилась серебряным потоком.

Человек потряс лейку, чтобы на дне не осталось ни капли. Затем провёл рукой по земле. Порыв ветра пронёсся мимо Молли и закружился у ног человека, подняв в воздух вереницу сухих листьев. Человек взял старую лопату и вонзил во влажную почву. Раз за разом он втыкал лопату, отбрасывая на траву чёрную землю.

Кип вцепился сестре в руку.

– Прямо там, где я зарыл яму. Туда Пенни свалилась. – Кип подполз ещё ближе. – Зачем он копает?

Молли вжалась в землю за срубом колодца, увлекая за собой брата. Ночной гость смотрел прямо на неё. Неужели услышал? Увидел? Поднялся ледяной ветер. Дом застонал. Дерево отозвалось скрипом. Шелестом листьев. Молли почти видела, как между зелёными холмами заструились потоки ледяного воздуха, огибая

каждый кустик, каждый камушек, каждую травинку – в поисках добычи.

Дрожь охватила Молли, когда ветер коснулся её тела, прошёлся по лодыжкам, запястьям, лизнул затылок, будто пытаюсь определить, с кем имеет дело. Девочка зажмурилась и ещё крепче вцепилась в брата, стараясь не дышать. Ведь, если не дышать, можно остаться незамеченной?

Ветер стих внезапно. Листья медленно опустились на траву. Наступила тишина. Остался один-единственный звук... Под неспешными шагами хрустела гравийная дорожка. Ночной гость направлялся к колодцу.

Молли прижала к себе Кипа. Она боялась смотреть на приближающегося человека. Десять шагов... Пять... Два... Холод. Может, от его тени. Шаги замерли рядом с ней. Уголкем глаза она видела, что он совсем близко, прямо над ней – стоит и смотрит на лес. Молли уставилась на его ботинки. Стоптаные, все в липкой грязи, от разных пар. Она слишком хорошо знала эти ботинки. Каждое утро она отмывала их следы по всему дому и убеждала себя, что в их появлении нет ничего странного. Но странное было. Странное и зловещее.

Человек поднял руки и задвигал пальцами, будто водил по строчкам в книге. Зашептал. И Молли знала, что сейчас ветер ответит – выдаст её. Скажет опустить взгляд – и тогда он найдёт их. Девочка закрыла глаза и безмолвно запричитала: «Не смотри вниз! Не смотри вниз! Не смотри вниз! Не...»

Ржание. Пронзительное громкое ржание разорвало тишину, пронеслось над поляной. Молли чуть не вскрикнула от неожиданности. Она открыла глаза: человек смотрел на конюшню. Дверь была распахнута, а внутри бесновался Галилей: лягался, вставал на дыбы, рвался с привязи. Вот он снова заржал и ударил копытами по стене – хотел вырваться на свободу. На лице Молли мелькнула улыбка. Она бы расцеловала Галилея, будь её воля!

Человек взмахнул рукой, и порыв ветра с оглушительным стуком захлопнул дверь конюшни. Он опустил руку и вновь направился к дереву. Молли слышала, как удаляются его шаги. Хотелось встать и бежать, но бежать было некуда: они оказались в ловушке.

Рядом шевельнулся Кип. Он смотрел на неё во все глаза, умоляя объяснить хоть что-то.

– Что нам делать? – прошептал он чуть слышно. Молли взглянула на брата. Впервые в жизни она не знала, что ответить, какую историю рассказать, не могла даже улыбнуться. И молвила дрожащим голосом:

– Ты был прав, Кип. Совершенно прав. Нам не стоило сюда приезжать. Завтра мы сбежим.

Но до завтра было ещё далеко. Она прижала брата к груди. Оба тряслись от холода в темноте и слушали, как вонзается в землю старая лопата. Ночной гость поднимал и отбрасывал землю, поднимал и отбрасывал...

Пробуждение

Сквозь темноту Кип различил два голоса.

– Вот видишь, – произнёс первый. – Они мёртвые.

– Да не глупи, живые они. Смотри, дышат, – ответил второй.

– Говорю, мёртвые! Они не дышат – это их души покидают тело.

Давай поиграем в похороны. Ты понесёшь гроб, а я буду читать проповедь.

– Да спят они! Смотри, я сейчас тебе докажу!

Кип услышал звук полновесного плевка и уловил запах лакричных конфет. Открыв глаза, он обнаружил, что прямо над его лицом с чьей-то губы свисает длинная, тягучая коричневая нитка слюны. Над Кипом стояли Алистер и Пенни, заслонив солнечный свет.

– Отвали! – заорал Кип, оттолкнув Алистера обеими руками.

Тот грохнулся на траву, а мерзкий плевок сочно шлёпнулся прямо ему на рубашку, что вызвало громкий смех Пенни.

– Теперь мама увидит, что ты испачкал одежду, и хоронить будем тебя!

Кип встал и, моргая, взглянул на солнце. Он спал на лужайке перед домом, спина и бока все мокрые от росы, в щеку впечаталась трава. Левая нога онемела от холода. На земле у колодца, сжавшись клубочком, лежала Молли. Он коснулся её руки.

– Нет! – вскрикнула она и распахнула глаза, наполненные ужасом.

– Это я, Молли!

Кип присел рядом с сестрой и приобнял её за плечи.

– С нами всё хорошо. – Он старался говорить спокойно, как говорил отец, когда Кип пугался грозы. – Мы спали на улице, но с нами всё хорошо.

Молли ещё поморгала, приходя в себя и восстанавливая дыхание.

– А он? Где он? – только и спросила она.

Кип прекрасно понимал, о ком говорит сестра. Он оперся на костыль и встал, преодолевая боль, которая пронзила ногу до самого бедра. Чтобы не упасть, схватился за край колодца. Они с Молли посмотрели на дом. При свете дня всё казалось совершенно обычным,

даже умиротворяющим. Новая яма у подножия дерева была засыпана сухими листьями.

Пенни всунула между ними голову:

– Вы что, оба спали на улице?

Кип глянул на сестру, но та уже улыбалась малышке:

– Мисс Пенни, а вы никогда не спали под звёздным небом? Ведь нет мягче одеяла, чем вечерний туман... – Молли преувеличенно сладко потянулась и зевнула. – Одна ночь на свежем воздухе – и я как заново родилась.

Алистер уставился на платье, мелькнувшее из-под расстёгнутого пальто. Тёмно-зелёный бархат был безнадёжно испорчен.

– Это же мамино платье! Ты украла его?

Кип бросился к Алистеру:

– Хозяйка подарила его Молли! Попробуй только ещё раз обвинить мою сестру – плевком на рубашке не отделаешься!

Молли поднялась на ноги и положила руку брату на плечо.

– Не волнуйся за меня, Кип. – Она потуже запахнула пальто и взглянула на дом. – Который час?

– Почти десять, – ответила Пенни. – Мы остались без завтрака! Горячей воды нет! А ещё... а ещё мне пришлось самой одеваться.

Кипу стало ясно, почему Пенни в платье наизнанку.

– Мама в ярости! Она дважды обошла дом, пытаясь вас найти.

– Уволит вас обоих, – добавил Алистер.

– Да и ладно, – огрызнулся Кип. Он прекрасно помнил, что сказала ночью Молли. Они сбегут. Сбегут и никогда не вернуться.

– Скажи им, Молли, – попросил он сестру.

Та нагнулась к нему и тихонько сказала:

– Не сейчас. Мы же не жулики какие-то. Сначала я всё улажу с хозяйкой. Это мой долг.

Кип посмотрел на неё – он не был уверен в правильности такого решения. Он думал, они сбегут при первых же лучах солнца. А теперь сестра захотела подождать! Хотя, конечно, она собирается поступить благородно. И ему требуется хоть несколько часов, чтобы подготовить повозку. Если они сбегут до наступления темноты, всё будет в порядке.

– Сегодня вечером, – сказал Кип.

– Сегодня вечером, – кивнула сестра.

– Выходи, Галилеюшка, – позвал Кип, открывая тяжёлую дверь конюшни. – У нас есть в саду работёнка.

Постепенно в голове у Кипа вырисовался план. Если они здесь последний день, то надо бы узнать про дерево как можно больше. Он плеснул себе в лицо воды, переделся в сухое. На повозку нагрузил всё, что могло понадобиться в его деле: ручную лопатку, две торбы из-под овса, моток верёвки, грабли с деревянными зубцами, лейку и несколько глиняных горшков с цветами.

Галилей наотрез отказался приближаться к дереву, поэтому, как только повозка остановилась на приемлемом расстоянии, Кип отпустил коня, и тот, благодарно заржав, повернул назад в стойло. Кип разложил инструмент на траве. Приготовления завершены.

Мальчик поднял один из многочисленных сухих листьев, присмотрелся: хрупкий, по форме как звезда – таких он раньше и не видел. Порыв ветерка вырвал лист из рук. Под ногами лежал жёлто-коричневый ковёр, расстилавшийся от самого ствола. Всё вокруг цвело и зеленело, а дерево стояло с голыми ветвями.

– И чего ты сбросило листву посреди весны? – спросил Кип вслух.

Под деревом не росла трава, даже сорняков не было. Кип сначала решил, это потому, что дом отбрасывает сильную тень, но теперь подозревал, что на то есть другие причины. Лопаткой он вырыл небольшую ямку – размером с кулак – и пересадил в неё один из цветков, привезённых в горшке. Утрамбовал землю вокруг стебля и корней, но не плотно – так, чтобы растение хорошо держалось.

Опираясь на костыль, Кип пошёл за лейкой, а когда возвратился, чуть не задохнулся от изумления.

– Ничего себе!

Цветок, посаженный минуту назад, валялся на земле, красные лепестки стали коричневыми. Поставив лейку на землю, Кип бросился к растению: стебель завял, листья пожухли. Никаких сомнений: цветок погиб.

Ещё несколько раз Кип повторял эксперимент, и всегда с одним и тем же результатом. Он посадил под деревом дюжину разных цветов: помещал на разную глубину, по-разному поливал, по-разному уплотнял почву... Все до единого растения завяли. К обеду вокруг дерева образовалась клумба жухлых цветов. Но самое странное заключалось в том, что уловить момент, когда растение умирало, Кип никак не мог. Он уходил за инструментом, на мгновение отводил взгляд – и всё, цветок лежал на земле.

– Так не бывает, – заключил он, когда увял последний, тринадцатый цветок. Посмотрел на дерево, возвышавшееся над ним. В его тени всё гибнет, но почему?

Кип подошёл к стволу, прикоснулся к шершавой чёрной коре – его тут же хлестнул порыв ветра. Убрал ладонь от ствола – ветер стих. Кип вздрогнул: кажется, только что он получил предупреждение.

На небольшой высоте Кип обнаружил ветви, за которые вполне можно было зацепиться, чтобы залезть повыше. Он потянул было руку к одной из них, но остановился: гладкая, чёрная изогнутая ветвь была вовсе не тем, чем казалась... Кип смотрел на рукоятку топора. Рукоятка была очень старой, такой старой, что сделалась частью дерева. В том месте, где ствол поглотил металл топора, Кип заметил шишку на коре. И тогда он присмотрелся к остальным ветвям: тесак, рукоять охотничьего ножа, ржавая пила и даже что-то похожее на рукоять меча! Некоторым с виду было много столетий, некоторые выглядели совсем свежими, но ни одному из орудий не удалось достичь цели.

– Поле боя, – шепнул себе Кип и пошёл прочь от дерева.

И представить страшно, какая история была связана с каждым из предметов. Ясно только, что многие – очень многие – пытались уничтожить дерево, но их кто-то остановил. Или что-то...

Оставалось ещё одно место, которое могло дать ответы на многие вопросы. Место, которого Кип избегал всё утро, но даже сейчас он чувствовал его под ногами, слышал его зов. Сглотнув комок в горле, Кип направился туда.

Они с Молли полночи слушали, как страшный человек копал землю – копал медленно и размеренно, и ритм вонзавшейся в землю лопаты напоминал о ритме заунывных протяжных стонов, какие издают плакальщики на могиле. Зачем ночной гость копал? Он что-то

сажал? Искал? Прятал? Кип стал расчищать листья граблями, пока не нашёл то место, где копал ночной гость. Яма была до краёв наполнена листьями. Что же под ними? Покрепче ухватив грабли, Кип принялся выгребать листву.

И вот рядом выросла куча сухих листьев ростом с самого мальчика. Яма по форме напоминала окоп – в два раза больше в длину, чем в ширину. Кип отложил грабли и заглянул внутрь: самая обычная с виду яма, он бы тоже такую смог выкопать, будь у него хорошая лопата и достаточно времени. Но что-то в ней было не то, какие-то сумрачные тени заставили его поёжиться.

Тогда Кип сел на край и спустил ноги. Он тянул время перед следующим шагом. Не такая уж и глубокая яма – он вполне может туда спуститься, если возникнет желание. Но желание не возникало. И Кип бросил вниз костыль. Его верный помощник, его Мужество валялось на дне.

«Теперь-то я не отверчусь», – сказал себе Кип и, зажмурившись, сполз вниз. Он ударился и повалился на бок. Сверху посыпалась земля. Кип поднял костыль и встал на ноги. Яма доходила ему до макушки. Если приподняться на носочки, можно было выглянуть наружу и увидеть лужайку, холмы на которой казались отсюда настоящими горами. Внезапно Кип ощутил себя совсем крошечным.

Он нагнулся и всмотрелся в дно ямы: всё истоптано ботинками ночного гостя. Такие же отпечатки оставались в комнате сестры. Провёл ладонью по стенке. Холодная земля посыпалась вниз. Запахло затхлой сыростью – так пахла почва у них на ферме, в Ирландии. Кип заметил чуть прикрытый землёй корень и расчистил его, чтобы получше рассмотреть. Тот был чёрный, узловатый и очень-очень тонкий, почти неживой с виду. Кип взял его между пальцами, и в этот миг случилось удивительное: корень зашевелился.

Кип отпрянул. Набравшись смелости, вновь коснулся корешка – и тот шевельнулся в ответ. Крохотные ниточки-отростки на конце ожили, потянулись к его руке, обхватили палец. Кип оглянулся: мелкие корешки были повсюду, они шевелились, выбираясь из земли. Дерево росло прямо у него на глазах.

– Да ты живое, – прошептал Кип.

И тут же ощутил острую боль. Корень затянулся на пальце, сдавил его. Кип дёрнул рукой, пытаясь вырваться, но ничего не вышло. Он

вскрикнул и, только приложив немалые усилия, освободил руку.

Над головой поднялся ветер. Он нёс в яму листья и землю, быстро засыпая мальчику ноги. Кип попытался подтянуться на руках и выбраться, но его отбросило назад сильным толчком. А земля и листья всё сыпались, хороня его заживо.

– Помогите! – закричал Кип, хотя знал, что никто его не услышит: Молли и все Виндзоры были в доме, даже Галилей где-то гулял.

А из земли всё появлялись и появлялись тонкие корешки, обвивая его руки, ноги, шею... Кип снова закричал, вырываясь из плена. Но крик вышел тихий, сдавленный. Он уже не мог шевельнуться под тяжестью листвы и земли. Наступила шелестящая, удушающая тишина. Кип дёрнулся, попытался вывернуться и ощутил, что лица касается что-то твёрдое. Костыль! Его костыль! Его Мужество!

Собрав остатки сил, Кип высвободил правую руку и схватил костыль. Опершись на него, он чуть приподнялся, высвободил вторую руку... И так, перехватывая надёжное Мужество, медленно поднялся на ноги.

Высунув голову из-под листьев, он жадно глотнул воздух. Ветер дул прямо в лицо, не давая открыть глаза, сбивая с ног, словно пытаясь свалить на дно ямы. И тогда Кип поднял Мужество над головой и протянул костыль поперёк ямы, как мост, а затем, опершись здоровой ногой о земляную стенку, сильным толчком выбросил себя на траву. Перекатился на спину, хватая ртом воздух и дрожа всем телом. Ветер стих, всё вокруг замерло.

Руки, лицо, шея у Кипа горели, будто он извалялся в крапиве. И когда он наконец нашёл в себе силы сесть и посмотреть на пульсирующий от боли палец, то увидел, как на кончике пальца выступила красная капелька...

Кип слизнул кровь. Поднял глаза на огромное дерево, раскинувшее над ним чёрную паутину гигантских ветвей. Потрясённо покачал головой. Сердце до сих пор норовило выскочить из груди.

– Кто и зачем решил построить дом рядом с тобой?

За зелёной дверью

Утренняя встреча с хозяйкой стала для Молли неожиданностью. Констанция Виндзор была расстроена её отсутствием, но вовсе не злилась.

– Молли! – воскликнула она и почти бросилась к Молли с объятиями. – Мы везде тебя искали! Я боялась, что вы с братом... – она осеклась, отступила и посмотрела на неё со странной улыбкой, – ...боялась, что вы сбежали.

Но девочка почувствовала, что на самом деле боялась Констанция вовсе не этого.

– Они ночевали под звёздным небом! Можно нам тоже так? – вмешалась Пенни.

Молли присела рядом с ней.

– Сон на улице испортит твои прелестные волосики, – нежно сказала она.

– Именно так, – согласилась Констанция, пристально глядя на Молли. – Крайне безрассудный поступок. После захода солнца молодой девушке в лесу не место.

Последняя фраза напомнила Молли слова, которые хозяйка произнесла в первый день: «В этом доме вам не место». Она уставилась на Констанцию: интересно, как много она знает о призраке, который ночами бродит по дому? И не из-за него ли она так не хотела нанимать их?

Если Констанция и заметила, что платье на Молли превратилось в лохмотья, а волосы слиплись и растрепались, она предпочла промолчать по этому поводу. Зато предложила взять выходной до конца дня и отдохнуть как следует. Но Молли не хотела отдыхать. Она боялась, что, как только закроет глаза, увидит тот самый кошмарный сон о маме с папой или того хуже – увидит во сне *его*.

Поэтому Молли решила напоследок убраться в доме и только потом сообщить хозяйке, что они уходят. Она не представляла, куда им с Кипом податься, но это было и не важно. Важно было просто уйти отсюда.

Молли помыла голову, переделалась в чистую одежду и принялась в последний раз драить полы. Она тёрла половицы намыленной щёткой и думала – думала о следах, о цилиндре, о ночном госте. И старалась гнать от себя эти мысли, пытаясь пробудить приятные воспоминания: о маме, о папе, о доме...

– Ты же не застрянешь тут навечно?

Вопрос прозвучал откуда-то сверху. Молли задрала голову: Пенни висела на перилах, как маленькая заскучавшая мартышка.

– Ты эту половицу трёшь уже одиннадцать минут. Я по большим часам засекла.

Молли села на пол, заправила за ухо выбившуюся прядь волос:

– Задумалась, наверное.

Пенни отцепилась от перил и запрыгала вниз по лестнице – иначе она не спускалась.

– А зачем ты вообще стала драить пол? Мама же сказала: возьми выходной и играй.

Молли пожала плечами:

– Если вы не возражаете, мисс Пенни, я предпочту драить пол.

– Я возражаю! – возмущённо заявила Пенни, уперев руки в боки. – Я хочу, чтобы ты со мной играла и рассказывала что-нибудь.

Молли устало вздохнула, опустила щётку в ведро, вытерла руки о передник.

– Ладно. Расскажу тебе одну историю.

Пенни захлопала в ладоши и кинулась к Молли в объятия.

– О благородном петухе Шантеклере? О Шантеклере! Ну пожалуйста!

Молли обняла малышку и начала легонько раскачиваться.

– Это история о двух детях – о брате с сестрой, у которых были ярко-рыжие волосы. Они жили в большом доме с чудесной маленькой девочкой, которая на самом деле была принцессой, но скрывала это от всех.

– Такие принцессы самые лучшие! – пришла в восторг Пенни. – А ты уверена, что в доме? Давай они будут жить в башне, которую стерегут великаны-людоеды.

– Нет, они жили в обычном доме. – Молли положила подбородок Пенни на макушку. – Брат с сестрой заботились о маленькой принцессе и очень её любили. Но однажды... – Она сделала паузу,

набрала побольше воздуха в грудь. – Но однажды детям с рыжими волосами пришлось покинуть дом, в котором они жили. Им было очень грустно, сердечки у них болели, но это неминуемо должно было случиться. – Она ещё крепче обняла Молли. – И с тех пор каждую ночь, где бы они ни были, брат с сестрой смотрели на луну и думали, что эта же луна светит над домом маленькой принцессы, а значит, они по-прежнему вместе.

Пенни подняла голову и возмущённо посмотрела на Молли:

– Ужасная история!

Молли потупилась:

– Это всего лишь история, мисс Пенни.

Пенни вывернулась из рук Молли и вскочила на ноги:

– А вот и нет! Это про тебя и Кипа. Вы решили бросить нас!

Молли окинула взглядом дом. Меньше всего она хотела, чтобы их с Кипом план раскрылся раньше времени, до того, как она сама расскажет хозяйке.

– Я же не сказала этого...

– Нет, сказала! Ты хочешь бросить меня одну в этом ужасном огромном доме, – выпалила Пенни. И вдруг, охваченная ещё большим ужасом, добавила: – А кто будет рассказывать мне сказки перед сном?

Молли смотрела на малышку и не знала, что ответить.

– Мне кажется, ты для сказок уже взрослая.

– Ничего подобного! Никто для сказок не бывает взрослым. Даже Боженька любит сказки. Ты сама говорила. Обещай, что ты не уйдёшь!

– Не могу, мисс Пенни.

Пенни топнула ножкой.

– Обещай! Обещай! – повторила она. И по лицу было видно, что девочка готова расплакаться.

У Молли сжалось сердце. С какой бы радостью она пообещала Пенни, что никогда её не оставит, что они всегда будут вместе. Но Молли лучше других знала, что такие обещания нельзя давать – потому что невозможно их сдержать. Понуриив голову, она тихонько ответила:

– Я не могу...

Малышка закусил губу.

– Ну и ладно! – взвизгнула она. – Не нужны мне твои истории! Обойдусь без тебя!

Пнув ножкой ведро, она убежала. По полу растеклась лужа грязной воды.

– Пенни, стой!

Но малышка уже не слышала её. Молли передвинула ведро и принялась вытирать воду. Она очень расстроилась, что они с Пенни вот так расстанутся, и надеялась, что через час та вернётся, забыв обиду, и остаток дня они проведут вместе. Она будет рассказывать Пенни о принцессах, великанах-людоедах и приключениях. Но эта мысль слабо утешала её. И миллион историй не изменит того, что Пенни останется жить в этом кошмарном доме. Хотя не всё так страшно. У Пенни есть семья. В конце концов, крыша над головой. У неё есть книжки, сладости, украшения и мешки с деньгами...

Прошло несколько часов, а Пенни всё не возвращалась. Молли продолжала убирать дом, попутно заглядывая в укромные уголки, где малышка могла прятаться. Она проверила чулан на кухне, кладовку под лестницей, заглянула под кровать Алистера и даже в кухонный лифт. Но Пенни нигде не было.

Молли вытирала пыль с книжных полок, когда услышала сдавленный смешок.

– Мисс Пенни? – позвала она, надеясь, что девочка откликнется.

Ответа не последовало, а через несколько секунд донёсся возглас, похожий на вскрик ужаса. Молли быстро слезла с приставной лесенки и выбежала в коридор.

– Пенни! Пенни! Я же знаю, это ты!

Хлопок в ладоши. Ещё один. Малышка пряталась где-то на втором этаже. Молли пошла вверх по лестнице.

– Выходи, выходи, всё равно тебя найду, – напевала она.

На последней ступеньке остановилась и прислушалась: какой знак подаст Пенни? Смех раздался совсем рядом. От неожиданности Молли чуть не упала с лестницы. Потому что источником звука была зелёная дверь. Теперь Молли увидела, что та приоткрыта. И за ней смеялась Пенни.

Молли решительно двинулась к комнате. Как же давно ей хотелось заглянуть внутрь. А теперь, непонятно почему, ей было страшно.

– Ура! – вновь донёсся из-за двери голос малышки. Молли не стала медлить. Она схватилась за ручку и распахнула дверь. Пенни

сидела на полу посреди маленькой пустой комнатки. Спина к Молли. На коленях у неё лежала огромная книга с яркой картинкой, занимавшей сразу целый разворот. Пенни перевернула страницу – та оказалась пуста.

– Как конец? – спросила она и отшвырнула книгу. – Я же не знаю, чем всё кончилось!

Пенни вскочила на ноги и быстро прошла к дальней стене комнаты. Только стена была необычная: часть её – от пола до потолка – занимал ствол дерева. А в центре ствола находилось дупло размером не меньше тыквы. Уперев руки в боки, Пенни возмущённо потребовала:

– Ещё историю!

Она говорила прямо в дупло. Для Молли это выглядело дико: казалось, будто Пенни разговаривает с деревом. Малышка сердито фыркнула. Встала на носочки и заглянула в дупло.

– Э-э-эй! – позвала она.

Молли нагнулась за книжкой, которую бросила на пол девочка, и прочитала название: «Принцесса Пенни и башня, которую стерегли великаны-людоеды». Книжка, похоже, была из той же серии, что Молли видела в детской в самый первый день. Тогда Пенни повела себя так, будто её поймали на чём-то запретном, и заявила, что рассказывать об этих книжках нельзя.

Молли открыла книгу: красочные картинки живописали приключения маленькой девочки в очках и с чёрными косичками, которая вела битву с целым полчищем великанов-людоедов. Рядом с ней боролись мальчик и девочка постарше – оба огненно-рыжие. У Молли перехватило дыхание: она смотрела на саму себя.

– Мисс Пенни! – позвала она.

Девочка резко повернулась к ней. На лице была паника.

– Я не специально! Я не хотела! – вскрикнула она, отступая от дерева.

Молли подошла к ней и показала на рыжую девочку в книжке.

– Где ты взяла эту книгу?

Пенни опустила голову:

– Я просто хотела ещё одну историю. Это ты виновата! Ты бросаешь меня, остаётся только Алистер, – жаловалась она, шаркая

ногой по полу. – Так нечестно! Все ходят в эту комнату. Значит, и мне можно!

Молли встала перед малышкой на колени и заговорила со всем спокойствием, на какое только была способна.

– Честное слово, я совсем не злюсь и не буду ругаться. Просто скажи мне, что это за комната?

Пенни вздохнула.

– Она не для детей, – сообщила она таким тоном, что стало ясно: эту фразу ей повторяли не раз. – Только не рассказывай маме с папой.

Пенни явно жутко боялась, что ей влетит, поэтому от её ответов было мало толку. Но кое в чём она всё-таки может помочь. Вытянув вперёд раскрытую ладонь, Молли сказала:

– Дай мне ключ.

Пенни вынула ключ из кармана.

– Я бы положила его в мамин стол. Честное слово, – уверила она и отдала Молли ключ.

Тот лёг в ладонь и оказался неожиданно тяжёлым, будто огромный якорь, потянувший руку вниз. Пенни смотрела на Молли сквозь очки, из-за чего глаза казались ещё больше.

– Ты меня накажешь? Да?

Молли отдала ей книжку.

– Сегодня нет. Беги играй, – сказала она и, приложив палец к губам, добавила: – Только не рассказывай никому.

Девочка даже не стала оспаривать приказ – так была рада, что ей всё сошло с рук. Просто выбежала из комнаты и запрыгала вниз по лестнице. Молли осталась одна в загадочной комнате. Сколько раз она пыталась представить, что же находится за зелёной дверью! И вот она внутри. Комнатка была маленькая – скорее не комнатка, а чулан: одно окно с треснутым стеклом, голые стены... и дерево.

Молли смотрела на дупло, и казалось, что за ней наблюдает огромный чёрный глаз. Пенни пыталась с ним разговаривать, так? Молли подошла к стволу, приложила ладонь к прохладной коре. Ничего не произошло. Тогда она заглянула в дупло: темно, пусто и запах, как в подвале.

– Э-э-эй! – позвала она.

Дерево не ответило. Молли отошла назад. Какими глупостями она занимается! Книжка Пенни с рыжей девочкой – просто совпадение.

Рыжие волосы не такая уж и редкость. А в книжках тем более. Молли шагнула к выходу. Ключ надо вернуть хозяйке, прежде чем та заметит пропажу. Она почти вышла в коридор, когда до неё донёлся еле уловимый звук... Тихо-тихо шелестели волны.

Молли отпустила дверную ручку и вернулась в комнату. В дупле, ещё мгновение назад зиявшем пустотой, теперь плескалась чёрная вода. Когда Молли ступила на шаг ближе к дуплу, пенная волна перелилась через край и выплеснулась на пол. Появился солоноватый запах – запах дома.

– Море, – шепнула девочка.

Она не могла отвести взгляда от маленького колодца – целого океана внутри дерева. И вдруг в воде мелькнуло что-то белое. Мелькнуло, всплыло и теперь спокойно раскачивалось на поверхности... Это был конверт. Белый конверт, на котором красивыми буквами, немного расплывшимися от морской воды, было выведено одно-единственное слово: «Молли».

Сердце Молли готово было вырваться из груди. Она быстро оглянулась, как воришка, и снова уставилась на дупло. Конверт всё ещё лежал на воде – ждал её, манил. И Молли решилась. Дрожащей рукой она схватила конверт, и вода тут же ушла вниз, а дупло опустело.

У Молли в руках был конверт – конверт, адресованный ей. Влажный, тонкий, настоящий. Молли перевернула его и открыла. Внутри был сложенный пополам лист плотной желтоватой бумаги. Письмо. Она развернула его и замерла. Наверху страницы неразборчивым, но очень знакомым почерком было написано: «Дорогая наша Молли, наш милый Кип...»

Молли крепче вцепилась в листок, боясь, что он исчезнет. Она знала этот почерк.

Письмо написала мама.

Часть вторая
Преследования

Срочная доставка

Кип подбросил пуговицу желаний в воздух, ловко поймал и попросил:

– А можешь ещё раз прочитать?

– Три раза вполне достаточно. Ты меня хуже Галилея загнал.

Кип засмеялся. Даже никудышные шутки Молли не испортили бы ему настроение. Он не мог оторвать взгляда от письма в руках сестры: на плотной бумаге, в солёных морских брызгах. Письма, которое пришло с обратной стороны мира. Письма от мамы с папой.

Кип с Молли сидели на крыше конюшни и болтали ногами. Заходящее солнце залило всё вокруг золотистым светом. Кип очень боялся, что письмо ненастоящее, что его написала сестра, чтобы его утешить. Но стоило увидеть почерк, и сразу стало ясно: настоящее. Конечно, прочесть его Кип не мог, зато узнать почерк мамы мог так же легко, как отличил бы приготовленное ею рагу или заштопанный ею носок. Письмо было написано светло-синими чернилами:

Дорогая наша Молли, наш милый Кип!

Мы с папой получили ваше письмо и очень за вас рады, потому что вы столкнулись с настоящими приключениями.

А у нас с папой тоже настоящее приключение. Когда корабль потерпел крушение, папа сделал плот из старой бочки из-под рома. Вместо мачты мы приладили весло, а я сплела парус из морских водорослей. Плот мы назвали «Кип и Молли», и он берёг нас в бурю и в тихую погоду, пока мы не доплыли до заснеженного севера, а там нам встретились купцы-эксимосы. Их ялик тянул за собой настоящий кит. Эскимосы так обрадовались, что мы говорим по-английски! И поэтому пригласили нас к себе на борт, угостили горячим супом из морского кракена – мы с папой оба пришли к мнению, что ничего вкуснее никогда не ели. Поэтому мы даже взяли у них рецепт и сможем приготовить такой суп, когда снова будем вместе. А пока мы с вами порознь,

заботьтесь друг о друге в вашем новом доме и не влезайте в неприятности (это тебя касается, Кип!). Скоро мы напишем вам ещё одно письмо, ждите его и никуда не уезжайте, что бы ни случилось.

Ведите себя хорошо и ничего не бойтесь.

Ваши мама и папа.

Кип закрыл глаза и будто услышал, как мама проговаривает каждое слово, пока выводит буквы. Видел, как у неё за спиной стоит папа и усмехается, когда мама пишет Кипу не влезать в неприятности.

Кип разулыбался, потом открыл глаза и выдохнул: он долгое время сдерживал дыхание, боясь спугнуть впечатление. Молли бережно сложила письмо в конверт.

– А когда оно пришло? – спросил Кип. – Я же столько недель наблюдал за дорогой, а почтальона не видел.

– Как бы тебе объяснить... – замялась Молли. – Давай назовём это срочной доставкой.

Кипу не очень понравилась эта таинственность, но какая, собственно, разница? Родители далеко. Письмо тому доказательство. Они пытаются вернуться к Молли и Кипу. Он вертел в руках пуговицу желаний.

– Теперь я знаю, что у них всё хорошо. Думаю, больше не стоит сидеть на мосту.

Молли улыбнулась и потрепала брата по волосам:

– Я рада это слышать.

И вдруг Кип вспомнил. Появление письма от родителей так его взбудоражило, что он совершенно забыл про дерево.

– Пока ты занималась домом, я покрутился у ямы, которую выкопал тот человек, и кое-что разведаль.

– Что ты сделал? – Молли не могла скрыть тревогу в голосе.

– Не переживай, я осторожно, – сообщил Кип, глядя вдаль. – Я видел корни этого дерева. И они были живые! Они шевелились прямо у меня перед глазами. Такие тонкие чёрные червячки. Лезли прямо из земли. Голодные. Но они искали не воду. – И Кип показал сестре кончик пальца, где корень вцепился в него.

– Ну и что ты мне показываешь свою царапину? Может, ты о камень ударился, – ответила Молли, даже не взглянув.

Кип отдернул руку. Он же помнил, как корни держали копыто Галилея, когда они нашли его в лесу.

– Прокислый лес ни при чём. Я думаю, это большое дерево распустило свои корни аж до реки. Я пытался посадить под ним цветы. И они все погибли, корни их сразу убивают. – Кип внимательно посмотрел на сестру. – И во всём доме эти корни. И в твоей комнате.

– Кип! Это всего лишь дерево! – оборвала его Молли. – Если оно тебе не нравится, просто держись от него подальше. Нам так хозяйка и сказала в первый день.

Кип сел с прямой спиной:

– А тебе не кажется, она что-то такое знает?

– Мне кажется, что, если хозяйка застучает тебя у дерева с лопатой и граблями, проблемы у тебя будут гораздо серьезнее, чем царапина на пальце. – Молли говорила как-то странно, будто с трудом подбирая слова. – Нечего приписывать дереву злые силы просто потому, что оно некрасивое.

– Оно не просто некрасивое! – возмутился Кип. – Ты забыла, что мы видели сегодня ночью? А я вот помню. И ветер помню. И человека этого. И лейку. А лучше всего я помню, как ты ко мне прижалась и от страха шевельнуться не могла. Как и я. – Кип вздрогнул, хотя было тепло. – Пусть эти Виндзоры живут как хотят. А нам надо убираться, и чем быстрее, тем лучше.

Молли отвела взгляд.

– Мы же уходим отсюда? Как договорились, да? – спросил Кип.

Сестра посмотрела на него, но в её глазах сквозило непонятное беспокойство.

– Я помню, о чём мы договорились. Но это было до письма. Если мы уйдём, мы никогда больше не сможем получить весточку от мамы с папой.

– Это ещё почему? Мы напишем им письмо и скажем, где мы.

– Так не выйдет. А вдруг они не получат наше письмо? Вдруг оно потеряется? Мама с папой сами так сказали. – Молли достала письмо из конверта и, указав пальцем на одну из строчек, перечитала: – «... никуда не уезжайте, что бы ни случилось».

Кип уставился на письмо.

– Я помню, что они так велели. Но они же не знают, что здесь...

– Ещё как знают! – перебила его Молли. – Помнишь, в нашем письме мы рассказали им про ночного гостя. А они прочитали и велели нам никуда не уезжать, что бы ни случилось. Так мы и сделаем.

Кип отвернулся. Щёки у него пылали.

– Не похоже, чтоб ты спросила моё мнение!

Рука сестры легла ему на плечо.

– Кип, я понимаю, что тебе страшно. Я тоже боюсь. Но просто доверься мне. Доверься маме с папой. – Молли говорила гораздо мягче. – Для нас единственный способ получить от них весточку – остаться здесь.

Кип глубоко вздохнул, пытаясь избавиться от обиды, сдавившей ему грудь. Он ведь понимал, что оставаться в доме очень опасно, но почему-то не мог объяснить это Молли. Он поглядел на лес, начинающийся за равниной. Заходящее солнце окрасило его в тёплые золотисто-красные и багровые цвета. Кип зажмурился и представил родителей, которые где-то далеко-далеко любуются тем же солнцем.

– Ну давай ненадолго останемся. Подождём ещё одно письмо, – наконец ответил он.

– Спасибо, Кип! – Молли обняла его, а он обнял её в ответ, почувствовав, как беззвучные рыдания сотрясают её тело. Она всегда изо всех сил пыталась защитить его, а теперь, подумал Кип, будто сама нуждалась в его защите.

– Хочешь ещё раз прочитать? – спросил Кип.

Молли отпустила его, вытерла слезы и кивнула:

– Разве что разок.

Две недели Молли провела в возбуждённом ожидании. За первым письмом вскоре последовали ещё три, и она каждую минуту ждала «срочной доставки». Она столько времени думала, что они с Кипом совсем одни в этом мире, а теперь письма дарили ей надежду.

– Мистер Алистер! Я принесла бельё, – сказала Молли и постучала в комнату молодого хозяина. В руках у неё лежала стопка простыней.

Не дождавшись ответа, она толкнула дверь плечом. Комнаты Алистера Молли старалась избегать и заходила туда, только чтобы сменить бельё и забрать горшок. В комнате отвратительно воняло потом и невымытыми ногами. Молли распахнула окно, заметила, как внизу брат толкает из конюшни нагруженную тачку, подошла к постели, сдёрнула одеяло... Взору предстало месиво из фантиков от ирисок, сахарной пудры, шоколадных крошек и сухих листьев. Молли обречённо закатила глаза: на отстирывание этих пятен уйдёт в два раза больше времени, чем на обычную стирку!

Девочка сняла грязное бельё, застелила и расправила свежую простыню (с каким удовольствием она бы повалялась на пуховой перине!). Потом присела на краешек кровати, зевнула. В последнее время работа по дому начала утомлять её, она не успевала отдохнуть. Надо было как-то отвлечься от обязанностей, и она достала из кармана потрёпанные конверты – письма от родителей.

Мама с папой попали в тайфун, в самую середину, и он затянул их в центр мира и выбросил наружу через жерло вулкана в Южных морях. Молли улыбнулась: папа описывал вулкан очень красочно. Он был из тех, кто шёл на кухню за коробком спичек, а возвращаясь, рассказывал историю о том, как выкрал спички у самого чёрта из кармана...

Молли до сих пор не знала, что думать о письмах. Сначала ей казалось, что они – чья-то злая шутка. Однако каждое новое письмо, написанное маминой рукой, всё сильнее убеждало её, что они настоящие. Конечно, письма были необычными, но «необычный» и

«ненастоящий» – не одно и то же. Кип страшно боялся дерева, поэтому Молли не рассказывала ему о дупле. Но правда была в том, что дерево волшебное – не выдумка из сказки, а самое что ни на есть волшебное дерево. А настоящее волшебство и должно немного пугать, разве нет?

Как дерево работало, Молли не понимала. Когда она попыталась отправить ответное письмо, положив его в дупло, порыв ветра тут же вернул ей его в руки. Похоже, дерево исполняло для каждого его самое заветное желание. Мистер Виндзор получал деньги, хозяйка – украшения, Пенни – книжки со сказками, Алистер – бесконечные конфеты. Молли бросила взгляд на открытый ящик комода. Внутри ровными стопками лежали сладости: карамельки, шоколадные плитки, лакричные червячки, мятные палочки. Интересно, какие они на вкус?

Открылась дверь. Зашёл Алистер, держа в руках очередной бумажный кулёк с конфетами. Молли встала, спрятав письма в карман передника.

– Я принесла свежее бельё.

Алистер посмотрел на неё, затем на комод.

– Брала что-нибудь? – Алистер подошёл к комоду, сел на постели у ящика, поджав под себя ноги. – Я каждое утро пересчитываю.

– Даже не предполагала, что ты знаешь такие числа, – пробормотала Молли, сгребая грязные простыни.

Но Алистер был слишком увлечён проверкой своих запасов, чтобы ответить. Он открыл коричневый мешочек, извлёк нечто похожее на козинаки и тоже положил в ящик комода. Молли смотрела, как он сортирует сладости, перекладывая из стопки в стопку. За последние недели лицо у Алистера заплыло нездоровым жиром. Да и сам он сильно растолстел, так что сомневаться не приходилось: скоро у Молли появится ещё одна обязанность – расшить всю его одежду. До сих пор она ни с кем не говорила про дерево, но сейчас момент казался очень подходящим.

– Можно я задам тебе вопрос? – спросила она, скрестив руки на груди. – Я знаю, что даёт тебе все эти сладости... Почему именно сладости?

Алистер подозрительно прищурился, будто пытаясь сообразить, в чём подвох. Пожал плечами:

– Они меня там ждут.

Молли кивнула. Каким-то образом дерево понимало, что Алистеру хочется конфет. А ей хочется получить весточку от родителей.

Порывшись в кармане, Алистер вытащил красную мармеладину. И протянул Молли со словами:

– Хочешь кусочек?

Ни разу в жизни Молли не пробовала мармелад. На белой ладони Алистера лежало нечто казавшееся липким, мягким и изысканным одновременно.

– Ты угощаешь меня?

– Нет! – тут же последовал довольный ответ, и Алистер принялся громко чавкать, сунув лакомство в рот. – Если бы ты заслужила конфеты, дерево бы тебе их дало.

Молли покачала головой:

– Мне жаль тебя. Алистер хмыкнул:

– Тебе? Жаль меня?

– Можно пожелать что угодно, а ты думаешь только о том, как набить брюхо! – сказала Молли и хотела было выйти, но Алистер преградил ей путь.

– Всё не так!

Молли наклонила голову набок:

– Да что ты? А как?

Алистер засунул руки в карманы:

– Когда я был маленький и когда ещё Пенни не было, папа всегда водил меня в городе в конфетную лавку. И говорил: «Выбирай, что тебе хочется!» Мы с ним вместе выбирали самые разные сладости. И я никак не мог решить, что же взять. Я не хотел показаться жадиной, хотел, чтобы папа мной гордился, поэтому всегда выбирал что-то маленькое – леденец какой-нибудь или ириску, хотя хотелось мне гораздо больше. А дома я растягивал свою покупку на целую неделю, а иногда и дольше. – Алистер вытащил из кармана ещё одну мармеладку – на этот раз жёлтую – и стал крутить её в пальцах. – А когда мы всё продали и переехали из города, я понял, каким дураком был в детстве. Надо было хватать все конфеты, какие видел. Папа же никогда больше не брал меня в конфетную лавку. – И он забросил в рот жёлтый мармелад. И принялся громко жевать.

Молли кольнула жалость к Алистеру, но лишь на миг. Даже если его тяга к сладкому и связана с более серьёзной потерей, превратилась-

то она в самое простое обжорство.

– Конфеты – не самое страшное, что может потерять ребёнок, – тихо сказала она.

Алистер переступил с ноги на ногу. Лицо у него напряглось.

– А ты прямо считаешь себя лучше нас всех? Со своими тайными письмами...

Молли ахнула от удивления, что явно порадовало Алистера.

– Да я всё знаю! Из окна видел, как ты читаешь их Кипу.

Молли прикрыла рукой карман на фартуке.

– Письма тебя не касаются, и не смей о них больше говорить! – произнесла она дрожащим голосом.

Лицо Алистера озарила радость открытия.

– А ведь твой братец не знает, откуда они берутся! – Он подошёл к Молли ближе – настолько близко, что она слышала, как он жуёт. – А если кто-нибудь ему расскажет? Как тебе это понравится?

Молли прижала к груди тюк грязных простыней. В висках пульсировало. Она сделала глубокий вдох и заставила себя улыбнуться.

– Как вам будет угодно, хозяин, – ответила Молли и, поймав взгляд чёрных глаз, добавила: – Но я предупреждаю: опасно обижать человека, который чистит твой ночной горшок. Ведь он может случайно разлить содержимое на все сладости.

Алистер окаменел.

– Ты не посмеешь!

Молли пожала плечами:

– Кто знает? Может, я уже сделала это и забыла тебе сказать. – Она прошептала прямо Алистеру в лицо: – Как этот мармелад на вкус? Ничем не пахнет?

Алистер разинул рот от ужаса. Понятно, что Молли ничего пока не делала с его конфетами, но сама идея плотно засела у него в голове, и теперь не видать ему покоя.

– Мне пора работать, – как ни в чём не бывало сказала Молли, перехватив тюк простыней поудобнее. – Рада была с тобой поболтать.

Она развернулась и вышла прежде, чем Алистер успел заметить её улыбку.

Во вторник в поместье Виндзоров заглянул почтальон. Кип заметил на дороге всадника и бросился к мосту встречать его.

– Снова срочная доставка? – спросил он, пытаясь успокоить дыхание после забега.

– Отродясь не слышал ни о какой срочной доставке. Передай вот это хозяйке. – Почтальон вручил Кипу конверт и молча уехал.

Письмо в конверте было обычное, и вовсе не от папы с мамой. Его прислал из города Бертран Виндзор: он нашёл доктора, который осмотрит всех членов семьи, пока сам он в городе. Завтра утром Кип должен встретить его в деревне и привезти в особняк. Пенни и Алистера новость не порадовала: они заявили, что и так прекрасно себя чувствуют. Кипа же она привела в радостное волнение: он никогда ещё не видел настоящего доктора.

Сразу после завтрака Кип приехал на повозке в деревню.

– Мистер Виндзор ещё в городе, и экипаж с ним, поэтому садитесь рядом со мной, – сказал Кип, двигаясь.

– Не откажусь, не откажусь, – ответил внушительных размеров доктор, забираясь на повозку. – Так гораздо удобнее вести наблюдения за местной флорой и фауной. Я питаю особую слабость к миру природы. – Он достал платок из кармана и развернул его, внутри лежал лист. – Только посмотри на экземпляр, который я нашёл по дороге из города сегодня. Какая петиола! Это точно доисторический лист!

Кип посмотрел на лист, но тот показался ему самым обычным.

– Впечатляет, сэр, – ответил он и, щёлкнув поводьями, выехал на дорогу.

– О да! И возможно, он ещё неизвестен науке! – Доктор аккуратно завернул находку в платок и спрятал в карман. – А ведь он может иметь целебные свойства. В свой следующий визит обязательно возьму с собой лабораторное оборудование для проведения опытов.

Доктор приехал в тёмно-синем плаще, белых перчатках и высоком чёрном цилиндре. Кип покосился на кожаный саквояж, который тот держал на коленях. На нём буквами золотого тиснения было выведено:

И Е З Е К И И Л Ь К Р Ю К
Д.М., Д.Ф., ЭСКВ. и. Д.

Кип мог разобрать буквы, но в слова они никак не складывались. Кип, конечно, подозревал, что вместе они обозначают полное имя доктора – слишком длинное имя для одного человека.

– Извините за тряску. По этой дороге редко кто ездит, – примерно так им с Молли в своё время сказала Хестер Кеттл, и Кипу понравилась фраза.

Доктор поднял кверху указательный палец:

– Правильно говорить «редко кто ездит»!

Видимо, растерянность на лице Кипа проступила столь явно, что доктор решил приободрить его улыбкой:

– Не переживай. Научить ирландца говорить грамотно – всё равно что научить мартышку пользоваться ножом и вилкой! Великие умы, которым даже я не чета, пытались цивилизовать представителей вашего вида, но потерпели фиаско, я вынужден признать. – И доктор громко расхохотался.

Кип почувствовал, как щёки ему густо залила краска. От англичан, особенно богатых, он часто слышал нечто подобное. Была бы рядом Молли, она бы нашлась, как поставить докторишку на место! Но Кип не мог ничего ответить. По крайней мере сейчас. Поэтому прикусил язык и уставился на дорогу.

Кипу доктора всегда казались кем-то вроде волшебников, ведь они способны были схватить смерть за руку благодаря своим инструментам и умным книгам. Доктор Крюк по возрасту вполне подходил для роли волшебника, только вместо бороды у него были густые белые усы, свисавшие вокруг рта, как два огромных куса сыра.

– Сложно быть доктором, да? – спросил Кип, чтобы поддержать разговор. – Смотреть на всех этих людей с их болячками...

– А? Что? – переспросил доктор, оторвавшись от своей книги. – О да! Но это сложно, если ты человек чувствительный – женщина или ребёнок и такое прочее. А для меня это заряд бодрости! – Он захлопнул книгу и повернулся к Кипу. Под немалым весом доктора повозка накренилась, и Кипу пришлось натянуть поводья, чтобы выровнять её. – Мы живём в век медицинских чудес и открытий. И дня

не проходит, чтобы наука не открыла новую болезнь или неизвестный ранее тип сумасшествия. И я тоже решительно готов быть среди тех, кто делает эти открытия!

– Болезнь... Так вот почему хозяин пригласил вас! Кип вспомнил бледные, бескровные лица Виндзоров. А за то время, что они с сестрой жили в доме, кожа его обитателей из просто бледной стала мраморно-бледной. Он подумал о Молли, которая осталась в доме. Как там у неё дела, интересно?

– А, уверен, там ничего серьёзного. Наверняка разновидность лихорадки. Старина Берти всегда склонен перестраховываться, но я тебе этого не говорил.

По крохам услышанной информации Кип начал понимать, что доктор знает семью Виндзоров ещё по городу. А когда они наконец прибыли к особняку, его догадка подтвердилась.

– Боже милосердный! – прошептал доктор, увидев дом и лужайку перед ним. – Я, конечно, знал, что Бертран переживает не лучшие времена, но чтоб настолько...

– Не так всё и плохо, – буркнул себе под нос Кип. Он неделя за неделей приводил окрестности в порядок, и теперь его самолюбие больно кольнул тот факт, что гостю поместье показалось запущенным. Кип щёлкнул поводьями, и конь ступил на мост. Ладони у Кипа вспотели, живот свело. Дом приближался, а значит, шансов переговорить с доктором наедине всё меньше. «Просто спроси», – приказал он себе. Но пока собирался с духом, повозка оказалась напротив входа.

Доктор Крюк достал карманные часы.

– Проклятие! Придётся работать вместо чая. – Он спрятал книгу в саквояж и неловко слез с повозки. – Не распрягай лошадь. Я закончу через час. – С этими словами доктор похлопал себя по карманам и протянул Кипу двухпенсовый: – Это тебе за труды.

Кип смотрел на монетку, но не брал её. «Просто спроси», – звучало у него в мозгу.

– Вы очень добры, сэр. Но можно я задам вам вопрос вместо платы?

Доктор наклонил голову и посмотрел на Кипа поверх очков.

– И этот вопрос будет о твоей левой ноге, так?

Кип изумлённо уставился на него.

– Как вы догадались?

– Мало что способно ускользнуть от моего пристального взгляда. – Доктор многозначительно указал на свои глаза. – Подозрения у меня закрались ещё в деревне, когда ты не предложил мне поднести саквояж. А потом ты всю дорогу держал ногу в одном положении под скамейкой и даже не менял позу. А ещё у тебя есть костыль.

Кип достал Мужество из-под скамейки.

– Я уже родился хромой, – сказал он. И хотя его вины в этом не было, почему-то ему стало стыдно.

– Хорошо, давай-ка посмотрим, – нетерпеливо вздохнул доктор, снимая перчатки.

– Конечно, сэр! Благодарю вас, сэр!

Схватив костыль, Кип спрыгнул с повозки и приковылял к доктору.

– Сядь сюда, – указал тот на крыльцо.

Кип опустился на ступеньку и, вытянув вперёд больную ногу, закатал штанину. На ноге почти не было мышц, кость была изогнута внутрь, а коленная чашечка смещена – нога напоминала искривлённую восковую свечку. На белой гладкой коже выделялись уродливые красные шрамы от бесконечных падений.

– Боже мой, – пробормотал доктор, поднимая изуродованную ногу обеими руками.

Кип отвёл взгляд. Его кольнула брезгливость доктора. Он сам не мог смотреть на собственную ногу, а видеть, как её рассматривает кто-то другой, было и вовсе невыносимо. Морщась от боли, пока доктор тыкал в ногу пальцами и сжимал её, Кип сказал:

– Я объявление в городе видел. Есть такой доктор, который делает особую клетку из железа и надевает её на больную ногу, чтобы вылечить. Мне поможет такая, как вы думаете?

Доктор выпустил ногу Кипа и улыбнулся. По тому, какая горькая вышла улыбка, ответ сразу стал понятен.

– Боюсь, нет. Есть люди, которые наживаются на надеждах слабых духом. Они обещают чудеса, неподвластные науке. Железная клетка вылечит твою покалеченную ногу с таким же успехом, как вырастит тебе крылья.

Кип быстро опустил штанину. В горле застрял комок.

– Забудьте, что я вас спрашивал...

– А ну-ка не унывай! – Доктор встал, взял саквояж. – У каждого свой крест. У меня вот мозоль на мизинце ноги. Как только приходит лето и нога начинает потеть, мозоль воспаляется, палец опухает, да так, что невозможно надеть ботинки. И ничего, я не жалуясь!

Доктор коснулся двумя пальцами краешка шляпы и позвонил в дверь:

– Ещё раз благодарю тебя за помощь.

А Кип приладил костыль под мышку и похромал заниматься работой. И только одно слово звучало эхом у него в голове: «Покалеченный».

Холодные руки, горячее сердце

Молли стояла у стола и делила на три тарелки жидкую подливку. Мистер Виндзор ещё не вернулся из поездки по делам, а значит, у неё не было денег, чтобы купить еду на рынке. Поэтому вот уже третий ужин подряд она подавала подливку, где плавали какие-то овощи и немного мяса. И с каждым разом порции выходили всё меньше...

Констанция сидела с торца стола и задумчиво крутила на пальце кольцо, уставившись на пустой стул, где должен был сидеть её муж. Алистер и Пенни сидели справа и слева от матери и вели ожесточённый спор, но Молли не слышала, по поводу чего они начали переругиваться.

– Ещё вина, мэм? – спросила Молли и взяла с буфета графин, чтобы наполнить хозяйкин бокал.

Констанция потянулась за бокалом и задела ладонью руку Молли.

– Ой! – вскрикнула Молли и отпрянула, выронив бокал; вино красным пятном растеклось по скатерти.

– Да что на тебя нашло! – возмутилась Констанция, отодвигаясь от стола, чтобы не запачкать платье.

– Простите, мэм! – Молли бросилась вытирать лужу. – Нервы, наверное.

Она украдкой взглянула на руки хозяйки. Они оказались холодными, как у мертвеца. Надо будет не забыть сказать Кипу нарубить побольше дров, чтобы сильнее топить в комнате у хозяйки. Наверное, в такое время года уже перестают жечь камин, но Молли показалось, что Констанция не станет возражать.

Открылась входная дверь.

– Конни! Дети! Я дома!

Вернулся хозяин.

– Мы здесь, сэр! – отозвалась Молли, ставя на стол ещё один прибор.

Супницы у Виндзоров больше не было, поэтому Молли наливала еду, стоя у стола с прижатым к бедру горшком, в котором готовила.

Тарелку с супом она поставила во главе стола и положила рядом ложку.

– О! Провизия!

Бертран Виндзор показался в холле. Пальто перекинуто через локоть, в руке шляпа. Его вид поразил Молли. Пребывание в городе явно пошло ему на пользу: на щеках играл румянец, чёрные волосы приобрели каштановый оттенок. Он помолодел лет на десять.

– Детки мои, как же я соскучился!

Бертран расставил руки и ждал, что Пенни с Алистером бросятся ему навстречу, но его постигло разочарование.

– Привёз нам что-нибудь? – поинтересовался Алистер.

Радость исчезла с лица Виндзора. Он растерянно похлопал себя по карманам.

– Боже мой, неужели забыл... – И вдруг расплылся в улыбке. – А ну-ка, что это у меня? – Весь сияя, он извлёк из-под пальто два свёртка.

Дети выпрыгнули из-за стола и выхватили у отца подарки. Довольный Бертран смотрел, как они понеслись в сад, даже забыв спросить разрешения встать из-за стола.

Молли взяла у хозяина пальто и шляпу:

– Добро пожаловать домой, сэр.

Бертран смотрел на жену, которая ещё не поздоровалась с ним.

– Поездка вышла многообещающей, дорогая. Конечно, пока нет точных договорённостей, но, если рынки взлетят, мы получим неплохой шанс.

– Какие знакомые слова, – проговорила Констанция в свой бокал.

Бертран подошёл ближе, встав у жены за спиной.

– У меня и для тебя есть подарок. – Он извлёк из кармана жилета флакончик с каким-то резиновым шариком наверху. – Прямо из самой Колони. Конечно, не решает всех наших проблем, но всё же... – Бертран умолк, когда Констанция повернулась к нему. – Конни, неужели ты... – Он смотрел на кольцо у жены на пальце.

Молли наблюдала за сценой от буфета, пытаясь понять выражение на лице хозяина: то ли расстроился, то ли разволновался. Во всяком случае, он так и застыл с привезённым подарком в руках. Констанция с равнодушным видом рассматривала флакончик.

– Парфюм? Чтобы замаскировать зловоние, которое мы предпочитаем не замечать? Какой уместный подарок, – произнесла

она, глядя прямо Бертрану в глаза.

– Я... я хотел... – Мистер Виндзор засунул флакон обратно в карман. – Я понимаю, это не сравнится со всем, что ты потеряла...

– О чём ты, дорогой? – Его жена указала взглядом на кольцо на бледном пальце. – Как видишь, я ничего не потеряла.

И Молли сразу поняла, почему Констанция просила у дерева именно это кольцо: оно имело особое значение для них с Бертраном, поэтому она так хотела, чтобы он его заметил.

Если целью хозяйки было досадить мужу, то она преуспела. Тяжело вздохнув, Бертран сел во главе стола. Он будто сдулся прямо у Молли на глазах: плечи опустились, щеки ввалились, даже волосы как-то поникли. А Констанция смотрела на него с явным удовлетворением. Допив вино, она сделала Молли знак наполнить бокал.

Молли нарочито громко поставила графин на стол. И, в упор глядя на хозяина, сказала:

– А я думаю, это чудесный подарок, сэр! – И выбежала из кухни.

Молли боялась, что хозяйка последует за ней, отчитает, но ничего подобного не произошло. И, наверное, к лучшему, ведь вряд ли бы ей удалось сдержаться и не высказать всё, что наболело. Она драила горшки и сковородки, прокручивая в голове все те обидные слова, которые собиралась произнести. Обидные, но справедливые.

Мама иногда говорила: «Холодные руки, горячее сердце». Эти слова означали, что и жёсткие люди иногда должны проявлять доброту. Но Молли поняла, что для миссис Виндзор они не работают: руки у неё были не просто холодные – ледяные. Ведь хозяин явно расстроился, когда заметил у неё на пальце то самое кольцо. И у него были на это причины: пока он надрывался, чтобы обеспечить семью, его жена думала только о побрякушках.

И всё-таки... всё-таки Молли понимала, что её мысли не вполне верны. Иногда она видела Констанцию у окна или в саду: та смотрела на голубой камень с невыразимой тоской на лице. Но если кольцо представляло ценность, то, видимо, не такую уж большую, потому что хозяйка не раз и не два возвращалась к дереву – наверняка ждала от него колъе и подходящие серьги, но новые украшения у неё так и не появились.

Молли прикоснулась к кармашку, в котором хранила конверты: может, уже пришло новое письмо от родителей? В доме столько

народу, что попасть к дереву незамеченной бывало не так-то просто. Поэтому, как только возможность представлялась, Молли старалась её не упускать. Сейчас Пенни с Алистером играют на улице. Из кухонного лифта доносятся голоса, а значит, хозяин с хозяйкой ругаются в кабинете. Молли вытерла руки о фартук и быстро вышла из кухни.

Первая задача – раздобыть ключ, который хранится в ящике туалетного столика миссис Виндзор. Молли зашла в спальню хозяйки и даже не закрыла за собой дверь. Выдвинула верхний ящик столика. Внутри лежали шёлковые шарфы и чёрная лакированная шкатулка для украшений. Раньше она занимала почётное место прямо на туалетном столике хозяйки. Но, лишившись драгоценностей, хозяйка спрятала её в ящик. А за шкатулкой, под подкладкой ящика, лежал тот самый ключ.

Молли осторожно взяла его, стараясь не сдвинуть ни единой вещи, и хотела уже было закрыть ящик, но случайно зацепила рукой шкатулку для драгоценностей. И та из-за того, что стояла на скомканном шёлковом шарфе, опрокинулась на бок. Внутри что-то зазвенело.

Молли замерла. Она думала, что шкатулка пуста, но, судя по звуку, ошибалась. Вероятно, у миссис Виндзор ещё оставались драгоценности, просто она утаила их. Молли осторожно открыла шкатулку. Внутри лежало несколько колец, все – точная копия того самого, которое носила Констанция!

Девочка уставилась на кольца, украшенные голубыми камнями.

– Ты представляешь, как это выглядит: застать служанку, копающуюся в личных вещах? – раздался за спиной голос.

Молли захлопнула шкатулку и развернулась спиной к ящику. В дверях стояла Констанция Виндзор. Глаза у неё были красные: то ли от вина, то ли от слёз, то ли и от того и от другого.

– Извините! – Молли опустила ключ в карман. – Я только... я только подумала, что нужно вытереть пыль со шкатулки...

Она помолчала.

– Мне стало любопытно, мэм.

Хозяйка вскинула бровь:

– Так что же ты остановилась? Продолжай. Удовлетвори своё любопытство.

Она зашла в комнату. Ситуация напоминала ловушку, но Молли послушалась и открыла шкатулку: перед ней лежали кольца – шесть одинаковых колец с одинаковым голубым камнем.

– Они все одинаковые, мэм?

– Почти. Каждое следующее чуть меньше размером. – Констанция стояла почти за самой спиной девочки. – Красивые, правда?

Молли смотрела, как играют свет и тень на гранях драгоценных камней.

– Да, но... – Она осеклась, чтобы не сболтнуть того, о чём точно пожалеет.

– Ну говори, что ты думаешь. Это будет лучше, чем твой взгляд исподлобья.

Молли тяжело вздохнула. Она смотрела прямо на хозяйку.

– У вашей семьи нет денег на еду, на уголь, на одежду, а вы копите сокровища, как царь Соломон.

– Сокровища? – Лицо миссис Виндзор тронуло подобие улыбки. – Ты думаешь, это сокровища? – Она вытянула вперёд руку с кольцом. – То есть ты считаешь, что вот это – драгоценный камень?

Молли крепко сжала губы, щёки у неё запылали. Ну откуда ей разбираться в драгоценных камнях?

– Ты считаешь меня ужасной? Эгоистичной? – Констанция смотрела на кольцо. – Вот этот «драгоценный» камень – обычный кварц. А само кольцо – даже не серебро, а просто белый металл. Большинство женщин моего статуса умерли бы от одной только мысли, что можно надеть такое украшение.

– Но не вы?

– Но не я. – Констанция улыбнулась, не отрывая взгляда от кольца. Она то ли вздохнула, то ли вздрогнула. – Когда я встретила Бертрана... когда я встретила мистера Виндзора, у него ничего не было. Он служил обычным клерком. Ни семьи, ни титула, ни перспектив. Моя семья уверяла меня, что он мне не чета, и категорически была против этой партии.

Молли скрестила руки на груди:

– Значит, вы из богатой семьи?

– Я не прошу сочувствия. Но думаю, ты понимаешь, что значит лишиться дома. – Хозяйка внимательно посмотрела на Молли. – Я вышла замуж за Виндзора против воли семьи. Когда об этом стало

известно, меня вышвырнули из дома, лишили наследства. С тех пор я ни слова не слышала от родителей и родни. В день свадьбы Бертран подарил мне это кольцо – большего он не мог себе позволить. Но для меня оно стало самым дорогим подарком.

Констанция повернула на пальце кольцо, которое было ей велико.

– И каждый день, когда я надеваю его, я вспоминаю Бертрана, вспоминаю нас обоих – прежними.

Голос хозяйки дрожал.

– Ты явно кое-что поняла про этот дом. – Она глянула на стены так, будто они вот-вот упадут и раздавят её. – Но будь так любезна, не делай выводы о нашей жизни.

Молли во все глаза смотрела на Констанцию Виндзор. И вспоминала сцену на дорожке, которую наблюдала несколько недель назад. Тогда хозяин забрал у жены кольцо, чтобы заложить и получить деньги на выплату долгов. Молли пронзило острое чувство вины.

– Но зачем их столько? – спросила она, указывая глазами на шкатулку.

Констанция сделала глубокий вдох. Затем выдох. И Молли даже показалось, что она видит облачко её дыхания в луче света, приникающем из холла.

– Как бы я ни цеплялась за прошлое, оно всё время ускользает от меня.

Она вытянула вперёд руку, опустила кисть, и кольцо скользнуло по пальцу, на миг задержалось на костяшке и упало на пол с глухим звуком.

– Оно вам больше не подходит?

Молли смотрела то на кольцо, то на хозяйку. Та казалась совсем хрупкой – гораздо более хрупкой, чем при их первой встрече. Она будто таяла на глазах.

– Похоже, что так. – Констанция горько улыбнулась. – Пора идти за следующим. – И протянула Молли ладонь. – Отдай мне ключ.

Молли стояла в центре комнаты Пенни.

– Мисс Пенни! – очень строго сказала она.

– Не буду! Не буду это пить! Не заставляй меня! – выкрикивала малышка, взгромоздившись с ногами на подушку и прижавшись спиной к стене, вместо того чтобы спокойно лежать под одеялом.

Молли устало вздохнула. В руке у неё была ложка с чёрной жидкостью, по запаху напоминавшей алкоголь. Жидкость оставил доктор, который осматривал семью в начале недели. И только сегодня утром Молли, заметив полную бутылочку, поняла, что Пенни обманывает и не пьёт микстуру.

– Доктор Крюк прописал пить лекарство каждый вечер перед сном. – Молли сделала шаг к кровати. – Всего лишь одну ложечку.

– Нет! Нет! Нет! – Пенни соскочила на пол, так чтобы между ней и ложкой с лекарством оказалась кровать. – Алистер сказал, оно из крысиной крови.

Молли закатила глаза:

– Какая ещё крысиная кровь? Откуда Алистеру знать?

Пенни вскинула руки, будто защищаясь:

– Он же старший. Он всё знает!

Молли кивнула, принимая такой поворот событий. – А я старше твоего брата. И я тебя уверяю, лекарство не из крысиной крови. А уж доктор старше, чем мы все, вместе взятые. – Молли присела на край кровати. Поймала в тёмном стекле своё отражение. Заправила выбившуюся прядь под чепец. – Ну расскажи мне, из-за чего ты на самом деле переживаешь.

Малышка поджала губы, отчего её личико сделалось совсем маленьким.

– Не хочу, чтобы мы болели, – тихо сказала она. Молли взглянула на неё: в свете лампы она казалась ещё бледнее. Вспомнился портрет в библиотеке. Сколько раз она смотрела на него и думала, как же изменились члены этой семьи!

– Мисс Пенни, если вы не считаете нужным во что-то верить, это ещё не значит, что вам врут. Если человек заболел, он лечится лекарствами. И кстати, я была в комнате, когда доктор тебя осматривал: он сказал, что это всего лишь лёгкая лихорадка...

– Доктор сказал, он не знает, что это за лихорадка! А значит, это что угодно может быть! – Пенни опять забралась на постель и схватила за руку Молли. – Чума, цинга, холера... а может, у нас глаза полопаются и вытекут – так мне Алистер сказал.

Молли кивнула с самым серьёзным выражением лица.

– Когда поймёшь, что глаза вот-вот лопнут, выйди из дома, пожалуйста, – не хочу тут всё отмывать, – сказала она и улыбнулась, чтобы показать, что пошутила.

Её взгляд упал на полку, висевшую над кроватью. Там, в самом низу стопки, появилось несколько новых книжек про принцессу Пенни. Она повернулась к малышке.

– Как ты думаешь, а что бы сделала принцесса Пенни, если бы над ней нависла огромная, великанская, ужаснейшая ложка с лекарством? Убежала бы? Или бы выпила одним махом и попросила добавки?

Пенни задумчиво подёргала себя за косичку:

– Выпила бы махом. Но без добавки.

Молли улыбнулась. Сунула ложку в раскрытый рот Пенни и тут же вытащила назад.

– Ну и как?

– Похоже, похоже... – Малышка сжала губы и сделала большие-большие глаза. – Похоже на клубничный сироп!

– Подумать только! И запомни, бутылочки должно хватить до следующего визита доктора. Так что не вздумай тайком отхлёбывать, пока я не вижу, – сказала Молли и подошла к комоду.

Пенни села на кровати:

– А ты не будешь?

– Вряд ли доктору это понравится. – Молли положила ложку на комод и закрыла бутылочку пробкой.

– А почему нет? Ты тоже болеешь.

Молли повернулась – руки в боки.

– То есть теперь ты у нас доктор?

– Ты болеешь! Посмотришь в окно!

Молли повернулась к чёрному стеклу, потому что на улице давно стояла ночь. Она взгляделась в своё отражение, и её пробрала оторопь. Отступив назад, девочка схватилась рукой за горло.

– Давай-ка я тебя укрою, – только и смогла она произнести.

Молли не помнила, как вышла из комнаты Пенни. Она поймала себя на том, что несётся вниз по лестнице, задыхаясь. Влетела в свою комнату, закрыла дверь. Как же плохо, что нет замка! Трясущимися руками Молли взяла с прикроватного столика канделябр на три свечи и зажгла их. Свет, ей нужен свет. Ей нужно проверить.

Медленно она подошла к туалетному столику, над которым висело треснутое зеркало. Смотреться в него было страшно. Но необходимо. Она подняла глаза и встретилась со своим отражением.

– Этого не может быть...

Девочка в зеркале была похожа на Молли, только она была другой. Кожа была чистая, все до единой веснушки, которые достались Молли от мамы, исчезли. Она больно ущипнула себя за щёки, чтобы вызвать румянец, но ничего не вышло. Тогда Молли аккуратно расстегнула чепец и высвободила волосы. Они были почти чёрными.

Молли взяла прядь, упавшую на щёку. У неё в пальцах остался пучок волос, безжизненных, висящих, как высохшая трава. В ужасе она отбросила их.

– Нет-нет-нет... – повторяла Молли.

Она стояла перед зеркалом, обхватив себя за плечи. По телу разлилась такая слабость, что Молли боялась упасть.

Конечно, эта перемена не могла произойти в один день. Когда она началась? В последнее время Молли была так поглощена работой по дому и ожиданием новых писем, что ничего вокруг не замечала. А Кип? Внутри всё сжалось. Он ведь такой наблюдательный. Он должен был заметить, как она изменилась. Наверняка видел, когда это началось. Но если так, почему ничего не сказал?

Молли надела пальто, задула свечи и выскользнула из комнаты. Сегодня она не останется спать в своей постели.

Кип лежал на ветхой кровати и не спал. Ветер проникал сквозь щели в стенах конюшни, тонкое одеяло от него не защищало. Он перебрался сюда на ночлег в ту ночь, когда Молли показала ему цилиндр ночного гостя, но спать лучше после этого не стал. Его постоянно преследовала мысль о том, что сестра по-прежнему в доме: она крепко спит, пока ночной гость бродит по коридорам...

Сквозь прямоугольники окон было видно лунное небо. Кип пробовал соединять звёзды воображаемыми линиями, чтобы получились созвездия, напоминающие о хороших временах. Но как только у него почти выходили контуры фермы или родители, звёздочки исчезали, и рисунок превращался в большое дерево.

Кип услышал шорох в темноте и испугался.

– Кто там? – настороженно спросил он, потянувшись за Мужеством.

Открылась дверь, и показалась Молли. В верхней одежде, с фонарём в руке.

– Подвинься, буду сегодня спать с тобой, – сказала она.

Кип засунул костыль под кровать. Сестра выглядела очень усталой и напряжённой. Что-то случилось?

– Ты же говорила, что в конюшне грязища?

– Конечно, грязища. Но я решила, что компания тебе не помешает.

– У меня для компании Галилей есть, – ответил Кип и показал на коня, мирно спавшего в стойле и иногда подёргивавшего ушами. В свете лампы Кип пытался рассмотреть лицо сестры. – Уверена, что причина только в этом?

Молли закатила глаза:

– Ты что, меня непустишь?

– Пущу, конечно. Просто... – Кип вздохнул. А что на самом деле он хочет услышать от сестры? Хочет, чтобы она была честна с ним. Чтобы рассказала, чего боится. Призналась, что ей тоже страшно в этом доме. Он глядел на Молли: на её почти чёрные волосы, на ещё

более чёрные глаза. – Молли, посмотри на себя... – Осёкся: сейчас не время. – Ты наступила в навоз! – И Кип кивнул головой на пол.

Молли принялась шаркать подошвой, чтобы оттереть свежий конский навоз. Кип откатился на край кровати, освобождая место для сестры.

– И разуться не забудь!

Молли сняла ботинки, погасила лампу и легла рядом.

– Спасибо, – шепнула она, обнимая брата.

– Я всё равно ещё не спал.

Он закрыл глаза и попытался успокоиться, ни о чём не думать. Сосредоточиться на звуках. Вот рядом с ним дышит Молли: вдох-выдох. Время от времени тихонько фыркает Галилей. Капает вода с крыши в металлический жёлоб. В траве трещат сверчки. Шелестят на ветру листья.

– Молли, – позвал он.

Сестра шевельнулась.

– Что?

Кип смотрел на тёмное окно.

– Как ты думаешь, он прямо сейчас там внутри?

Молли покачала головой:

– Пока нет. Сразу чувствуется, когда он приходит. Будто музыка играет-играет и вдруг начинает фальшивить.

Кип приподнялся на локте, чтобы видеть сестру.

– Ты поэтому пришла? Не хочешь там с ним оставаться? – Он обвёл глазами старую, полуразрушенную конюшню. – Я по себе знаю, поэтому тут сплю.

Молли кивнула. Издавала долгий вздох.

– Ты оказался умнее меня. Сразу понял, что там плохо.

– Ум тут ни при чём. Мне было страшно. Мне до сих пор страшно. – Кип говорил с трудом. Он смотрел на сестру – на бледную, болезненную копию его любимой сестры. Сел на кровати. – Молли, я думаю, мы должны уехать. Что бы этот человек по ночам ни делал с теми, кто живёт в доме, что бы он ни делал с тобой... это плохо.

Сестра коснулась своих чёрных волос:

– Ты ведь заметил?

Кип кивнул:

– Не заметить сложно.

– Почему не сказал мне?

Кип уставился в темноту:

– Ты бы не стала слушать. И не говори, что стала бы, – я знаю, что нет. Каждый день ты смотрела в зеркало. Неделю за неделей. И ничего не замечала. Раз ты своим глазам верить не стала, то куда уж поверить мне!

Молли хотела возразить, но только вздохнула. Откинулась на постели и долго рассматривала балки на потолке.

– Иногда во сне мне кажется, что я ощущаю, как он стоит в моей комнате, прямо надо мной...

– А ты не можешь его прогнать?

Она покачала головой:

– Я во сне, как в клетке, и выбраться не могу. А потом наступает утро. И снова всё хорошо. Светит солнце. И я не чувствую опасности.

Сестра посмотрела на Кипа глазами, полными слёз:

– Знать бы только, что он делает. И зачем.

Кип взял сестру за руку.

– Наверное, пора узнать.

Эфир бессмертия

Весь следующий день Молли с Кипом готовились к слежке за ночным гостем, забыв про здравый смысл и страх. Они не знали, как он попадает в дом, поэтому решили ждать его снаружи. Когда все члены семьи разошлись по комнатам спать, Молли встретила с Кипом возле стены конюшни, где были сложены дрова. Она принесла шарфы и горячий бульон, который они молча выпили, наблюдая за тёмным домом.

– Тебе удобно? – спросила она брата, когда тот заёрзал на жёстких брёвнах.

– Если бы ты рассказала что-нибудь, было бы легче, – ответит тот, пытаясь согреть руки. – Только не страшное.

Молли покачала головой:

– Ну и задачка! В такую ночь даже Матушка Гусыня только и могла бы, что дрожать от страха.

А ведь правда, Молли уже несколько недель ничего не сочиняла и не рассказывала – ни Кипу, ни Пенни, ни самой себе. У неё полностью пропало желание сочинять истории. По-настоящему интересовало её только одно. Она достала из кармана самое последнее письмо от родителей.

– Может, читаем, что мама с папой написали?

Кип взглянул на конверт.

– А зачем? Ты уже его читала. – Он раздвинул костылём высокую траву. – От того, что мы его прочитаем, мама с папой здесь не появятся.

Молли силилась понять брата. Появлялось новое письмо, а он, казалось, был рад всё меньше. И что он скажет, если узнает, откуда на самом деле приходят письма? Она положила письмо в карман, но не убрала руку с конверта. Уже одно прикосновение к бумаге успокаивало её, помогало чувствовать себя под защитой.

Молли смотрела на дом. Все окна тёмные, кроме одного – её собственного, где светится желтоватый огонёк. Они с Кипом оставили на подоконнике свечу. Пока пламя спокойно горит. А когда потухнет,

что это будет значить? Какая-то часть её души совершенно не желала знать о еженощно происходящем в доме. Какая-то часть её души желала только одного – забыть весь их план, залезть в тёплую постель и проснуться наутро в счастливом неведении.

Кип выпрямился:

– Слышала?

Молли кивнула, вся превратившись в слух. Зашелестели, закрипели деревья. Ожила, затрепетала под ногами трава. Со стороны леса прилетел ветер, потоком пронёсся через поляну, устремившись к дому. И без того тёмное небо стало ещё чернее. Задрезжала на крыше черепица, закрипели стены. Ветер ворвался в дымоходы, и они отозвались громким стоном. Молли схватила Кипа за руку.

– Ещё рано... – только и сказала она, не отводя глаз от свечи на подоконнике.

Огонёк мигнул и погас.

– Он внутри.

Молли соскользнула с дров и зажгла фонарь, который Кип позаимствовал с повозки Галилея. Фонарь был тяжёлый, зато со щитками, приглушавшими свет, так что дети могли освещать себе путь, сами оставаясь невидимыми.

Они устремились к дому настолько быстро, насколько позволял сильный ветер. Центральная дверь всё ещё была закрыта. Молли прикрутила фитиль фонаря, чтобы пламя было едва заметно, но всё же не гасло. Разулась. Ощутила босыми ногами ледяной камень ступеней. Позади стоял на коленках Кип. Он тоже разулся и сейчас привязывал на конец костыля подушечку.

– Ты уверена, что надо это сделать?

– Ни капли. – Молли помогла брату подняться. – Идём.

Она взялась за ручку и открыла дверь. В доме хозяйничал ветер. В тот же миг она перенеслась в ту первую ночь, когда нашла чёрный цилиндр. Перешагнула порог. Рядом был Кип. Вокруг них вились сухие листья в красивом, завораживающем танце. Из дальнего конца дома донёсся знакомый звук. Тяжёлая поступь ночного гостя.

Схватив Кипа за руку, Молли устремилась по коридору. Они успели спрятаться за углом и увидели, как в противоположном конце холла появился ночной гость. Он нёс ту же лейку, с которой они его видели, но, судя по всему, сейчас она была пуста. Он медленно

поднимался по лестнице к спальням, оставляя на ступенях грязные следы.

Молли подождала, пока он свернёт с лестницы, и тихо последовала за ним. Медленно, нащупывая ступень за ступенью, вглядываясь в крошечный кружок света от лампы. Главное – не шуметь, не наступить на скрипучую половицу... Кип шёл следом, держась одной рукой за перила. Намотанная на костыль тряпка почти полностью заглушала звук. Молли отчаянно хотелось верить, что их не заметят.

На верху лестницы она подождала брата. Кип вертел головой, смотрел во все глаза, и Молли сообразила, что он впервые в этой части дома.

– Что там за комната? – шепнул он, кивая головой в сторону приоткрытой зелёной двери. – С замком.

– Кладовка, – ответила Молли и, взяв брата за руку, потащила за собой по коридору.

Слабый огонёк лампы почти не освещал путь. Чтобы не упасть, она одной рукой держалась за стену, а другой вела за собой Кипа в дальний конец дома, в крыло, где располагались спальни. Сквозняк открывал и закрывал двери, а они скрипели и позвякивали замками. Из комнат доносились голоса членов семьи Виндзоров: каждый был охвачен ночным кошмаром.

– Мама, мамочка! – звала Пенни.

Впереди послышались шаги. Молли присела на корточки за комодом, стоящим у стены. Рядом скрючился Кип. Чёрный силуэт заполнил дверной проём комнаты Алистера и шагнул в коридор. У ночного гостя по-прежнему была лейка, но теперь, судя по звуку, в ней что-то плескалось. Он наполнил её. Только чем?

Ночной гость скрылся в комнате хозяина дома.

– Подержи, – шепнула Молли и вручила брату фонарь.

Согнувшись как можно ниже, она стала пробираться к комнате Бертрана Виндзора. Кип двинулся следом, попадая за сестрой шаг в шаг. Дверь была открыта. Внутри во сне стонал и что-то бормотал хозяин.

Молли заглянула в комнату. Луна освещала кровать Бертрана Виндзора. Он дрожал под одеялом, глаза закрыты, весь мокрый от пота.

– Нет! Нет-нет! – молил он. – Н-н-не тронь их.

Ночной гость навис над кроватью и смотрел, как мечется Виндзор. Затем он поставил лейку на пол и полез в карман пальто. Достал какой-то серый, влажный комок – тряпку. Он приложил её к лицу Бертрана, осторожно промокнул лоб, шею, спустился к рукам. Молли силилась понять, что же происходит у неё на глазах.

Ночной гость поднёс тряпку к отверстию лейки и начал отжимать её. Серебристая струйка медленно полилась в лейку, наполняя её. Когда влага закончилась, ночной гость вновь приложил тряпку к голове спящего Виндзора и проделал всё те же действия. Он несколько раз отжимал тряпку в лейку, вновь собирал пот Бертрана и вновь отжимал его, постепенно наполняя ёмкость...

Молли попыталась сглотнуть, но во рту пересохло. Рядом был Кип – его дыхание щекотало ей шею. Она не знала, что за сцена перед ней разыгрывалась, но лучше бы ей никогда ничего подобного не видеть. И она не хотела, чтобы Кип видел. Молли отстранилась от дверного косяка и сделала крошечный шаг назад. Тихо, еле слышно треснул под ногой сухой лист.

Мир замер. Дом затих. Исчез ветер. Даже луна как будто перестала светить. Молли почувствовала, что её пронзил страх. Темнота шевельнулась. Ночной гость стоял на пороге спальни, его лицо было в густой тени. Он шагнул прямо к ним с Кипом.

– П-пожалуйста, сэр. – Молли отступила, склонив голову. – Извините. Мы не хотели...

Ночной гость сделал ещё шаг и оказался в пятне света, который давала лампа. Молли увидела его лицо и онемела. Его борода состояла из спутанных чёрных корней. Кожа – белая, как кость. На месте рта – тонкий кривой шрам. Щёки глубоко запади под длинные скулы. А глаза... Молли вздрогнула. Глаз не было. На их месте зияли две чёрные глубокие дыры. Гость немного склонил голову набок и теперь смотрел прямо на неё – смотрел с любопытством.

Молли попятилась, оттесняя Кипа к лестнице.

– Держись от нас подальше! – выкрикнула она, а сама уже шарила по комоду в поисках чего-то, что сможет отпугнуть страшного гостя.

Нащупала вазу и запустила ему в голову. И гость, до этого двигавшийся так неспешно, вдруг ожил. Он зарычал, и внезапный порыв ветра опрокинул Молли на пол.

– Молли! Вставай!

Кип тянул её за рукав, пытаясь поднять. Она оттолкнула брата.

– Беги! Беги, Кип!

Молли встала и загородила собой брата.

– Не смей его трогать! Он ничего не сделал! – дрожащим голосом произнесла она.

Шрам на месте рта сложился в подобие улыбки. Лейка с грохотом опустилась на пол – судя по звуку, почти полная. Костлявая рука скользнула под полу пальто и достала горсть сухих листьев. Молли смотрела, как пальцы крошат листья в пыль, как открытая ладонь приближается ко рту... Ночной гость дунул – и тонкая пыль взвилась в воздух, закружилась вокруг Молли...

И стало темно.

Когда Молли упала, Кип был на верхних ступенях лестницы. Вот она ещё загораживала его собой, а в следующий миг рухнула лицом вниз, и даже не шевелилась.

– Молли! – вскрикнул Кип и, уронив фонарь, бросился к сестре. Он тряс её за плечи и звал: – Молли, вставай! – Его собственный голос слышался будто издалека, внутри всё сдавило от ужаса. – Вставай, Молли, надо бежать!

Он перевернул сестру на спину. Её голова безвольно ударилась об пол. К лицу прилипли крошки сухих листьев, такие же крошки запутались в волосах. Глаза Молли были закрыты, а кожа неестественно бледна. Ночной гость шагнул ближе. На его лице играла зловещая улыбка.

– Молли! Проснись, Молли! – кричал Кип, оттаскивая неподвижную сестру.

Зелёная дверь была открыта, если бы ему удалось затащить сестру туда!

Молли судорожно вдохнула и вцепилась в Кипа.

– Н-нет, – застонала она, запрокинув голову. – Не бросайте нас... нет... – Она говорила не с Кипом: в бреду она видела кого-то другого.

На лбу Молли выступили бусинки пота. Кип поднял глаза на ночного гостя, нависшего над ними.

– Разбуди её! Верни её назад! – потребовал Кип.

Ночной гость поднял руку, и резкий порыв ветра опрокинул Кипа, оторвав от сестры. Кип кубарем полетел с лестницы, ударяясь руками и ногами, набивая шишки о крепкие деревянные ступеньки. Ему удалось схватиться за перила и удержаться, а потом – кое-как подняться на колени. Во рту чувствовался вкус крови. Кип шарил по полу в поисках Мужества, но не мог его найти. Костыль остался наверху – никаких шансов сейчас вернуть его.

Молли застонала. Ночной гость стоял рядом с ней на коленях, к Кипу спиной. А рядом стояла лейка.

– Оставь её! – закричал Кип, но тот даже не обернулся.

Он достал из-за пазухи тряпку и положил Молли на лоб. Кип понимал, что не в силах помочь сестре, он может лишь отвлечь от неё этого ужасного пришельца. Только надо вооружиться! В темноте он нашёл фонарь, который выронил, когда Молли упала. И изо всех сил запустил этим фонарём в ночного гостя...

Тот просвистел в воздухе и попал в цель. Ослепительная вспышка взорвала темноту. Ночной гость дико зарычал, его одежда моментально схватилась пламенем, и он замолотил по себе руками, чтобы избавиться от огня.

– Я же сказал, оставь её!

Кип выпустил перила и метнулся вниз по лестнице, не столько спускаясь, сколько падая. Тяжело рухнул на пол в прихожей. Он слышал, как следом идёт ночной гость. Под тяжестью его шагов дрожал дом. Схватив костыль, Кип выскочил на улицу через открытую дверь и, оскальзываясь на сырой траве босыми ногами, поковылял через залитую лунным светом лужайку. Он не знал, куда бежит, – знал только, что должен увести от дома и от Молли этого страшного человека.

Конец костыля всё ещё был обмотан тряпкой, поэтому Кип несколько раз чуть не упал. Он слышал, что где-то позади идёт ночной гость – идёт через лужайку, чтобы поймать его. Протяжный вой разнёсся в воздухе и сбил Кипа с ног. Преследователь увидел его. Кип поднялся, закрыл лицо ладонью и бросился к лесу.

Лес пришёл в движение: ветер гнул ветви деревьев, клонил к земле кусты. Кип спотыкался о корни, но по-прежнему прикрывал лицо рукой. Колючие ветки цеплялись за одежду, вырывали волосы. Ночной гость был всё ближе – он следовал по пятам...

Кип бежал так быстро, как только мог: казалось, сердце разорвётся в груди от напряжения. Тогда он рухнул на землю в тщетной попытке отдышаться хоть немного. Всё тело невыносимо болело. Он приподнял голову и понял, что оказался на самом краю владений Виндзоров. Недалеко шумела река. А вокруг раскинулся старинный цветник, чьи прекрасные цветы распускались только ночью. Ветер утих. Воцарился покой.

Кип ощутил внезапный холод, будто на него легла тень. Он обернулся: позади стоял ночной гость. Гость не излучал злобу, не выглядел запыхавшимся от погони. Он просто был частью

окружающего мира – такой же частью, как луна, земля, деревья... Над шляпой и над полами пальто курился лёгкий дымок. Но на лице и руках не осталось следов огня. Пламя лишь задержало его, но не принесло никакого вреда.

Кип не сомневался, что будет дальше. Ночной гость дунет на него пылью из сухих листьев – и Кип уснёт. Как уснули Виндзоры, как уснула Молли. А затем склонится над ним и соберёт в свою лейку его... его что? Пот? Слёзы? Нет, он собирает что-то другое. Он проникает в самую глубь. Он находит самое больное и потаённое. И питает этим дерево.

Расставив руки, ночной гость кинулся на Кипа. Но не успел схватить, потому что его отбросило назад, будто он натолкнулся на невидимую преграду. Пустота глазниц наполнилась яростью, ночной гость зарычал. Он не мог переступить через край цветочной поляны.

Кип заполз в глубь цветника, куда его преследователь почему-то не мог зайти. Лес ожил под мощным порывом ветра – и наступила тишина.

Кип медленно оглянулся, посмотрел на луну. Заставил себя подняться. Под ногами мерцали цветы, деревья молчали, ни единый листок не шевелился. Ночной гость исчез. В темноте, на границе леса и цветочной поляны, Кип заметил какой-то предмет – его оставил ночной гость. Кип, сильно хромая, подошёл к предмету, наклонился и поднял его дрожащими руками. Маленький, сплетённый из корешков и стебельков – подарок.

Утром Молли проснулась в своей комнате. Через окно лился тёплый солнечный свет. Она лежала под одеялом полностью одетая. Воспоминания о ночи были очень спутанными и отрывочными. Она помнила, как вошла в дом следом за ночным гостем, а дальше почти ничего. Молли провела рукой по волосам: крошки сухих листьев. Что с её памятью?

Молли умылась, переоделась и отправилась на кухню готовить завтрак. Кипа надо будет найти сразу же, как выдастся возможность. На кухне её ждал хозяин с маленьким мешочком в руках.

– В-в-вот, сходи на рынок, – сказал он, не глядя ей в глаза. – Больше нет, извини.

Молли взяла у него мешочек с монетами. По весу было ясно, что денег еле-еле хватит на недельный запас провизии.

– Вы обеспечиваете семью, сэр. Извиняться не за что, – твёрдо сказала она.

– Да, ты права, – ответил хозяин со слабым подобием улыбки.

Молли совершенно точно знала, откуда взялись деньги. И её испугала мысль о том, что подарки от дерева вдруг стали столь скудны. С другой стороны, мало денег – лучше, чем когда их нет совсем... Девочка решила отправиться в деревню сразу после завтрака и позвала брата, потому что, во-первых, Кип лучше управлялся с лошадью, а во-вторых, она надеялась, что им удастся спокойно обсудить произошедшее ночью.

Но Кип был очень задумчив и почти не разговаривал, лишь изредка бросал отрывочные фразы. Повозка грохотала по кочкам. Спустя час дети выехали на большую дорогу, проходившую через поселение, которое жители Ямской Пустоши именовали деревней. Деревня состояла из нескольких домов с соломенными крышами и глиняными белёными стенами. Над парой домов поднимался дымок, наполняя воздух приятным ароматом, к которому примешивался запах горячих кушаний, расставленных на длинных столах и повозках по обе стороны дороги.

Казалось, что по такой хорошей погоде люди решили не сидеть на фермах, а податься на рынок – вот почему тот был необычайно многолюден и шумел, как улей. Кип привязал Галилея рядом с другими лошадьми, и Молли, взяв корзинку и мешочек с деньгами, отправилась за покупками.

Оттого, что Молли не высказала хозяину недовольство столь малой суммой, задача её не упростилась. Деревенские знали, что она работает на Виндзоров, которых все считали богачами, поэтому не то что не торговались и не шли на уступки, но ещё и намеренно задирали цены, когда видели, что она идёт к ним. Молли стало ясно, что овощи на суп уже станут везением, а о мясе и думать нечего.

Брат и сестра шли по рядам, проталкиваясь между ручными тачками и их хозяевами. Под ногами то и дело путались безнадзорные домашние животные и детишки. Наконец Молли заметила нескольких девчушек, продающих молоко и вышитые крестиком картинки, и прикрыла глаза, наслаждаясь запахами и звуками. Как же приятно было находиться среди людей, в самой гуще жизни! А вот Кипу, похоже, столпотворение не нравилось. Он ковылял рядом, опустив глаза в землю.

– Говорить порой полезно, – сказала Молли.

Брат кивнул:

– Я понимаю. Просто подбираю слова.

Медленно, неохотно, с паузами Кип поведал, что произошло после того, как Молли упала без чувств. Рассказал, как отвлёк от неё ночного гостя. Как тот гнался за ним через весь Прокислый лес аж до самой поляны с мерцающими цветами. И как испарился, когда почти настиг его.

– И я всё спрашиваю себя: почему же он меня не тронул? – заключил Кип, всматриваясь в толпу. – Он ведь хотел меня схватить, точно тебе говорю. И вот он свои лапы протянул, а что-то его остановило. Понимаешь, застыл на месте, будто дальше ступить не может. – Мальчик вздохнул. – Непонятно.

– Да тут вообще ничего не понятно, – подтвердила Молли, притворяясь, что собирается купить лук, на который у неё всё равно не хватало денег.

По какой-то причине ночной пришелец пощадил Кипа. Это было славно, но после того случая между ней и братом поползла какая-то

трещина... Молли заглянула в бочку с подпорченными овощами: если хорошо поработать ножом, то гниль можно вырезать.

– А что ты сделал, когда он ушёл?

Кип запустил пятерню в мешок с сушёными бобами.

– Вернулся в дом, чтобы помочь тебе. Но когда я вошёл, там и следов не осталось. Будто ни ветра не было, ни сухих листьев – только несколько грязных отпечатков и разбитая ваза. И тебя не было.

Молли посмотрела на брата и только сейчас осознала, как он, должно быть, испугался.

– Я весь дом обыскал, пока тебя нашёл. Ты спокойно спала себе в комнате, под одеялом.

Молли вздрогнула.

– Не так уж и спокойно, – буркнула она.

И перед глазами вновь появилась та самая сцена. Вот мама и папа пытаются выплыть на поверхность... Они кричат, но их почти не слышно сквозь бурю... На губах появился вкус морской воды. А ведь в последнее время только письма помогали ей не так сильно страдать от ночных кошмаров! Поэтому она и перечитывала их без конца.

Кип склонил голову набок:

– Ты никогда не рассказывала мне, о чём твои страшные сны.

Молли обвела рукой людей вокруг:

– Ну не здесь же мне тебе рассказывать!

Кип взял сестру за руку и увёл её от торговых рядов в сторону.

– А если это важно? А если эти сны – ключ к отгадке?

Молли цокнула языком:

– Ну так знай, мне снятся кошмары о горах нестираного белья, о немых полах и нескончаемых горшках, каждый размером с бегемота. – Она улыбнулась. – Вот и найди здесь ключ.

Кип улыбнулся в ответ, и по его улыбке Молли стало ясно: он не поверил. На неё нахлынуло чувство вины. Зачем она ему врёт? Почему не скажет правду?

Она поставила корзину на землю и заговорила:

– Кип, как бы мне хотелось знать, что тебе сказать. Сказать, что в конюшне, в доме нам ничего не угрожает. Но правда в том... Я ничего не знаю. Не знаю, должны ли мы остаться и ждать писем от мамы с папой или должны бежать отсюда со всех ног. И я придумываю нам

жизнь на ходу, как придумываю свои истории, только вот... – она тяжело вздохнула, – я не уверена, каким будет конец.

На какой-то миг исчезла деревня, исчез рынок – они были только вдвоём во всём мире. Молли смотрела в ясные, огромные глаза брата. И ей казалось, что вот сейчас она способна сделать это – рассказать, о чём на самом деле её кошмары, рассказать о письмах и о том, откуда они приходят, рассказать о том, в чём она боялась признаться даже самой себе.

– Есть ещё кое-что, о чём я не сказал тебе, – добавил Кип, поправляя на плече сумку для провизии. – Ночной человек не просто бросил меня в лесу. Он оставил мне подарок.

Кип полез в сумку и достал вещицу, сплетённую из корешков и листьев. Молли пыталась понять, что за предмет перед ней. Тонкий, продолговатый, с петелькой на конце.

– Это ключ! – осенило её.

– От чего?

Молли сглотнула слюну. Лишь бы выражение лица не выдало её страх. Форма и размер ключа были ей отлично знакомы. Точная копия того ключика, который она брала в комнате госпожи Виндзор, чтобы попасть в комнату за зелёной дверью!

– Кип, просто послушай меня: даже если ты найдёшь замок, к которому он подходит, не думай использовать этот ключ!

Брат внимательно посмотрел на неё:

– А ты ведь знаешь, какую дверь он отпирает.

– Я знаю только, что это подарок, который вовсе не подарок, – вот и всё, что она могла сказать. От одной мысли о том, что Кип узнает правду о дереве, Молли стало дурно. – Дай его сюда, – потребовала она и протянула руку.

– Ты врёшь мне! – Кип отпрянул. – Ты знаешь и не говоришь.

Молли вырвала у него ключ и побежала прочь.

– Отдай! – закричал Кип и бросился следом.

Молли выбежала на край дороги и изо всех сил швырнула ключ в кусты.

– Ключ был не твой! – в бешенстве заорал Кип. Он, хромя, подбежал к сестре и пытался отдышаться.

Молли было стыдно. Не за выброшенный ключ, а за то, что она перегнала брата.

– Кип, обещай мне: если этот человек попытается ещё что-нибудь тебе дать, ты избавишься от его подарка. Сожжёшь, выбросишь в реку.

Кип всматривался в кусты, плотно сжав зубы. Молли обняла брата за плечи.

– Обещай же мне!

Сзади раздался скрипучий голос:

– Не требуй обещаний – разочаруешься.

Молли обернулась: рядом с хлебным прилавком стояла Хестер Кеттл. В том же цветастом балахоне, с тюком за спиной чуть ли не в два раза больше, чем раньше. Выражение лица у неё было такое, что Молли стало не по себе.

– Здравствуй, дорогуша. Уж не избегаешь ли ты меня? – поинтересовалась она, указывая на Молли костлявым пальцем.

История в обмен на историю

Молли стояла недалеко от шумного рынка и еле сдерживалась, чтобы не бросить корзину и не убежать. Почему появление Хестер привело её в такой ужас? Она шагнула вперёд и загородила собой Кипа:

– Я не избегаю вас. Просто я занята.

– Занята тем, что избегаешь меня. – Карлица добродушно рассмеялась и подошла ближе. Хёди-гёди свисала с её плеча и при каждом шаге с отвратительным звуком ударялась о ногу. – Ты сколько раз была на рынке? А сколько раз попыталась найти старую Хестер? Неужели ты хочешь меня обидеть?

Молли была совершенно уверена, что таким пустяком Хестер Кеттл не обидишь. И в том, что в столь преклонном возрасте человек ещё способен на чувство обиды, сильно сомневалась. Но вот старуха здесь, и она суёт нос в корзину Молли, будто в свою собственную!

– Погляди-ка, овощей накупила. – Карлица выхватила из корзины стручок гороха и съела его раньше, чем Молли успела возмутиться.

Молли отдёргнула корзину.

– Мы пытаемся, – резко сказала она. – Только, кажется, все против. – И Молли раздражённо обвела глазами торговые ряды.

Вмешался Кип:

– Если у нас богатый хозяин, это ещё не значит, что у нас много денег. А у Молли будут неприятности, если она не привезёт домой полную корзину припасов.

Карлица задумчиво почесала ухо:

– Ну, кто знает, может, старуха Хестер в силах вам помочь.

Молли улыбнулась. Хотелось верить, что улыбка вышла вежливой.

– Если у вас в тюке не припасена толстая пачка денег, вряд ли что-то выйдет.

– Деньги оставь банкирам. Фунты и пенсы – не единственная валюта в мире. А уж для сказителя тем более. Смотри и учись.

Хестер щёлкнула Молли по носу и направилась к булочнику, на прилавке которого лежали огромные буханки хлеба и круглые булочки. Молли уже пыталась купить его товар, но даже вчерашняя выпечка оказалась слишком дорогой.

– Как жизнь, Толливер? – тоном старинной знакомой осведомилась Хестер и, махнув рукой на Кипа и Молли, продолжила: – И сколько ты возьмёшь с этих кутят за свою лучшую ржаную буханку?

Булочник внимательно посмотрел на Молли:

– Я назвал им цену: четыре пенса.

Хестер аж присвистнула:

– Четыре пенса! Бесценный хлеб. Наверное, там золотые слитки вместо соли. А, нет, он, наверное, поёт песенки, когда его жуёшь?

– Обычный хлеб. Обычная цена, – гораздо менее довольным голосом ответил Толливер.

– Тебе виднее. – Хестер перегнулась через прилавок. – А если я тебе скажу, что эти детишки – моя родня, сколько ты с них возьмёшь?

Толливер переступил с ноги на ногу:

– Ну, Хестер. Я не знаю. Два пенса, например...

– Толливер! – Голос Хестер был полон упрёка.

– ...За две буханки! – быстро закончил он. – Ты мне договорить не дала. Два пенса за две буханки, вот что я собирался сказать. Клянусь!

Хестер расплылась в улыбке и кивнула Молли. Та быстро оплатила четыре буханки хлеба и положила их в корзину, пока торговец не передумал. Карлица повернулась к булочнику и, перегнувшись через прилавок, заговорила:

– А теперь, Толли, давай-ка расскажи остальным фермерам и лоботрясам, что этим двоим продавать можно только по цене для Хестер – и ни крошки с них больше не брать. А уж если я услышу, что кто-то пытается ободрать бедных детишек, придётся мне поведать всем и каждому пару-тройку историй о том, как ты подмешиваешь в муку толчёные кошачьи косточки.

Молли не поверила про кошачьи косточки, но, судя по лицу булочника, перепугался он не на шутку.

– Ну зачем ты так, Хестер? Я всё сделаю. – Он повернулся к Молли с Кипом, и теперь в его голосе звучала напускная доброта: – Друзья Хестер – друзья всех обитателей Пустоши. А если вы вдруг решите рассмотреть поближе мой прилавок и там пропадёт пара-

тройка бисквитных печений, я и не замечу! – Булочник снял фартук, вытер руки и направился к мяснику, торговавшему напротив.

Карлица довольно посмотрела ему вслед.

– Слышали? – спросила она, показывая рукой на полку с печеньем, оставшуюся без присмотра. – Лопайте на здоровье.

Кипа не надо было просить дважды. Он прихромал к полке и засунул в рот печенье, прежде чем Молли успела его остановить. Меньше всего ей хотелось быть у карлицы в долгу. Она не стала брать печенье, да и хлеб подумывала вернуть.

– Вы же соврали ему!

– Когда это? – поинтересовалась Хестер, пряча несколько печений в птичью клетку, привязанную к тюку. – Пообещала, что могу рассказать про него историю когда-нибудь. Разве ж это ложь?

– Вы ему сказали, что мы ваши родственники.

– Так и это правда в своём роде! – Она наставила на Молли печенье, будто указательный палец. – Я сказительница и легко узнаю другого сказителя. Так разве мы не члены одной семьи?

– Всё верно, Молли отлично рассказывает сказки, – вмешался с набитым ртом Кип. – Ве-ли-ко-леп-но! Да сколько бы вам ни платили за ваши истории, ей бы давали в два раза больше!

Молли вспыхнула. Зачем Кип говорит о ней как о какой-то особенной? Тем более зачем сравнивает её с этой старой каргой?

– Да ничего во мне особенного. Я просто служанка. А вы просто нищенка.

Хестер покачала головой:

– Дорогуша, не надо путать то, чем ты занимаешься, с тем, что ты есть на самом деле. И в наёмном труде нет ничего постыдного. Сам Эзоп всю жизнь провёл в рабстве. Ни одного вдоха свободного человека, а ведь он целые миры создавал, начиная всего с пары слов: «Давным-давно». И где его могущественные хозяева? Догнивают в могилах, если им достались могилы. А Эзоп? А он жив до сих пор – на кончике языка любого человека, кто хоть раз рассказывал сказку. Вспоминай об этом каждый раз, когда драишь полы. – И Хестер подмигнула ей.

Конечно, Молли слышала об Эзопе, но не знала, что он был рабом. Вряд ли стоит в этом верить Хестер! А если она и говорит про Эзопу правду, то самой-то Молли от этого не легче...

– Спасибо, что помогли нам купить хлеб, мэм, – сказала она и взяла Кипа за локоть. – Нам надо вернуться домой до заката.

– Небо ещё совсем ясное. А у нас с тобой есть дельце. Помнишь, ты обещала рассказать мне историю о некоем доме посреди Прокислового леса? – Карлица скрестила руки на груди, будто хотела показать, что готова бороться за обещанную историю, если это понадобится.

Молли колебалась. Кип наблюдал за сестрой и ждал, что она скажет. Если бы это зависело от него, он бы рассказал карлице всю правду. Но Молли не доверяла Хестер Кеттл. Конечно, та улыбалась, и подмигивала, и называла её «дорогушей», но было в ней что-то настораживающее и тёмное, мелькавшее в глазах. Чего же на самом деле хотела Хестер?

– Боюсь, и рассказывать-то особо нечего, – передёрнула плечами Молли. – Большой старый дом. Много пыли и паутины. Много домашней работы. Ничего особенного.

– Так-таки ничего особенного? – Хестер подошла ближе. – А ну-ка расскажи мне, что это за работа такая, от которой у молоденькой девочки чахнут волосы и напрочь исчезает румянец?

Молли переступила с ноги на ногу. Дома она спрятала волосы под чепец, но, видимо, недостаточно тщательно. Она снова посмотрела на Кипа. Тот кивнул: мол, рассказывай правду.

– Просто я устала, – ответила она, выпрямляясь. – Немного приболела. Вот и всё.

Хестер хмыкнула:

– Да знаю я, чем ты приболела! – Она одарила Молли недобрый взглядом. – Тебе явно что-то известно. А ещё более явно, что ты не хочешь об этом рассказывать. Ладно, я не буду настаивать. Оставь себе свою историю. Видимо, мы с тобой не такая уж и родня.

Она кивнула Кипу:

– А ты, молодой человек, смотри внимательно, какую работу выполняешь, чтобы не отдать ей все силы, как твоя сестра.

Хестер поправила на спине тюк и развернулась, чтобы уйти. Молли наблюдала, как карлица удаляется, позвякивая тюком с барахлом при каждом шаге. С одной стороны, она чувствовала облегчение, с другой – сожаление. Почему она не захотела рассказать ей о доме и дереве? Почему не поведала о ночном госте?

– И ничем она не болеет! – крикнул вслед Кип.

Карлица остановилась.

– Кип! – зашипела на него Молли.

Кип глянул на сестру:

– Ты обещала ей рассказать, Молли. Если ты не хочешь, то я сам.

И он побежал догонять Хестер, которая ждала его с нескрываемым интересом.

– В доме какой-то дух живёт, который по ночам на всех охотится. Из-за него все болеют, бледнеют. Как моя Молли.

Сестра схватила его за руку:

– Замолчи, Кип.

Она хотела оттащить его, закрыть ему рот рукой, чтобы он не рассказывал старухе правду. Но Кип вырвался.

– А ещё там растёт дерево. Громадное, ужасное дерево. И каждую-каждую ночь этот человек его поливает, ухаживает за ним.

– Ты не выдумываешь?

Хестер смотрела на Кипа во все глаза. Молли положила руку брату на плечо, но теперь уже не чтобы остановить. Кип подошёл ещё ближе к Хестер и попросил:

– Вы же знаете здесь всё про всех. Скажите нам, знаете ли вы историю про ночного гостя и дерево?

Хестер Кеттл посмотрела на Кипа и Молли:

– Конечно, знаю.

Легенда о ночном садовнике

Заявив, что рынок не лучшее место для долгих рассказов, Хестер повела Кипа и Молли в таверну на краю деревни. Молли сразу обратила внимание на вывеску: на деревянной доске была вырезана луна, опускающаяся в волны.

– «Луна под водой», – сообщила Хестер, толкая дверь. – Лучшее место для эля и разговора.

Молли зашла. Внутри оказалось темно и тепло. Скучные лучи света, проникавшие сквозь щели в закрытых ставнях, растворялись в густых клубах дыма, витавших над столами и скрывавших потолочные балки. За столами сидели люди – и мужчины, и женщины – и вели негромкие разговоры. Время от времени тишину прерывал взрыв смеха, или звон посуды, или скрип тяжёлого деревянного стула по половицам.

– О, Хестер! Ты пришла спеть нам новую песню? – поинтересовался мужской голос.

– Не сегодня, Вильям.

Молли с Кипом проследовали за карлицей в угол к пустому столику, который будто ждал их.

– Устраивайтесь поудобнее, – сказала Хестер, бережно снимая тюк со спины. А когда села рядом, оказалась одного с ним роста.

Кип раньше никогда не бывал в таверне и резво взобрался на стул в углу, откуда, на взгляд Молли, открывался лучший вид на помещение. Она тоже осталась довольна выбранным местом, потому что в случае угрозы ей будет проще защитить брата. Но пока из угроз появилась только толстая хозяйка с ярко-соломенными волосами и улыбкой во весь рот. Она бухнула на стол три тяжёлые кружки сидра, расплескав пену.

– Будьте как дома, – весело сказала она.

Хестер приложила ладони к груди:

– Дай тебе Бог, Франни. Я обязательно всем расскажу, что в прошлое воскресенье один слепой поел твоих чудесных пирогов и прозрел.

Франни хохотнула:

– А почему нет, Хестер!

Она вытерла руки о передник и вернулась за стойку. Только что заключённая сделка привела Молли в замешательство. Хестер обещала рассказать какую-нибудь гадость про человека или, наоборот, что-то хорошее и получала взамен награду! Но если все знали, что истории карлицы – сплошная выдумка, зачем они соглашались ей платить?

Молли когда-то пробовала сидр и не особо впечатлилась его вкусом. А вот Кип, похоже, оказался ценителем. Молли и глазом моргнуть не успела, как брат ополовинил содержимое кружки.

– А ты не хочешь пить? – лукаво поинтересовалась Хестер.

– Яблоками пахнет, – сообщил Кип, слизывая пену с верхней губы.

Молли понюхала сидр.

– Подгнившими, – добавила она.

Карлица подняла кружку и произнесла тост:

– За разные мнения! Не всегда обязательно соглашаться.

Сидр она отхлебнула с изяществом, присущим истинным леди. Молли отставила кружку.

– Вы обещали нам рассказать.

– Обещала, – произнесла карлица и задумчиво пожевала ворот своей накидки. – Но сначала надо решить, какую историю вам рассказать.

Молли закатила глаза. Карлица умела уходить от ответа.

– Что значит, какую историю? Вы имеете в виду – со счастливым концом или с печальным?

Хестер подалась вперёд. Ей явно нравилось управлять ситуацией.

– Истории бывают разные. Сказки – лёгкие и воздушные. Они подходят, чтобы вызвать улыбку в грустный день. Байки нужны, чтобы покрасоваться. Они больше говорят о рассказчике, чем о самой истории. Ещё есть мифы, придуманные народами. И, наконец, бывают легенды. – Тут Хестер многозначительно подняла бровь. – Легенды не похожи на все другие истории, и никто не знает, откуда они берутся. Легенды не рассказывают, их передают из уст в уста. Снова и снова. И сегодня я приготовила для вас легенду!

Умолкнув, Хестер довольно откинулась на спинку стула. Молли пыталась уловить мысль.

– В легендах всё правда, вы хотите сказать?

Карлица пожала плечами. Снова не дала ответа.

– А кто ж знает? Но, наверное, правды там больше, чем в других историях. Только помни: легенды стоят дорого.

Молли вздохнула:

– Вы же знаете, денег у нас нет.

Хестер отмахнулась:

– Зачем мне твои деньги? Расплатишься с Хестер так, как все другие. – И она кивнула на тюк, возвышавшийся рядом.

Молли посмотрела на всякий хлам, собранный Хестер, и впервые поняла, что каждая вещица, каждая безделушка несёт с собой определённую историю. Интересно, о чём могут рассказать детские башмачки или вот тот черепаховый гребень? Или огромные овечьи ножницы?

– Если вам не надо денег, что вы возьмёте с нас?

Карлица скользнула глазами по прислонённому к стене костылю Кипа.

– Всегда думала, где бы мне найти хорошую палку для ходьбы...

Молли положила руку брату на ногу:

– Эту вещь мы не можем отдать.

Старуха рассмеялась:

– А я про неё и не думала. Поглядим-ка...

Она провела скрюченными пальцами по столу, затем задумчиво почесала лицо.

– Сколько смотрю, замечаю, что твой брат всё время держит руку в кармане.

Молли глянула на Кипа: действительно, рука его была в кармане, да ещё и зажата в кулак, будто он держал что-то. Кип неловко заёрзал на стуле.

– Замёрз просто...

Карлица улыбнулась:

– Ну, замёрз не замёрз, а давай договоримся: отдаёшь, что ты там прячешь, – и мы в расчёте.

Кипу сделка явно не понравилась. Молли шепнула ему на ухо:

– У нас нет выбора.

Если честно, она была рада, что Хестер заинтересовало содержимое карманов Кипа, а не её собственное, ведь она хранила там

письма от мамы с папой. Кип закусил губу:

– Ладно.

Он вытащил руку из кармана и положил на стол маленький предмет:

– Это пуговица желаний. Мне её Молли подарила.

– Ничего себе! – Хестер аж присвистнула. – Два кутёнка решили разузнать у меня про дерево и ночного гостя, а взамен предлагают пуговицу, исполняющую желания. Я буду бережно её хранить.

Она взяла пуговицу двумя пальцами, будто драгоценный камень, и, порывшись в тюке, извлекла шнурок, который, казалось, лежал там именно на этот случай. Прodeв шнурок в пуговицу и завязав, Хестер повесила её на шею.

Молли сжала брату руку. Она прекрасно понимала, что пуговица многое для него значила, хоть и была выдумкой.

– Мы заплатили вашу цену. Теперь рассказывайте нам историю.

– Легенду, – поправил её Кип.

– И правда, – согласилась Хестер Кеттл. – Назовём её «Легенда о Ночном садовнике».

«Ночной садовник» – от одних этих слов Молли вздрогнула и покрылась мурашками. Только что Хестер дала имя ночному гостю, появлявшемуся из тумана! Молли покосилась на брата, который во все глаза смотрел на карлицу. А та достала трубку из кушака и набила табаком, раскурила, медленно выпустила дым... Струйка вылетела и растворилась облачком под потолком.

– Как и все легенды, эта очень древняя. Она берёт начало в тех временах, о которых никто и не помнит. Тогда ещё не было святых и не было письма. Возможно, это самая первая история нашего мира... Только вообразите себе... – Хестер замолчала и многозначительно подняла бровь.

Молли прекрасно понимала, чем сейчас занимается карлица: она создаёт настроение. Молли и сама так делала, когда хотела, чтобы люди её внимательно слушали. Молли закрыла глаза и попыталась представить мир, в котором ещё нет кораблей, нет королей, нет войн. Чистый, нетронутый мир.

Хестер Кеттл прочистила горло и вновь заговорила. Теперь голос её звучал как песня.

– Давным-давно жил один мудрец, и был у него сад. Он немного умел колдовать, поэтому в его саду росли такие растения, которые никто не встречал ни до, ни после. Люди называли его Ночным садовником, а всё потому, что сад его распускался только под светом полной луны.

Молли с Кипом переглянулись. Откуда старуха могла узнать про цветы в лесу? Уж не дразнит ли она их?

– И эти цветы – они светились белым? – осторожно спросил Кип.

– О таком не слышала. Но почему нет? Светились цветы или не светились, садовник обожал свой сад, заботился о нём, ведь выращивал он его много лет. Он пел цветам песни, обрывал увядшие листочки и разговаривал с растениями, как с детьми, да они и были его детьми в определённом роде. – Хестер подалась вперёд. – И вот однажды у него появилось новое дитя. Деревце. Оно отличалось от всех других растений, ведь оно было по-настоящему живым.

Молли услышала, как Кип ахнул.

– И корни у него двигались сами по себе? – уточнил он.

Хестер затаилась и выпустила клуб дыма:

– И снова не знаю, что тебе ответить. Самым интересным в дереве оказались его плоды.

– А какие оно давало плоды? – не сдержалась Молли.

– Самые разные. Дерево давало человеку всё, что он пожелает. – Хестер покачала головой так, будто сама с трудом верила в свои слова. – Вот только представьте!

Молли чуть дышала. У неё в кармане лежали письма...

– Но ведь оно давало самые настоящие вещи?

– Такие же настоящие, как мы с тобой. Со всей округи к дереву стекались люди и загадывали самые заветные желания. Бедняки просили богатство. Уродцы искали любви. Больные молили об исцелении.

Кип заёрзал на стуле.

– А в обмен дерево брало совсем немного – капельку души...

– Капельку души! – повторил Кип, щёлкнув пальцами.

– Маленькую капельку. Ведь иногда люди готовы заплатить больше за меньшее. – Хестер снова затаилась. – А каждый вечер, когда просящие получали, что хотели, и расходились по домам, Ночной садовник сам загадывал желание: «У меня есть всё, что нужно

человеку. Звёзды над головой, земля под ногами, мои детки под боком. И я прошу только одного: пусть так будет всегда. И как цветок возрождается в семени, пусть и я никогда не умру». И всякий раз, когда он произносил эти слова, дерево отвечало ему: «Расти меня сильным и могучим, и получишь взамен всё, что просишь».

– Погодите. – Молли сморщилась. – Дерево разговаривало?

Хестер обиженно глянула на неё:

– Это же легенда. Не воспринимай всё буквально! Дерево говорило с ним – это мне известно. – Она снова раскурила погасшую трубку и продолжила: – Итак, Ночной садовник дни напролёт заботился о дереве, а дерево заботилось о людях. И каждый вечер, когда солнце садилось, Садовник загадывал своё желание, а дерево повторяло всё тот же ответ: «Расти меня сильным и могучим, и получишь взамен всё, что просишь».

Шли годы. Дерево становилось всё выше и сильнее. Другие растения в саду вяли и чахли, но Садовник не слишком переживал. Он заботился только о своём любимом дереве.

И вот однажды, когда Садовник стал совсем старым, он в последний раз нашёл в себе силы прийти к дереву. Он упал перед ним, ослабевший и немощный, и сказал: «Я потерял всё, что имел. Мой сад опустел. Моё тело искорёжено. Я отдал жизнь, чтобы вырастить тебя. За долгие годы я ни разу не вкусил твоих плодов. И сейчас, вложив все силы в последний вздох, я спрашиваю: исполнишь ли ты моё желание?»

Огромное дерево, ветвями попиравшее небосвод, заговорило, но в этот раз ответ его был иным: «Я сильное и могучее и отдам тебе всё, что ты найдёшь у меня внутри». Произнеся эти слова, дерево расставило огромные ветви, склонило свой необъятный ствол, открыло безразмерный рот и... – Хестер всплеснула руками, – ...и проглотило Садовника целиком.

На этих словах она довольно, с чувством выполненного долга откинулась на спинку стула:

– Вот такая легенда о Ночном садовнике.

Какое-то время Молли не могла вымолвить ни слова.

– Это же не конец? Что с ним было дальше?

– Полагаю, он умер. Или не умер. Легенда об этом умалчивает. – Карлица пожала плечами.

Молли разозлилась. Да её же провели!

– Любая история должна иметь конец. Обязательно!

– Истории никому ничего не должны. Они просто должны быть, – сказала карлица, вновь наклоняясь вперёд. – Но ты представь, что каждое слово – правда? А? – Она переводила взгляд с Кипа на Молли. – Только представь, на что окажется способна девчонка, которой достанется хотя бы маленький отросточек с такого дерева. Да она же станет повелительницей мира! – Хестер облизала губы.

– Или будет проглочена целиком, – усмехнулся Кип.

Хестер постучала костяшками пальцев по столу.

– Ох ты и острый на язык.

Она хохотнула и стала оглядывать таверну. Сквозь закрытые ставни проникал красноватый свет, и Молли поняла, что солнце почти село.

– Я бы рада остаться поболтать, но тогда вам придётся возвращаться по темноте. А нам нельзя этого допускать.

Кип вызвался подогнуть повозку и предложил Молли остаться с Хестер, чтобы помочь той с тюком. Молли помогла карлице собрать пожитки, и таверну они покинули вдвоём. Молли старалась дышать как можно глубже, наслаждаясь свежим вечерним воздухом.

– Извини, если не угодила тебе с рассказом. – Хестер поправила тюк и хихикнула. – Наверное, можешь придумать концовку, которая придётся тебе по вкусу.

– Похоже на обман, – сказала Молли. Она не могла оторвать глаз от пуговицы, висевшей у карлицы на шее.

Хестер прикоснулась к пуговице:

– Желания – забавная вещь. Руками ты их не потрогаешь, тем не менее они могут разрушить целый мир. Думаю, если б кто и знал, как добиться исполнения желаний, держал бы своё знание в секрете. – И снова в глазах Хестер зажёгся алчный огонёк, что и раньше...

Молли отошла от неё. Скорее бы вернулся Кип с повозкой.

– А что толку об этом говорить? Всё это выдумки, – сказала она вслух.

Хестер засмеялась:

– Сама просила историю, а теперь называешь её выдумкой. А ну-ка скажи, в чём, по-твоему, разница?

Как бы Молли ни нервничала, а вопрос её взволновал. Она ведь задавала его себе сотни раз. Отличить ложь от правды было так же легко, как отличить холод от тепла. Если Молли начинала врать, в горле у неё появлялась иголка, и слова переставали выходить. Но она так давно не чувствовала эту иголку...

– Ложь причиняет людям боль, а история помогает им, – наконец ответила она.

– Ну что ж, справедливо. Только скажи, помогает в чём? – Она подняла указательный палец кверху. – Вот в чём вопрос... – Старуха сняла свой инструмент с плеча, присела в поклоне. – С ним я тебя и оставлю, – сказала она, заиграла и пошла.

Мелодия показалась Молли знакомой, но она никак не могла вспомнить откуда. Внезапно Молли охватил озноб. Она сунула руки в карманы. Пальцы коснулись писем от мамы с папой. «От мамы с папой или от дерева?» – спросила она саму себя.

Когда Кип подъехал к таверне, сестра заметно нервничала. Забираясь в повозку, пробормотала:

– Ты чего так долго?

– Пока развернулся... – ответил он, отряхивая с коленей грязь. Говорить, почему он задержался, было нельзя. Пока нельзя.

В Прокислый лес они возвращались в тишине. Кип держал вожжи и вглядывался в дорогу. А Молли сидела рядом и всматривалась в тени. Наконец после долгого молчания она спросила:

– Кип, а что ты думаешь об историях?

По тону было ясно: сестра ждёт серьёзного ответа. Он пожал плечами:

– Твои истории мне нравятся. Гораздо больше, чем истории Хестер.

Молли посмотрела ему в глаза:

– Так ты не веришь в её рассказ? Про Ночного садовника?

– А как в него верить? – Кип потёр затылок. – Вот что я думаю: если б это дерево у Виндзоров было такое же, как в легенде, то давало бы волшебные плоды. Но что-то я не припомню, чтобы в последнее время у нас исполнялись желания. – Кип ухмыльнулся. – Или ты мне не рассказываешь.

Молли отвела взгляд:

– Ну что ты!

Кип хотел пошутить, но Молли даже не улыбнулась. Он смотрел на её лицо в закатных лучах солнца. Кулак в кармане сжался сам по себе.

Домой они вернулись в полной темноте. Молли, сильно опоздавшая с приготовлением ужина, сразу понесла припасы на кухню. Кип отвёл Галилея на конюшню, накормил, расчесал, выжидая благоприятный момент и поглядывая на дом. На втором этаже, прямо за стволом, виднелось окошко, которое он раньше не замечал. Вот в нём появился свет – видимо, кто-то проскользнул в комнату из

коридора наверху. Кип ожидал увидеть рыжую голову, но вспомнил, что волосы Молли давно стали другого цвета.

Прошло не меньше часа, когда Кип решился приблизиться к входной двери. Он хотел быть уверен, что ни сестра, ни члены семьи его не заметят. Встал на первую ступеньку, остановился. Посмотрел на сжатый кулак, разжал его. Там лежало сокровище, с которым он не расставался с самого рынка. В руке у него был ключ ночного гостя. Вот потому мальчик и задержался с повозкой. Он снова сжал в пальцах сокровище из переплетённых корешков. Молли запретила ему пользоваться ключом. И если узнает, что он отыскал его, придёт в бешенство. Но легенда Хестер о Ночном садовнике его убедила: нужно узнать правду.

Кип набрал в грудь побольше воздуха и открыл входную дверь. В доме было тепло, гораздо теплее, чем на конюшне. И пахло здесь лучше. Кип прокрался в прихожую, стараясь ступать бесшумно. Зря он не догадался привязать подушечку к костылю! Звуки доносились из дальнего крыла дома: вилки и ножи звякали о тарелки – семья ужинала. Кип закрыл глаза, пытаясь отогнать аромат мясных пирогов, плотно затворил за собой дверь и пошёл наверх.

Впервые заметив зелёную дверь, Кип спросил сестру, что за ней. Молли ответила – «кладовка». Может, просто повторила слова Виндзоров? Но Кип тоже кое-что понимал. Кладовки никто не держит под замком.

Сердце вырывалось из груди, когда Кип добрался до последней ступеньки. Опершись на костыль, он доковылял до зелёной двери. Поднял кверху ключ, крепко зажав его потными пальцами. На рынке Молли увидела у него ключ и не на шутку испугалась. Какие ужасы ждали его за дверью? В последний раз оглянувшись, Кип вставил ключ в замок. Подошёл идеально.

Повернул ключ. Внутри сдвинулся засов. Такое усилие оказалось непомерным для ключика, сплетённого из корешков, и он рассыпался в пыль в руках у Кипа. Но какая разница, если подарок оказался настоящим?

Кип толкнул дверь и вошёл в комнату.

Молли осторожно вкатила тележку с чаем во двор. Чашки с блюдцами позвякивали на кочках.

– Ваш чай, мэм!

Констанция Виндзор наслаждалась садом. Она считала его своим, потому что ей принадлежала земля, на которой всё произрастало. Но на самом деле сад принадлежал Кипу. Ведь именно он всю весну полон сорняки, рыхлил и удобрял землю, высаживал рассаду... Наконец запустение и разруха сменились цветением и изобилием. Извилистую каменную дорожку (камни помогла перетаскать с реки Молли) обрамляли разнообразные цветы. Над дорожкой висели корзины с бегониями и плющом – Кип сплёл их из лозы. Пни покрылись изумрудным мхом, а в центре даже был устроен красивый прудик. Сад, хоть его и нельзя было назвать настоящим английским, всё же превратился в сад.

Молли бросила взгляд через лужайку: брат колол дрова. Обычно он брался за эту работу, когда ему хотелось подумать. После поездки на рынок Кип сильно отдалился от неё. Молли постаралась отогнать дурные мысли: она меньше всего хотела сейчас вникать, что же так тяготит Кипа.

Молли подкатила тележку к Констанции Виндзор. Та сидела на ковчаной кушетке. Утро было жаркое, но она завернулась в два одеяла.

– Скажи брату, пусть почистит пруд, – велела госпожа Виндзор, вертя на пальце кольцо.

– Хорошо, мэм, – ответила Молли, наливая чай.

– И плющ на изгороди слишком разросся.

– Хорошо, мэм, – повторила Молли, добавила в чашку два кусочка сахара и стала размешивать его до тех пор, пока не растворились последние крупинки.

Она подала чашку хозяйке – та взяла её бледными пальцами. Чашка с блюдцем жутко дребезжали, когда Констанция подносила чай ко рту. Молли пыталась не смотреть, но не могла отвести взгляд. В лучах солнечного света хозяйка казалась почти прозрачной. На шее

выделялись тонкие синеватые вены. Когда-то блестящие волосы стали блеклыми и тонкими и теперь больше напоминали спутанную паутину. Губы почернели, как и глаза. Раньше Молли никогда не видела мертвецов, но теперь понимала, что перед ней сама смерть. Видимо, Констанция Виндзор прочитала жалость на лице Молли, потому что резко выпрямилась, оставила чашку с блюдцем.

– У тебя есть вопросы?

– Нет, мэм, – поспешно ответила Молли и взялась за тележку. – Я просто задумалась.

Констанция схватила Молли за руку ледяными пальцами.

– И о чём ты задумалась?

Молли не поняла, то ли это был искренний интерес, то ли вызов. Кольцо на высохшем пальце приковало её взгляд.

– Вспомнила, что, когда мы с Кипом появились в этом доме, вы сказали, что у вашей семьи «есть веские причины бояться болезней» – слово в слово.

Констанция выпустила Молли.

– Удивительная память!

Молли вздрогнула. Набрала в грудь воздуха:

– Если в этом доме вы болеете, то почему не уедете отсюда?

Констанция искривила рот в странной ухмылке:

– Я бы задала тебе тот же вопрос, но ответ мне и так известен. У тебя в кармане лежат письма...

– Вы знаете про письма?

Констанция отмахнулась:

– Ну, что там в них, я не знаю, не беспокойся. Я видела, как ты запоем их читаешь, когда думаешь, что никто тебя не видит. Но в этом доме никто и никогда на самом деле не остаётся в одиночестве! – Она посмотрела на крону, распростёртую над крышей. – Я не уезжаю отсюда по той же причине, что и ты. И уеду не раньше, чем ты сожжёшь свои письма...

Молли прикрыла карман с конвертами ладонью:

– Ни за что!

Констанция улыбнулась:

– Вот именно. Если нас лишит деревья, лишит его даров, больше у нас ничего не останется в этом мире. – Констанция откинулась на спинку и на этот раз взяла чай обеими руками, чтобы чашка не звенела

о блюде. Отпила глоток. – По-моему, лёгкая лихорадка – недорогая плата за такую щедрость. Ты не согласна?

– Согласна, мэм.

На этом разговор был окончен. Молли присела в поклоне и вернулась в дом. Она закрыла за собой дверь в кухню и села. Внутри узлом собрался ужас. Она сунула руку в карман и вытащила письма, полученные от дерева. На всех конвертах были разводы от морской воды. Всё тот же мелкий почерк. Почерк её матери. До боли знакомый почерк. А если всё-таки письма писала не мама? Если слова в письмах были выведены не родителями, а волшебной силой дерева? Силой дерева, которое питается людьми и поэтому держит их рядом?!

Молли достала письмо из конверта. Оно заканчивалось, как и все другие: родители обещали скоро вернуться и давали указание: «Никуда не уезжайте». Молли прочитала эти слова вслух, но в этот раз они не отозвались маминым голосом в голове. Вместо него она услышала далёкий, гулкий голос, больше похожий на завывание ветра.

Сама не понимая, что делает, Молли подошла к печке. Нагнулась, открыла чугунную дверку. Лицо обдало горячей волной. Угли ещё были красными. Молли пробежалась пальцами по стопке конвертов. Дрожащими губами она произнесла:

– Прощайте, – и бросила конверты в печь.

С полными слёз глазами она смотрела, как пламя охватывает уголки конвертов, уничтожает бумагу...

– Нет! – выкрикнула она и выхватила конверты из огня, обжигая руки.

Сбила пламя о фартук. С одной стороны конверты успели обгореть, но сами письма почти не пострадали. Она успела спасти их. Зажмурившись, Молли прижала пачку к груди.

– Простите, простите меня... – всхлипнула она, сама не понимая, с кем разговаривает.

С улицы донёсся грохот. Быстро засунув письма в карман, Молли вскочила и бросилась к дверям.

– Это вы, мэм? – спросила она, открывая дверь.

Ответа не последовало. Молли кинулась в сад.

– Мэм? Где вы, мэм?

На земле валялись осколки. Тележка была перевёрнута. А сама миссис Виндзор без движения лежала на земле. Молли обхватила

хозяйку за плечи, затрясла:

– Что с вами, мэм? Что случилось?

Тело Констанции было совершенно ледяным, глаза у неё закатились. Чёрные губы приоткрылись, но уловить дыхание Молли не могла.

– Кип! Мистер Виндзор! – закричала Молли. – Помогите! Помогите кто-нибудь!

Ящерицы и пиявки

Молли зашла в спальню хозяйки.

– Вот, доктор, я принесла ещё воды.

В руках она держала что-то вроде бурдюка для вина, сделанного из каучука. В ёмкости был кипяток, обжигавший руки.

– Положи ей в ноги, – велел доктор.

Констанция Виндзор лежала в кровати, мечась по подушке и бормоча что-то невнятное. Молли приблизилась к ней и откинула десяток одеял, которыми укрыли хозяйку, чтобы согреть. Прикасаться к её ногам, худым, влажным, ледяным, было неприятно. Молли сунула грелку под ноги Констанции, укрыла их и подоткнула одеяла под перину.

– Конни, моя милая Конни... – причитал Бертран Виндзор, стоя у дальней стены и заламывая руки.

Взлохмаченные волосы, седая щетина – с тех пор как его жена упала в саду, прошло двое суток. И все двое суток он не отходил от её постели.

Доктор Крюк измерял голову пациентки чем-то вроде огромного пинцета.

– Кажется, всё в пределах нормы... – бормотал он себе под нос, сверяясь с табличкой, лежавшей на прикроватном столике.

Золотое пенсне сползло на самый кончик носа, поэтому, чтобы увидеть человека, ему приходилось наклонять голову целиком. Но на Молли он всё равно не смотрел. Доктор открыл кожаный саквояж, достал медную трубку, узкий конец которой вставил себе в ухо, а широкий приложил к грудной клетке Констанции Виндзор. Несколько секунд послушал. Хмыкнул.

– Интересно... очень интересно...

Бертран отошёл от стены.

– Ч-ч-что это значит, доктор? – спросил он.

Крюк достал из жилета записную книжечку, сверился с часами и произвёл какую-то запись. При этом вслух прокомментировал:

– Сердцебиение и движение глазных яблок позволяют мне считать, что ваша жена не спит. Она находится в так называемом эфирном состоянии – состоянии между сном и бодрствованием. Назовём это пролонгированным сомнамбулизмом.

Лицо доктора сделалось довольным.

– Да, именно так! Очень подходящий термин. – И доктор быстро сделал ещё одну запись в блокнотике, радостно посмеиваясь. – Крюк, старина, да академики, когда это услышат...

– И конечно, есть лекарство... – добавил Бертран тоном, подразумевающим вопрос.

Доктор Крюк захлопнул блокнотик:

– Постельный режим. И не только для неё. Таинственная лихорадка, которую я диагностировал у членов вашей семьи, заметно усугубилась. И боюсь, что остальные тоже слягут, – это всего лишь вопрос времени.

Молли откашлялась:

– А вы не хотите попробовать пиявок, сэр?

В деревне на родине Молли лекари прибегали именно к этому средству. Ведь считалось, что пиявки вытягивают яд из крови.

– Пиявок? – Доктор ехидно хмыкнул. – Разве похоже, что у этой леди остались в организме лишние соки? Может, ты ещё предложишь мне прописать ей белладонну или выкупать в ртутной ванне? Девочка моя, мы на самом пике века модерна, и на смену древности пришли самые современные лекарства!

Доктор запустил пухлую руку в саквояж и, порывшись, извлёк бутылочку:

– Вот, например, травяная настойка. Удивительное средство! Каждое утро я добавляю в чай всего несколько капель – и весь день не нервничаю.

У Молли от стыда вспыхнули щёки. Доктор выставил её полной дурой.

– Посмотрю, как там ужин, – буркнула она и, опустив голову, вышла из комнаты.

Алистер и Пенни ждали за дверью.

– Маме лучше? – спросила Пенни, вытягивая шею, чтобы заглянуть в комнату.

– Нет, конечно, – забитым мятными конфетами ртом промямлил Алистер. – Потому папа и вызвал доктора, дурья твоя башка.

– А ну-ка, замолчите оба! – Молли потрепала Пенни по голове. – Мама поправится. Доктор Крюк лучший во всей Англии, а может, и во всём мире. Я слышала, когда Наполеону отрубили саблей голову, хороший доктор сумел её пришить.

– Наполеона отравили, – поправил её Алистер. – И это случилось тридцать лет назад.

Молли посмотрела на пакет с конфетами, зажатый в его пухлой руке.

– Тебе не много? – спросила она.

Алистер уставился на Молли, не переставая чавкать, как жвачное животное.

– А ты права, – ответил он и выплюнул липкий мятный комок. Тот со смачным шлепком плюхнулся на пол. Алистер расплылся в улыбке. – Прибери-ка, а то кто-нибудь поскользнётся.

Прежде чем Молли успела ответить, у неё за спиной хлопнула дверь, и из комнаты выскочил Виндзор. Со сжатыми кулаками он пролетел мимо на такой скорости, что детям и Молли пришлось отскочить, чтобы их не сбили с ног.

– Куда это он понёсся? – поинтересовался Алистер, вытирая с подбородка нитку липкой слюны.

Вместо ответа Молли отвела детей по комнатам и наказала им умыться перед ужином. Справившись с этой задачей, она вышла в главный холл. Ей было прекрасно известно, куда направился хозяин, ведь в руке у него был ключ.

Молли заглянула в комнату за зелёной дверью. Бертран Виндзор стоял лицом к дереву. Из дупла на него сыпались соверены, шиллинги и пенсы. Он засунул руку в дупло и лихорадочно шарил там.

– Хватит! Хватит! Не надо больше денег! – Он ударил кулаком по стволу. – Я хочу свободы!

Бертран Виндзор рухнул на пол, закрыв лицо руками, повторяя сквозь стоны и рыдания: «Я хочу свободы!» Молли не в силах была отвести взгляд. Ей приходилось видеть, как плачут мужчины, но свидетелем такого она стала впервые. Бертран Виндзор рыдал, как заблудившийся в тёмном лесу ребёнок. Возможно, именно им он и был.

Молли тихонько вошла в комнату и позвала:

– Мистер Виндзор...

– Молли!

Бертран вскочил на ноги, вытер глаза, пытаясь заслонить от Молли душло.

– Я... я п-п-просто сам с собой обсуждал дела...

– Всё в порядке, сэр. Я знаю про дерево, – прервала его Молли, чтобы он не унижался.

Если в момент появления Молли хозяин выглядел встревоженным, то теперь он поник, будто потерпел поражение.

– Т-т-так я и думал, что это только вопрос времени. Никогда не умел хранить секреты, – сказал он, хмыкнув.

Молли прекрасно понимала, что ей следует уйти и притвориться, что она не видела хозяина в подобном состоянии. Но она также прекрасно понимала, что давно не является обычной служанкой. Она перестала быть девочкой, помогающей по хозяйству, разделив с Виндзорами их историю. Поэтому Молли достала из кармана носовой платок и протянула хозяину.

– Думаю, вам пригодится, сэр.

– Б-б-благодарю тебя, – сказал он, сморкаясь. Потом провёл рукой по небритому подбородку. – Ну и вид у меня, наверное.

Молли откинула с лица чёрные волосы и выдавила подобие улыбки:

– У всех у нас. Вы делаете для жены всё возможное. Бертран кивнул, не подымая глаз. Он ещё раз сложил платок и вытер глаза. Затем ещё раз, будто собирался складывать кусочек ткани, пока тот не превратится в ничто. Молли показалось, что он вообще забыл про её присутствие.

– В-в-всё должно было быть иначе, – наконец произнёс он. – Я хотел стать другим для Констанции, доказать ей...

Молли подошла ещё на шаг ближе:

– Миссис Виндзор рассказывала, сколько вы сделали для её комфорта.

– Так вот как она это назвала? – На лице Бертрана отразилась горечь. – Конни всегда говорила, что комфорт ей не важен. А я знал, что важен. Она заслуживала больше, чем мог ей предложить рядовой

клерк. Я готов был пуститься в спекуляции, если бы не сумел честно заработать денег.

Молли знала, что словом «спекуляции» обозначают азартные игры с воображаемыми деньгами. Тот, кто соглашался на эту игру, мог вообще не иметь денег. Она посмотрела на человека, который сейчас стоял перед ней совершенно убитый. Сколько раз она мысленно вставала на его защиту, считая жертвой жестокой и эгоистичной жены! А сейчас, когда Констанция лежала без сил у себя в спальне, она вдруг поняла, кто здесь настоящая жертва.

– Вы, наверное, поступили неправильно, но вами двигали благие цели, – произнесла она, пытаясь не высказывать осуждение.

– Но я не пошёл на это... В том-то всё и дело. Ситуация на рынках изменилась, инвестиции ушли. Мне приходилось влезать во всё новые и новые долги, чтобы расплачиваться с кредиторами. Банки арестовали мои счета, изъяли дом, забрали всё!

– И вы приехали сюда? В поместье, где выросли?

– Сначала я хотел продать эти земли. А затем вернулся в дом. И увидел дверь. И вспомнил всё. Как отцовское стремление к наукам привело нас сюда, как он выстроил дом вокруг дерева, чтобы сохранить секрет дерева втайне, как однажды ночью и он, и мама... – Бертран потряс головой, будто пытаясь избавиться от страшного воспоминания.

– Что с ними случилось? – осторожно поинтересовалась Молли.

Бертран улыбнулся, будто не слышал её.

– Когда я открыл дверь, я не просто вспомнил. Я нашёл там ещё кое-что. – Он подбросил в воздух монетку. – Исполнение своего желания!

Бертран зажал монету в кулаке. Лицо омрачила тоска.

– Я думал, в этом наше спасение. И ты должна понимать: больше нам податься некуда.

Молли понимала. Она хорошо помнила, как они с Кипом остались вдвоём на улице. И она готова была на что угодно, лишь бы забрать его с улицы, – даже отвести в дом, против которого восставало всё её естество. Молли обняла себя за плечи, чтобы унять внезапный озноб. Как же хорошо дереву было известно, что нужно мистеру Виндзору. И что нужно ей, Молли! Оба они пришли к дереву в порыве отчаяния. Но не променяли ли они одну беду на другую?

– Что бы я ни делал, всё становится только хуже. Долги, займы... Точно огромная змея обвила меня и сжимает, сжимает свои кольца... – произнёс Виндзор будто сам себе.

Молли взглянула на ветку, торчавшую из стены и действительно напоминавшую змею.

– А у нас в Ирландии змеи не водятся, – сказала девочка, собираясь с мыслями. – Их всех изничтожил много лет назад добрый святой.

Бертран смущённо кивнул:

– Да, я слышал эту историю.

– А вот ящериц у нас полно. – Молли выглянула в окно, вспоминая. – Ящерицы, конечно, не змеи, но тоже кусаются. А уж в саду сколько от них вреда! Но есть одно давнее средство, чтобы от них избавиться. Надо дождаться времени, как только солнце сядет и станет прохладно, но ящерицы ещё не успели спрятаться в норки. И тогда берёшь раскалённый камень из печи и кладёшь посередине сада. Ящерицы ненавидят холод, поэтому сразу устремляются к камню погреться и залезают на него спать. И вот утром просыпаешься, приходишь в сад, а ящерицы всё ещё сидят на камне, изжарившиеся заживо...

Молли отвернулась от окна и посмотрела на хозяина:

– Камень спасает их от холодной смерти, но убивает по-другому.

Из холла донёсся слабый стон. Молли подошла к мистеру Виндзору и положила руку ему на плечо:

– Сэр, вашей жене на самом деле не нужны драгоценности или деньги, даже лекарства не нужны. – Она кивнула в сторону двери. – Ей, как ящерице из моего рассказа, нужно выбраться с холода.

Молли пристально посмотрела на хозяина в надежде, что он сумеет осознать её слова.

– Ты права. Права, – произнёс он.

Но Молли сильно сомневалась, что он её понял. Бертран Виндзор нагнулся и набил карманы собранными с пола монетками.

– Н-н-на доктора, – извиняющимся тоном пояснил он и, не подымая головы, вышел из комнаты.

Молли захлестнули эмоции. Смешались сожаление и стыд. Но испытывала она их не по отношению к Берtrandу Виндзору, а по отношению к самой себе.

Тишину нарушил всплеск воды. Запахло морем. Обернувшись, Молли увидела, что в дупле что-то появилось. Его наполнила тёмная вода, на поверхности которой плавал конверт с её именем. Молли подошла ближе. Мамин почерк, мамин любимый почерк. Письмо раскачивалось на волнах, ждало её...

Оживлённый спор

Настроение за ужином у всех было мрачное. Даже Алистер, который обычно веселился, задирая Пенни, молчал. Но стоило Молли войти в столовую вместе с Кипом, как он открыл рот:

– А этот что тут делает?

– С-с-с этих пор, Алистер, с-с-с тех пор, как в этом доме воцарился хаос, я не могу требовать, чтобы Молли сначала отдельно кормила нас, а потом брата. Сегодня он будет есть с нами, – сказал Бертран Виндзор и улыбнулся Молли. – Не будем церемонничать.

Молли усадила Кипа на пустой стул рядом с Пенни.

– Вы очень добры, сэр, – сказала она и легонько пнула брата.

– Очень добры, – повторил он, не в силах отвести взгляд от блюда с дымящейся бараниной, которую им удалось купить стараниями Хестер.

– Вот именно! – громко и бодро поддержал доктор Крюк, засовывая за воротничок салфетку. Настроение членов семьи на него не распространялось. – Всегда говорил, что единственная разница между англичанином и самым диким иностранцем состоит лишь в месте рождения... И в размере мозга, конечно же.

– Не обращай внимания на Алистера, – шепнула Пенни, придвигаясь на стуле ближе к Кипу. – У него живот крутит от конфет.

Молли поставила костыль Кипа у стены и принялась подавать ужин. Поскольку сейчас переезд оказался бы миссис Виндзор не по силам, было решено, что доктор Крюк останется на несколько дней в доме, чтобы наблюдать за её состоянием. А значит, у Молли прибавилось работы – угождать гостю и быть сиделкой для хозяйки. Так что выкроить время на приготовление банального жареного мяса уже само по себе было подвигом.

Каждому за столом Молли подала кусок баранины. Кип сидел совершенно бледный – наверное, ему стало не по себе из-за того, что он вдруг оказался в доме, поэтому она положила ему кусочек побольше и пожирнее. Мистер Виндзор, который за столом всегда отличался красноречием, сегодня был мрачнее тучи. Но зато не

умолкал доктор Крюк, продолжая почти непрерывный монолог о преимуществах своей профессии.

– Больше всего меня волнует, – говорил он, уминая уже третью порцию, – что огромное количество моих коллег до сих пор пребывают во власти нелепых суеверий.

Доктор явно принадлежал к людям, чьё желание поговорить не останавливал даже набитый рот.

– Только вообразите, недавно академия объявила о проведении симпозиума, посвящённого спиритизму! – Он залпом опустошил бокал вина, и Молли поспешила наполнить его. – Я просто не понимаю – ещё немного, дорогуша, – как в наш прогрессивный век самые передовые умы поверили в невероятное. Телепаты и медиумы? Жулики и шарлатаны – вот кто они!

Кип явно слушал доктора гораздо внимательнее, чем все остальные.

– То есть вы не верите в духов? – спросил он, не отнимая взгляда от тарелки.

Доктор Крюк посмотрел на него со смесью удивления и раздражения:

– Я верю в мир природы и эмпирические факты, мой мальчик. Суеверия – не более чем реакция слабых умов на то, что они не в силах объяснить. Человек примитивный видел душу в любой травинке и кустике. Например, возьмём это огромное дерево перед домом...

Пенни оживилась.

– Это волшебное дерево! – сказала она.

– Н-н-невообразимо! – воскликнул мистер Виндзор и улыбнулся доктору. – Даже не представляю, кто ей это внушил...

– Но ребёнок только подтверждает мою гипотезу! В менее просвещённый век люди бы сочли это дерево волшебным и сочинили целую историю про него. Что-нибудь вроде легенды Гомера про лотофагов, которые питались плодами лотоса, чтобы забыться, или про Райский сад. Кстати, археологи считают, что он располагался в отдалённом уголке Персии – совсем не райское место, скажу я вам.

– Не все истории – выдумка, – заявил Кип.

При этом он смотрел не на доктора, а на Молли, что её немного разозлило. Глазами она сделала ему знак вести себя прилично.

– Все истории – выдумка, мой мальчик. Несомненно. Иначе они бы назывались фактами. И в наш прогрессивный век мы должны перестать верить во всякую чепуху. Вернёмся к так называемому волшебному дереву. Совершенно очевидно, что местная почва представляет собой уникальный баланс питательных веществ, которые идеально удовлетворяют потребности дерева. – Доктор сунул в рот ещё кусок мяса. – Так же, как эта баранина удовлетворяет мои потребности.

Но Кипа его речь, похоже, не смутила.

– А добро и зло? Тоже выдумка?

Доктор Крюк удивлённо хохотнул.

– Да с нами за столом сидит юный философ! – Он опустил на край тарелки вилку с ножом и сложил руки на животе. – Молодой человек, не считайте мои слова бездоказательными. Я, напротив, преданный раб доказательства. Пытливый ум не отвергает ни единой гипотезы. Но должна быть научная доказуемость. Если ты скажешь: «Мир духов существует», то я отвечу: «Дай мне доказательства». И вот если найдётся человек, который сможет дать доказательства, тогда его имя будет навсегда вписано золотыми буквами среди имён величайших умов человечества: Евклида, Платона, Коперника...

Доктор Крюк мечтательно смотрел вдаль, а в глазах его горел огонь при одной только мысли о возможности снискать себе вечную славу.

Бертран хлопнул в ладоши и, явно желая перевести разговор на другую тему, выкрикнул:

– Итак! А кто-то знает хорошие розыгрыши?

Остаток ужина прошёл спокойно. Кип доел и отправился на конюшню к Галилею. Молли убрала со стола и пошла готовить комнату для доктора Крюка. В переносном медицинском ящике, привезённом из города, у доктора лежали записные книжки, банки, склянки и блестящие инструменты – целая медицинская лаборатория! Молли смотрела на загадочные инструменты, пытаясь понять их предназначение. Конечно, такие удивительные приборы способны излечить миссис Виндзор. А способны ли они на большее?

Девочка бросила застилать постель и кинулась в комнату хозяйки. Доктор Крюк сидел у постели больной и, видимо, только что держал у

неё во рту специальную стеклянную трубку, которая называется термометр, а теперь вынул его и посмотрел на цифры.

– Это неправильно, неправильно... – пробормотал он и растерянно сунул термометр обратно в рот.

– Вашей пациентке лучше? – спросила Молли с порога.

Доктор вздохнул:

– Боюсь, что нет. Лихорадка Крюка кажется мне неизлечимой.

Молли не сразу поняла, что доктор успел назвать болезнь хозяйки в свою честь.

– Я перепробовал все возможные средства, но безуспешно.

– Вы не всё попробовали. Я думала о том, что вы сказали за ужином: «Пытливый ум не отвергает ни единой гипотезы».

Доктору явно понравилось, что его цитируют. Молли продолжила:

– А что, если болезнь вызвана магией?

– О, понятно! Ты же ирландка? Я забыл, что твой народ доверчив и суеверен... – Доктор Крюк с покровительственной улыбкой похлопал Молли по плечу. – Не стоило мне смущать твой слабый ум размышлениями о мире природы...

– Я видела его. Видела настоящего духа, – перебила Молли.

Улыбка на лице доктора сменилась гримасой нетерпения.

– Точнее, ты думаешь, что видела. – И вдруг он щёлкнул пальцами. – А если галлюцинации – ещё один симптом этой лихорадки!

– Это не галлюцинации. – Молли покачала головой. – Каждую ночь он посещает дом, ходит из комнаты в комнату. И поэтому мы боеем. Вам приходилось слышать о таком во время занятий наукой?

Доктор почесал подбородок. Он заинтересовался разговором, сам того не ожидая.

– Конечно, есть существа, способные переносить болезни. Вспомним хотя бы чёрную смерть, бушевавшую в Европе в Средние века, но её переносили крысы. Крысы – не духи!

Молли прикусила язык, вспомнив, что негоже спорить с умным человеком.

– Дух он или нет, но он существует. И такого вы точно раньше не видели.

Доктор заинтересовался:

– Неизвестный науке вид?

Кажется, Молли удалось найти подход.

– Совсем неизвестный. Я вам покажу. Сегодня ночью. И вы придумаете лекарство, чтобы вылечить хозяйку. – Молли смотрела доктору прямо в глаза. – Одно дело открыть лихорадку Крюка, другое – найти лекарство. Да сама королева произведёт вас в рыцари! И вы будете жить вечно, ведь ваше имя будет среди имён тех великих людей, которых вы называли. Будет вписано в историю.

– Будет вписано золотыми буквами, – мягко поправил её доктор. – Вписано золотыми буквами в историю...

Доктор Крюк больше не видел Молли, глазки его забегали, будто он рисовал себе дальнейшие возможности.

– Великими становятся те, кто не упускает великие возможности. И вы как человек науки должны хотя бы попытаться, – произнесла Молли тоном заклинательницы змей.

Доктор Крюк задумчиво потёр подбородок:

– Пожалуй, я мог бы взглянуть. Чтобы излечить тебя от заблуждений.

– Я буду рада, если окажусь не права. Но прошу вас только об одном: если дух на самом деле окажется настоящим, поймайте и заберите его с собой. Хорошо?

Кип орудовал граблями, выгребая сухие листья из ямы, которую копал ногами Садовник.

– Да какая польза от твоего доктора? – спросил он, глядя на Молли, сидевшую под деревом на перевернутом ведре.

– Доктора знают всякие научные штучки.

На коленях у Молли лежала плетёная сеть, завалившаяся в повозке со времён старых хозяев. И теперь Молли перебирала её.

– Вдруг ему удастся поймать Садовника при помощи зеркала или какого-то средства из склянки? – предположила она.

Кип вытер пот со лба:

– Кажется, наука не так работает.

После двух бесед с доктором мнение сестры по этому вопросу перестало быть для него авторитетным. Доктор Крюк принадлежал к тем людям, которые всегда должны были быть правы. Ты мог сказать ему, что у него волосы горят, но он привёл бы аргументы, почему ты ошибаешься, и при этом сгорел бы заживо.

– И кроме того, – Кип, хромя, подошёл к сестре вплотную, – ты сама сказала, что он тебе не поверил. Думает, это какое-то животное.

– Что, если он поверит? Главное, чтобы помог.

– О чём это вы тут секретничаете? – спросила Пенни, выскочив из-за холмика. – А сетка для чего? – сыпала она вопросами, прыгая с кочки на кочку; Кипу эта игра казалась очень весёлой, вот только он никогда не сможет в неё поиграть.

– Иди-ка погуляй, – бросил Кип и тихо сказал сестре: – Я думаю, мы совершаем ошибку. Нам здесь нечего делать, как слизням нечего делать рядом с солью.

Молли расхохоталась:

– Слизни! Скажешь тоже. Любая девчонка мечтает, чтобы её сравнили со слизнем! – Но Кип даже не улыбнулся, что раздосадовало Молли. – Послушай, надежда слабая, но, если план сработает, Садовник исчезнет, а мы будем в безопасности.

– Если план не сработает, Садовник взбесится, и нам... – Кип покачал головой, даже не в силах представить, что их ждёт. Но он хребтом чувствовал, что ничего хорошего. Произойдёт нечто похожее на то, что много лет назад случилось с родителями мистера Виндзора.

– О чём вы шепчетесь? – Пенни снова выскочила из-за холмика. – О ночном госте, да?

Кип с Молли ответили одновременно:

– Нет!

Ну хоть в чём-то они сошлись. Пенни скорчила кислую мину и вернулась к игре. Кип опёрся на костыль, массируя левую ногу. От боли пульсировало колено. Да если честно, и вся нога. Он вспомнил легенду, рассказанную Хестер на рынке. О доме, о дереве, о том, что увидел в комнате за зелёной дверью... Что же на самом деле Молли знает об этом месте? Кип наблюдал, как сестра связывает два конца верёвки: делает петельку, пропускает туда один конец – их так научил папа.

– Давно не было новостей от мамы с папой. Как думаешь, у них всё хорошо? – спросил Кип.

Молли замерла:

– Уверена.

Она распустила узел и начала всё вновь. Кип подошёл ближе, заглянул сестре в лицо. Что-то с ней было не так.

– Почитай нам старое письмо, чтобы скоротать время.

Молли мотнула головой, не подымая глаз:

– У меня письма не с собой. Совсем помялись в кармане фартука, поэтому я положила их в надёжное место. Да и работы у нас много. Доктор вон сколько всего наказал, – добавила она.

У Кипа пересохло в горле.

– Доктор наказал... – пробормотал он машинально.

Ну почему Молли не признается, что боится Ночного садовника? Зачем скрывает страх за улыбками и историями? Хотя Кип знал ответ. Она считает его слишком маленьким и ранимым. А разве не так на самом деле? С тоской он посмотрел на Пенни, скакавшую с кочки на кочку. Что бы он отдал за здоровое тело? За то, чтобы плавать, прыгать и играть, как обычный мальчишка?

Кип схватил грабли и вернулся к работе. Доктор Крюк приказал расчистить место под деревом, чтобы устроить ловушку. После

страшной битвы с корнями Кип старался не приближаться ни к самому дереву, ни к яме. И до сегодняшнего вечера яма стояла нетронутая и укрытая шапкой листьев. Кип сгребал листья, пока не показалось дно, и очень удивился: яма не стала глубже. Всего несколько ночей назад он слышал, как Ночной садовник орудует лопатой, тем не менее размеры ямы остались прежними!

Хромая, Кип направился к куче листьев неподалёку. Он взял грабли обеими руками, поймал равновесие и застыл на одной ноге. Торжественным голосом произнёс, обращаясь к листьям:

– Есть ли у вас последнее желание?

И, будто заправский палач, вонзил грабли в листву и потянул на себя. Они податливо пошли, волоча рыже-коричневую массу. Кип предполагал, что снизу окажется слежавшаяся листва и сырая земля, но то, на что он натолкнулся, застало его врасплох. От неожиданности он потерял равновесие и упал, больно ударившись плечом.

– Я в порядке! – крикнул он, прежде чем Молли успела предложить помощь.

Кип поднялся. Дыхание сбилось, плечо болело, да так, что тяжело было держать грабли. Кое-как он одной рукой закинул грабли на то место, где закончил, и воткнул их в листья. Но вместо грязи и гнили обнаружил лишь ещё один слой листьев. Перевернув грабли, Кип ткнул деревянной ручкой в середину кучи. Древко вошло почти целиком.

Там была ещё одна яма!

– Молли! Иди-ка глянь! Только под ноги смотри.

Следующие полчаса они с сестрой расчищали пространство под деревом. Ям оказалось не две, а целых шесть, выкопанных в рядок. По глубине они были одинаковые, а вот по длине отличались – от короткой до довольно длинной. Ближайшая к дому яма была размером со взрослого мужчину, а самая дальняя – с маленькую девочку.

Кип почувствовал, как ветерок шевелит у него волосы на затылке. Он посмотрел на скакавшую невдалеке Пенни. Зелёные холмики были везде, куда хватало глаз. Каждый – размером с тело человека.

– Молли, мне кажется, эти холмы – не просто холмы...

Кип смотрел на бесчисленные зелёные пригорки. Молли взяла его за руку. Её ладонь была липкой от пота.

– Всё здесь... всё это место – огромное кладбище. Кип проглотил комок в горле. Посмотрел на дерево.

– Всё это место – громадная ловушка.

– Это что у вас такое за спиной? – крикнула Пенни, заметившая, что они смотрят в её сторону. – Крепость строите?

– Пенни, – ласково, но не терпящим возражений тоном сказала Молли, когда малышка подбежала, – пожалуйста, сходи в дом и проверь, горячая ли у мамы грелка. И скажи доктору, что мы почти закончили. Он поймёт.

Пенни какое-то время внимательно их разглядывала – явно поняла, что её отсылают намеренно.

– Ладно, – наконец сказала она и зашагала к дому.

– Чуть не попались, – произнёс Кип, когда девочка скрылась за дверью. И посмотрел на сестру, которая не могла оторвать взгляд от бесконечных могил.

– Ты был прав. Зря я нас сюда привезла.

Кип смотрел на её бледное лицо. Некогда зелёные глаза превратились в почти чёрные. Он хотел сказать сестре, что понимает её, что знает, почему она его не послушала. Но вдруг сморщился от резко пронзившей левую ногу боли.

– Идём, – только и сказал он, отворачиваясь и сплёвывая мокроту в могильную яму под ногами – яму, вырытую для него самого. – Нам ещё ловить этого монстра.

Молли закончила возиться с сетью почти в темноте. Сеть была большая – метров двадцать. Прямо у ствола дерева Молли вбила в землю колышек и, устало поднявшись на ноги, крикнула доктору, что всё готово.

Доктор Крюк наслаждался чаем, облокотившись на крыльцо. Он не скрывал скепсиса по поводу истории, поведанной ему Молли, тем не менее решительно включился в эксперимент. Весь день он провёл в деревне, готовясь к ночи, и теперь мало походил на того образованного джентльмена, лечившего миссис Виндзор. Живот скрывал кожаный фартук – почти такие носят мясники. Весь он был увешан разнообразными удочками, медвежьими капканами, подозрными трубами, из карманов торчали альбомы для набросков, а назначение ещё пары вещей Молли определить не смогла. На голове у доктора красовалась шляпа с чем-то вроде фонаря посередине и с парой очков с толстыми чёрными линзами.

– Я буду строго судить вашу работу, – сообщил мистер Крюк и, поднявшись с крыльца, подошёл к Молли и Кипу. Те закрепили сеть на земле деревянными колышками через равные промежутки. – Отлично поработали! И с дополнительными ямами хорошо придумали.

Кип с Молли переглянулись. Они решили не рассказывать доктору о настоящем предназначении ям, чтобы не напугать его раньше времени.

Мистер Крюк ушёл допивать чай, отдав ещё одно указание:

– И засыпьте сеть листьями.

– Снова грести? – почти застонал Кип.

Но доктор то ли не услышал вопроса, то ли сделал вид. Кроме того, раньше он прямым текстом объявил детям, что «физический труд не для него». Молли взяла грабли, вторые подала Кипу.

– Пусть так. Некогда будет любоваться своими собственными могилами.

Сработать ловушка должна была благодаря длинной верёвке, протянутой через толстый сук. Молли не с первого раза удалось

перекинуть через него верёвку, потому что он был очень высоко. Когда наконец она справилась с задачей, конец был передан Кипу, который дежурил на «противовесе» – этим словом доктор обозначил повозку Галилея.

– Привязывай покрепче, мой мальчик, – сыпались инструкции.

Молли стояла рядом и наблюдала, как брат привязывает верёвку к торцу повозки. Хотя он и молчал, по всему было видно: делает он это неохотно.

– С тобой всё в порядке? – спросила Молли.

– А что со мной может быть? – огрызнулся он.

В последние дни Кип стал меньше разговаривать и почти не улыбался. Казалось, что любой его вопрос – проверка, которую Молли проваливает раз за разом. Кроме того, она заметила, что брат постоянно трёт больное бедро, а лицо его в это время напряжено. Нога ведь наверняка болела всегда, но только сейчас он стал показывать, насколько ему тяжело.

Наконец Кип закрепил верёвку и, пройдя мимо сестры, сообщил:

– Доктор, мы всё сделали!

Теперь оставалось только ждать. Втроём они спрятались за повозкой, отлично скрывавшей их из виду. Доктор Крюк что-то бормотал себе под нос, перебирая дорогостоящее обмундирование, к которому строго-настрого запретил детям даже прикасаться. Себе он принёс садовый стул, но помощникам приказал устроиться на земле, «чтобы не терять бдительность». Молли потуже запахнула пальто, напоминая себе, что уж если ей неудобно, то Кипу тем более. С наступлением ночи Галилей стал нервничать, рваться с привязи. Держать его и не давать уйти было задачей Кипа.

– Галилей так и норовит уйти от дерева. Может, пустим его? – спросил Кип, покрепче перехватывая поводья.

Даже в темноте было заметно, как разозлился доктор.

– Может, передоверим план кому-то более умному, а? – поинтересовался он, не скрывая ехидства.

– Кип не хотел ничего такого сказать. Мы очень благодарны вам.

– Естественно, вы должны быть благодарны, – ответил доктор: в голосе его ещё плескалась обида. – Ни один обычный врач не стал бы опускаться до того, чтобы проверять вашу гипотезу. Но вам повезло: я не обычный врач.

– Дважды необычный, – пробормотал Кип.

Молли почувствовала, как у неё от злости по всему телу разливается жар. Ну почему Кип воспринимает всё в штыки? Почему не доверяет ей? Хотя с чего ему ей доверять?

– Доктор, а расскажите нам о своём плане. Он ведь наверняка великолепен! – попросила Молли.

– Ну, не преувеличивай, деточка... – сказал доктор и засмеялся, видимо, пытаясь изобразить скромность. – Если верить твоим данным, еженощно это существо приходит под дерево. На основании чего я могу заключить, что речь идёт о землеройном млекопитающем. О ласке или барсуке, например.

– Тогда это очень большой барсук, – прокомментировал Кип, за что сестра наградила его ударом локтём под рёбра и соответствующим взглядом.

Но доктор, кажется, не слышал его и продолжал:

– Когда это существо появится – если вообще появится, – я дам вам сигнал, и вы подстегнёте лошадь. Лошадь потянет верёвку, ловушка взлетит вверх, я выскочу вперёд и поймаю существо.

– А как вы его поймаете? – учтиво поинтересовалась Молли. – Ведь сеть долго его не удержит. Надо его запереть где-то.

– Или убить, – добавил Кип.

– У меня есть вариант получше! Я его заморозю навечно. – И доктор показал на прибор, закреплённый на треноге.

Штуковина состояла из двух валиков, приделанных к чему-то вроде хлебницы и прикрытых накидкой. Из задней части свисала масса верёвочек и шнурочков, на один из которых была привязана пуговица.

Молли уставилась на странный аппарат:

– А что это за штуковина?

Доктор усмехнулся:

– Этот аппарат называется камера-обскура. Я собирался задокументировать образцы местной фауны, но вы, возможно, вывели меня на более интересный экземпляр! – Доктор восторженно извлёк из сумки какую-то штуку, похожую на совок для мусора, пристроил её сверху чёрного ящика и насыпал внутрь какого-то порошка. – Это вспышка с магнием. В прошлом месяце я выписал её из Франции. Когда переводишь рычажок вот до этой рукоятки, – доктор показал на маленький крючок, – порошок вспыхивает и даёт достаточно света,

чтобы запечатлеть образ объекта на одной из этих пластин. – Приподняв чёрную ткань с задней стенки ящика, доктор продемонстрировал листок жести размером с почтовую открытку. – Идеальный прибор для фотографирования.

Молли в ужасе посмотрела на Кипа: осознание услышанного происходило медленно.

– Вы сказали «образ»? Вы же обещали поймать его и увезти с собой!

Она поглядела на дерево, затем на ловушку, затем на брата.

– Да не нужны нам его образы! Мы должны избавиться от него! – взорвалась она.

Кип схватил её за рукав, но Молли уже вскочила:

– Вы лгали нам! Обещали помочь, а вам только и надо, чтобы ваше имя вписали в какие-то важные книжки!

– Ну ты сама именно этим меня заманивала, – терпеливо ответил доктор Крюк. – Не грусти. Если это существо сегодня покажется, то следом за мной сюда придёт целая армия исследователей. И уж один из них точно сможет выполнить твою просьбу.

– Молли! – позвал Кип громче.

– Это нужно сделать сегодня! – крикнула она.

Доктор Крюк встал на ноги:

– Не впадай в истерику. Наверное, я пропишу тебе...

– Молли!

Молли наконец-то обернулась к брату:

– Что тебе надо?

Кип указал на дерево:

– Кто-то идёт...

Молли и доктор одновременно присели и спрятались за повозку.

– Дух очень высокий, одет во всё чёрное, – прошептала она.

Сквозь туман уже был различим силуэт, направляющийся к дому. Он неуверенно прокладывает путь между холмиками, замирая и вновь двигаясь вперёд.

– Боже мой! – только и сказал доктор, хватаясь за камеру трясущимися руками. – Да он значительно больше барсука...

– Я же говорил.

Молли всматривалась в силуэт. Он был не похож на Садовника – пониже ростом, и походка неуверенная. Да ещё и позвякивает при

ходьбе. Звук был странный, но знакомый. Наконец силуэт добрался до участка под деревом, засыпанного листьями. Прошёл вперёд, затем отступил назад. В руках он держал какой-то длинный острый предмет.

– Доктор, – шёпотом позвала Молли, – мне кажется, это не он...

Но доктор только зашипел на неё.

– По моей команде, – сказал он.

– Но, доктор...

– Вперёд!

Молли не шевельнулась.

– Я же сказал: вперёд!

И вскочив, доктор шлёпнул Галилея ладонью по боку. Галилей встал на дыбы и рванул, потянув за собой повозку и привязанную к ней верёвку. Раздался удивлённый вопль, когда сеть взлетела с земли, увлекая за собой добычу.

Последовала ослепительная вспышка. Молли упала на спину, испугавшись фонтана искр и дыма, вылетевшего из чёрного ящика. Прикрыв рот рукой, она пыталась откашляться и хоть что-нибудь разглядеть сквозь дым.

– Держу тебя, – бросила она Кипу, нащупав его в темноте: тот тоже от неожиданности оказался на земле.

Доктор Крюк уже скакал возле сработавшей ловушки, точно геолог возле золотой жилы.

– Я сделал это! Я сделал это! – вопил он.

Молли моргала, восстанавливая зрение. Сеть свисала с толстой ветки, верёвки скрипели под тяжестью добычи, которая вертелась и извивалась. Крюк наставил на ловушку камеру, будто ружьё.

– Назад, животное! – выкрикнул он.

Кокон из сети медленно повернулся: на них смотрело обрамлённое седыми волосами лицо с парой горящих от возмущения глаз.

– Это вы! – только и сказала Молли.

Хестер Кеттл ухмыльнулась беззубым ртом.

– А вы кого ждали?

Овечьи ножницы

– Вы что здесь делаете? – спросила Молли.

Хестер болталась перед ними в сетке, руки и ноги под странными углами торчали из ячеек.

– Как что? Вишу и раскачиваюсь, – ответила она с кривой улыбкой.

Доктор Крюк поднял кверху указательный палец и произнёс:

– Так я и думал! Ваш дух – не что иное, как больная бродяжка.

– Сказительница, если позволите, – поправила Хестер.

– И она заразна, вне всяких сомнений. Наверняка заразилась лихорадкой Крюка половину окрестностей.

Доктор Крюк отложил камеру и достал из-за пояса огромный шприц, сняв с иглы корковую заглушку.

– А теперь, дети, придержите эту женщину, пока я возьму образец её крови.

– Не трудитесь, доктор, – вмешалась Молли. – Это не из-за неё мы болеем.

Доктор замер с иглой наготове:

– Ты уверена? Потому что, пожелай я вообразить источник лихорадки Крюка, я вполне мог бы визуализировать это.

Хестер театрально похлопала ресницами:

– Вы так добры, сэр.

Молли схватила сетку и развернула Хестер к себе лицом.

– Вы не ответили: что вы здесь делаете?

Карлица замялась.

– Ну, дорогуша, объяснить трудно...

– А вы попробуйте!

– Она пришла за деревом! – вмешался в разговор Кип. – Смотри, что у неё в руках. – И он показал на предмет, который держала Хестер; доктор Крюк подсветил, и все смогли рассмотреть пару старых ножниц для стрижки овец. – Она хотела отрезать побег, чтобы вырастить своё собственное дерево.

Молли внимательно посмотрела на карлицу:

– Это правда?

Хестер вздохнула:

– Правда или нет, ты всё равно поверила.

Она подняла глаза на опасно нагнувшуюся ветку, на которой болталась сеть.

– Может, спустите меня и поболтаем по-соседски? И как бы Молли ни хотелось оставить Хестер болтаться, она понимала, что, если ветка сломается, ловушка будет испорчена. Поэтому она кивнула Кипу, который тут же похромал к Галилею и повёл его обратно к дому. Лошадь рвалась и сопротивлялась, а сетка бешено раскачивалась, то опускаясь, то поднимаясь.

– Эй, потише там! Ты же не хочешь уронить старушку на землю вниз головой? – прикрикнула Хестер на Кипа.

– Почему бы и нет? – произнесла Молли, отступая от медленно опускавшейся на землю сети.

Доктор, который до последнего надеялся найти средство от лихорадки, явно был выбит из колеи. Он вынул пластинку из камеры и выкинул её.

– Милая дама, осознаёте ли вы, что только что прервали – нет, уничтожили! – крайне важный эксперимент? – Он поймал лист, пролетающий мимо. – Я был на грани открытия, способного переломить мою карьеру. Что вы можете сказать в своё оправдание?

Судя по виду, Хестер даже хотела извиниться, но быстро передумала. Темноту наполнил протяжный стон. Карлица во все глаза смотрела мимо доктора – на дом. На лице у неё смешались ужас и восторг. Подняв вверх дрожащий указательный палец, она проговорила:

– Удача на вашей стороне. У вас ещё будет шанс.

Порыв ледяного ветра вскружил листву у них под ногами. Галилей зафыркал, пытаясь вырваться. Сеть опасно раскачивалась. Дерево скрипело и стонало. Молли медленно-медленно обернулась...

Прямо на них смотрел Ночной садовник.

Отломанный сук

Ночной садовник стоял на краю дорожки, возле открытой входной двери, с лопатой и лейкой. Даже в темноте его лицо отливало серебряной бледностью. Он не двинулся с места, а только наклонил голову, разглядывая всю компанию с терпеливым любопытством.

– История становится былью... – еле слышно молвила Хестер.

– Тихо! – шикнула Молли. – Не шевелитесь и молчите. Он пришёл к дереву. И нас не тронет.

Молли говорила, а сама не знала, насколько правдивы её слова. И главное было – не думать о раскрытых могилах под ногами.

Доктор Крюк схватил камеру и шагнул вперёд.

– Один снимок...

– Нет, доктор!

Молли не успела остановить его – доктор уже обошёл ствол, раскрыл бутылочку с порошком и засыпал его во вспышку.

Хестер как раз качнулась мимо Молли:

– А ты уверена, дорогуша, что он нас не тронет?

– Я больше ни в чём не уверена.

Доктора Крюка отделяли от дорожки несколько шагов. Садовник не шевельнулся, но Молли различила низкое вибрирующее рычание. Это было предупреждение.

– Ну, старина Крюк, история ждёт тебя!

Произнеся эти слова, доктор Крюк, как лунатик, двинулся вперёд. Призрак наклонил голову набок и в упор смотрел на доктора двумя чёрными впадинами глаз. Вокруг него вились сухие листья. Доктор наставил камеру на Садовника...

С низким протяжным свистом поток листьев взметнулся к доктору, сбив его с ног. Вырвал камеру из рук. Доктор закричал. Тяжёлый деревянный ящик пронёсся ровно над головой Молли и врезался в стену дома, с диким треском разлетевшись на мелкие щепки.

– Вот вам и эксперимент! – крикнула Хестер из бешено раскачивавшейся на ветру ловушки.

Крюк скачками нёсся прямо на них. На лице его от ужаса не было ни кровинки.

– Прочь, прочь, тупицы! – орал он. – С дороги! Он сшиб Молли, почти столкнув её в одну из могил.

– Уйди, сопляк! Я забираю повозку!

В следующее мгновение он уже выдирает у Кипа из рук вожжи. Но Кип не сдавался.

– Уберите руки! – крикнул он в ответ.

Галилей заржал, пытаясь вырваться. Повозка дёргалась вперёд-назад, раскачивая сеть. Хестер со стуком ударила о стену дома. Вдруг кокон взлетел высоко вверх.

– Помогла бы брату! – крикнула Хестер, но теперь в её голосе не было и намёка на иронию.

Молли посмотрела на Ночного садовника: тот стоял, воздев лопату, как оружие. Доктор Крюк отшвырнул Кипа в сторону и теперь пытался взгромоздиться на повозку. Молли вскочила и бросилась к доктору.

– Ловушка! Опустите сетку!

Она вцепилась в край кожаного фартука.

– Руки прочь! – крикнул доктор и сильно ударил Молли по лицу.

Она ухватилась за бортик повозки, пытаясь вдохнуть. Во рту появился вкус крови, а лицо онемело от боли – так больно ей ещё никогда не было! Она попыталась встать, но ноги не слушались. Доктор уставился на неё.

– И не смотри на меня так! – прокричал он, хватая поводья. – Выживает сильнейший!

– Не тронь мою сестру!

Кип схватил доктора за ногу, стягивая с повозки. Тот плюхнулся на землю, но поводья не выпустил. Галилей заржал и встал на дыбы. Верёвка завизжала, сеть с пленницей ухнула вниз... Страшный треск перекрыл все другие звуки.

Толстая ветка отломилась у самого ствола. Хестер заверещала, ударившись о землю с такой силой, что кости её не могли уцелеть. Сверху на неё упал обломанный толстый сук. Взвыл ветер. Ночной садовник кинулся вперёд и рухнул на колени. Лопата и лейка выпали у него из рук...

Доктор Крюк, заикаясь, обратился к Молли:

– Ч-ч-что это с ним?

Ночной садовник сложился пополам, корчась от боли. Листья вились у него над головой в беспорядочном танце. Молли смотрела на дерево. На месте обломившегося сука выступил чёрный сок – как кровь из раны.

– Ему не понравилось, – ответила она.

Опершись ладонями на землю, Ночной садовник медленно поднялся и поглядел на обломанный сук, придавивший несчастную Хестер. А затем зарычал так, что всё вокруг содрогнулось.

Доктор Крюк забыл о лошади и вскочил на ноги.

– Это всё они! – заорал он. – Забирай их! – И понёсся к мосту с неожиданной прытью.

Ночной садовник простёр руки в сторону конюшни. С оглушающим скрежетом порыв ветра сорвал тяжёлую широкую дверь конюшни с петель. Обтянутые чёрной кожей руки Садовника вновь поднялись и указали на доктора, успевшего преодолеть половину пути. Массивная дверь взвилась над лужайкой, вращаясь в воздухе, настигая указанную цель...

– Не смотри! – крикнула Молли, ладонью закрывая Кипу глаза.

Доктор не успел издать ни звука, Молли услышала только грохот. А когда девочка осмелилась посмотреть на лужайку, там, где, по её расчёту, должен был бежать доктор, лежала дверь, из-под которой торчали две неподвижные ноги.

На лице Садовника появилось выражение сдержанного удовлетворения.

– Ты убил его... – еле слышно прошептала Молли. – Хладнокровно убил его у нас на глазах...

Призрак коснулся края цилиндра, будто принимая комплимент. И шагнул к Хестер. Карлица стонала и пыталась вывернуться из-под тяжёлого сука, придавившего её.

– Бегите... кутята... – проговорила она из последних сил. Из уголка её рта текла струйка крови.

Кип схватил Молли за руку:

– Я могу взять лошадь, но верёвка привязана к Хестер. Мы же убьём её!

Молли всматривалась в залитую лунным светом землю, пытаясь найти хоть что-то, что сможет защитить их. Кип говорил, что Ночной

садовник боится огня. Лампа, факел, спичка хотя бы...

Среди обломков камеры валялся металлический поддон для вспышки.

– Отвяжи верёвку! – бросила Молли. – Остальное на мне.

Она поползла по сырой земле, чуть не свалилась в одну из могил, но смогла дотянуться до вспышки. Внутри осталось немного белого порошка. Хотелось верить, что его хватит.

Садовник склонился над Хестер. Молли наставила вспышку на Садовника.

– Прочь! – выкрикнула она и спустила затвор.

Вспыхнуло пламя. Ночной садовник отпрянул, замолотил руками, пытаясь стряхнуть с себя языки пламени, а Молли, откашливаясь от едкого дыма, подползла прямо к Хестер. Нашупать овечьи ножницы, разрезать сетку, взвалить карлицу себе на спину было делом одной минуты. То неся карлицу на себе, то волоча по земле, Молли с трудом дотащила её до повозки, а Кип уже опустил бортик...

Садовник огласил окрестности диким рыком. Молли оглянулась: он, шатаясь, шёл к ним. Весь обугленный, пальто тлеет и дымится. Внизу одежда вовсе сгорела, и Молли увидела ногу Садовника. Бедренную кость будто скрутили, а у колена она раскололась в щепки. Чёрная, похожая на кровь жидкость сочилась по брюкам и стекала в ботинки, на траве оставались следы.

– Иди вперёд! Я держу её! – крикнула Молли брату.

Тот перебрался через лавку и схватил поводья. Молли взвалила Хестер к себе на спину и, крякнув от натуги, уложила карлицу в повозку.

– Трогай! – бросила она брату и залезла следом.

Кип щёлкнул поводьями, и Галилей сорвался с места. Молли пришлось вцепиться в бортики, чтобы не упасть: повозку бешено подбрасывало на кочках. Вернее, не на кочках, а на могилах!

Садовник преследовал их. Даже с изувеченной ногой он передвигался слишком быстро для человека.

– Держись! – крикнул Кип.

Повозка наконец выехала на дорожку и рванула вперёд. Садовник, почти не отстававший от них, взмахнул рукой – и порыв ветра вложил в неё ножницы Хестер Кеттл. Он послал их вслед повозке, и они –

точно стрела из арбалета – вонзились в доску прямо рядом с Молли, девочка чудом успела уклониться.

– Гони, гони, Кип! – закричала она.

Повозка уже летела к мосту. Садовник выбросил вперёд руку и костлявыми пальцами вцепился Молли в лодыжку. Она забилась, вырываясь. Садовник выл и тащил её к себе, но в этот момент Кип как раз вывернул на мост. Вцепившись в бортик, Молли не могла отвести глаз от Садовника, отпустившего её наконец: тот метался на границе моста и дороги, рычал, исходя бешенством, но дальше ступить не мог.

Галилей увозил Молли, Кипа и Хестер. Повозка скрылась за поворотом дороги, но они по-прежнему слышали то рычание, то отчаянный вой Садовника.

Часть третья
Отбытия

Прощальная история

Казалось, они едут уже несколько часов без остановки. На чёрном небе сияли искорки звёзд, но света они не давали. Молли сидела рядом с карлицей и держала её за руку. Липкие от крови пальцы Хестер почти не двигались. Ей было больно шевелиться, и только пару раз она приподнялась, чтобы откашляться.

– Всё хорошо, хорошо, – шептала Молли, глядя её по голове. – Сейчас станет легче...

Хестер сглотнула:

– Я достаточно умна, чтобы понимать: не станет.

Она улыбнулась. И снова закашлялась. Молли вытерла кровь, выступившую в уголках рта старухи. Главное – чтобы Хестер не прочитала волнение на её лице, ибо кашель с кровью значил только одно: внутреннее кровотечение.

Дорога свернула от реки в сторону деревни.

– Остановитесь, – пробормотала Хестер, приподняв руку.

– Мы везём вас в деревню. Найдём тёплую постель, горячую пищу...

Хестер закашлялась:

– В деревню вы привезёте мой труп. Остановите здесь.

Молли перегнулась через борт п повозки и попросила Кипа остановиться. Он съехал с дороги. С решительным выражением лица взял костыль и спустился на землю. В тусклом свете луны Кип очень походил на отца. И когда только он успел вырасти?

Молли осторожно спустилась с повозки. Всё тело её было покрыто синяками и невыносимо болело. Даже стоять было мучительно. Она огляделась: повозка остановилась на полянке, от которой расходились в разные стороны три дороги.

– Распутье... здесь мы и встретились... – задумчиво проговорила она.

Хестер приподнялась на локте:

– Да, именно так.

Даже сейчас в её глазах играли хитрые искорки. Молли с Кипом опустили карлицу с повозки. У неё на спине по-прежнему был тюк с пожитками. Со звоном и скрежетом он ударился о землю. Из него посыпались щепки и осколки. В темноте было не разобрать, где кончается тело карлицы и начинается тюк.

– Я соберу дров, – сказал Кип.

– погоди, малыш. Ещё успеешь. Помоги-ка мне снять мою ношу, – попросила карлица, морщась от боли.

Молли и Кип очень бережно сняли тюк со спины Хестер и положили его на землю. Без него она оказалась совсем маленькой. С горькой ухмылкой Хестер посмотрела на свои сокровища и сказала:

– Зачем искать дрова? Этого вполне хватит.

Она вытянула из тюка вересковую трубку: люлька откололась от мундштука и держалась буквально на паре волокон.

– Сколько мы пережили с моей подружкой! – сказала она и засунула трубку обратно.

Молли помогла ей усесться.

– Спасибо, дорогуша, – простонала Хестер и крепко вцепилась Молли в руку.

Конечно, Молли должна была бы злиться на карлицу за то, что та разрушила их ловушку. Но сейчас ей просто хотелось, чтобы старуха выжила. Она убрала с её лба слипшуюся седую прядь.

– Где болит?

– Спроси лучше, где не болит, – рассмеялась Хестер и тут же скорчилась от боли. Согнулась пополам, зажмурившись... От вида того, как она откашливается, Молли стало дурно.

– Всё моя вина. Если бы там не было сетки...

– Тсс... Сетка, падение, призрак Ночного садовника – все ни при чём. Хестер Кеттл сгубило любопытство, и ничего кроме.

Хестер посмотрела на лес. Покачала головой.

– Я же знала, что там опасно. Думаешь, чего я столько лет туда не совалась? Но в конце концов не смогла не пойти. Я должна была своими глазами всё увидеть. И знаешь, что я скажу: оно того стоило.

Хестер чуть заметно улыбнулась. Она по-прежнему смотрела вдаль, будто видела нечто, недоступное другим.

– Кто такой сказитель? Тот, кто заставляет других поверить в невозможное. И вот наконец настал тот заветный момент, когда я сама

увидела невозможное. И рада этому.

Кип тем временем привязал поводья Галилея к подходящему стволу и подсел к Хестер и сестре.

– Но вы пришли не просто посмотреть на дерево, так? – дерзко спросил он. – Вы хотели исполнить желание, как и все другие.

Молли в ужасе взглянула на брата:

– Откуда ты знаешь про желание?

Кип пропустил её вопрос мимо ушей и повернулся к карлице:

– Говорите, какое заветное желание у вас было?

– Сейчас не время, Кип, – попыталась остановить его Молли.

Но Хестер кивнула:

– Он прав. Глупое желание. Помните, как красиво я рассказывала вам про Эзопа?

– Вы называли его королём всех сказителей, – подтвердила Молли.

Хестер сплела пальцы:

– Пожалуй, я хотела стать королевой. Хотела, чтобы весь мир помнил меня и мои истории...

Молли понимала старуху как никто, ведь она прекрасно знала, как исчезает, выцветает история, стоит только её рассказать.

– Вы же могли их записать! Записать в книгу!

Хестер расхохоталась. И покачала головой:

– В книгу? Как ты себе это представляешь? Только вообрази меня: сижу, скрючившись за столиком, и шкрябаю какие-то странные значки? Сказать по правде, я и букв-то не знаю!

– Я умею писать. Я бы научила вас. Хотите, начнём прямо сейчас?

И снова карлица отрицательно покачала головой.

– Времени маловато для этого... И для всего другого... – ответила она и с мучительным стоном приподнялась. – Но кое на что времени хватит... Некоторые не умеют ценить хорошие истории и платят соответственно. Но изредка и мне перепадают особенные вещи... – Она запустила руку в тюк и стала шарить среди горшков, черепков, птичьих клеток, факелов и прочего скарба. Наконец распрямилась. – Вот! Нашла! Тысячу лет с собой носила. Но теперь мне это не пригодится.

Хестер вручила Молли узелок из промасленной ткани, перемотанный бечёвкой.

– Что это? – спросила Молли, ощупывая узелок.

– Нечто особенное. Мне эта вещь была почти без надобности – оседлый образ жизни не для меня. А вот вы двое – другое дело. Чую, тут как раз то, что вы ищете.

Молли хотела развернуть подарок, но карлица остановила её.

– У вас куча времени, чтобы открыть мой свёрток. Дайте сначала мне уйти. – И она снова закашлялась.

Молли тут же забыла про свёрток. Она ведь прекрасно понимала, что Хестер имеет в виду под словом «уйти»!

– Не умирайте, Хестер! – дрожащим голосом попросила она. – Вы должны жить и рассказывать свои истории. Вы ведь хотите стать королевой всех сказителей, помните?

Непонятно почему, но мысль о том, что в этом мире не станет Хестер Кеттл, оказалась для Молли невыносима. Карлица похлопала Молли по руке.

– Не та честь, что я могу сейчас снесть, – ответила она и вновь зарылась в тюк. – А ну-ка глянь!

Из кучи покорёженного барахла Хестер извлекла хёди-гёди. Две струны лопнули, в корпусе зияла дыра. Хестер дёрнула уцелевшую струну, и та отозвалась жалким тихим звуком.

– И кто поспорит, что Хестер Кеттл всегда везло? – Она навесила инструмент на плечо. – Ну, больно не больно, а идти надо.

Кип встал рядом с Молли.

– Куда вы собрались? – спросил он.

Хестер набрала в грудь побольше воздуха и ответила, глядя на чернеющую чашу леса:

– Старухе Хестер пришлось поведать последнюю историю. Я долго её сочиняла. Всю жизнь. Назовём её «Прощальная история».

Молли вздрогнула:

– О чём она?

– Прости, дорогуша. – Голос Хестер звучал как никогда искренне. – Она предназначена мне и только мне. Как и все прощальные истории.

Молли хотела попросить её остаться, но прекрасно понимала: есть места, куда человек уходит один. Она моргнула, пытаясь скрыть слёзы:

– Я уверена, это великая история.

Хестер Кеттл улыбнулась:

– Главное, с хорошим концом.

Молли смотрела на неё. В неярком лунном свете казалось, что она видит перед собой девчушку с пшеничными волосами, пухлыми щёчками и ободранными коленками. Они бы могли стать подружками.

– Наверное, когда мне придёт время рассказывать свою прощальную историю, в ней обязательно будет пожилая женщина с тюком на спине.

Хестер вскинула бровь и склонила седую голову в учтивом поклоне:

– Что ж, неплохо. Берегите себя, кутята.

Хестер сняла с плеча инструмент и крутнула ручку. Низкая протяжная мелодия наполнила тишину, отзываясь эхом в темноте. Карлица повернулась спиной и медленно поковыляла в сторону леса. Она что-то бормотала себе под нос – то, что не предназначалось для чужих ушей.

Молли держала брата за руку. Молча они стояли рядом и слушали, как выцветает в ночи песня Хестер Кеттл. И всё смолкло. Лес затих.

Молли с Кипом перерыли пожитки Хестер в поисках пищи. Им удалось найти кусок вяленой говядины, немного орехов и сушёные ягоды, даже сыр – вполне достаточно, чтобы продержаться несколько дней пути. А остальные вещи они сожгли.

Молли смотрела на пламя, в котором сгорали последние крупницы жизни Хестер Кеттл. Хестер Кеттл, которая была жива всего несколько часов назад. Молли закрыла глаза и попыталась вспомнить её неприветливое лицо. Но образ карлицы ускользал из памяти: глаза, нос, рот, волосы никак не желали складываться в образ живого человека.

– Я раньше не видела, как умирает человек. А за эту ночь на моих глазах не стало сразу двоих.

– Доктору поделом. Он хотел бросить нас там погибать, – сказал Кип, ворочая концом костыля угли.

Молли собралась было отчитать брата за злые слова, но не стала. Какое она имеет право его поучать?

– Я видела, как это случилось. Как его раздавила дверь. Будто дом сверху упал. Он даже вскрикнуть не успел. Вот он бежал, и вот он не двигается.

– Скажи спасибо, не мы оказались на его месте, – равнодушно отреагировал Кип. – Что дальше? Назад, в сиротский приют?

– Ни за что! Мы поедem в другой город и найдём работу. Найдём безопасное место. Может, симпатичное кладбище? Или местечко для шабаша? – Молли попыталась выдавить улыбку, но ничего не вышло.

– А может, ты будешь рассказывать истории? Как Хестер.

– Может...

Иногда Молли влекла мысль бродить по свету и рассказывать истории незнакомцам. Но сегодняшняя ночь всё изменила. Ведь этой ночью она поняла, как на самом деле устроен мир. Что может сделать история против Ночного садовника? Хестер всю жизнь рассказывала людям истории – и что с ней стало? Молли посмотрела на

промасленный свёрток, подаренный сказительницей. Но сейчас не могла заставить себя развернуть его.

Кип шевелил угли.

– Чем ярче огонь, тем темнее во всём мире. Ничего не вижу вокруг.

Кип вздрогнул, вглядываясь в тени:

– Мне всё кажется, что вон он, там, среди деревьев ходит.

– Ночной садовник? – уточнила Молли и покачала головой. – Я помню, что случилось на мосту. Он почти влез на повозку, схватил меня. А когда ты въехал на мост, он упал, будто его что-то удержало. А помнишь, когда он гнался за тобой по лесу? Может, он тебя не тронул, потому что не мог достать? И дал тебе ключ, чтобы вернуть тебя...

Кип уселся удобнее:

– Думаешь, дерево держит его? Как на цепи?

– Ну, не так просто. Думаю, они связаны. Ты же видел, что случилось, когда обломилась ветка: он взвыл, точно ему самому мясо с ноги живьём содрали! Он раб дерева. И чтобы жить, должен сохранять дерево живым.

– Не назвал бы это жизнью, – проронил Кип. – Вот, значит, как дерево работает. Даёт тебе, что ты просишь, но тебе не становится от этого лучше. В этом и разница, получается, между тем, что ты хочешь, и тем, что тебе на самом деле нужно...

Молли кивнула:

– Наверное, Хестер имела в виду именно это, когда сказала, что дерево забирает душу.

Она вспомнила о мистере Виндзоре и деньгах. О Констанции и её кольцах. О Пенни и сказках про принцессу. Об Алистере и его конфетах. О письмах от родителей. Она же получила, что хотела. Но что на самом деле ей было нужно?

Кип будто прочитал её мысли:

– Как быть с мамой и папой? Если они приедут за нами в тот дом, мы должны предупредить их.

Молли хотела было согласиться, но слова застряли у неё в горле. Брат внимательно посмотрел на неё:

– Молли, всё хорошо?

Она смотрела в черноту.

– Кип... мне надо тебе кое-что сказать... Я должна... – И наконец она посмотрела брату в глаза. – Про письма.

– Да ладно. Думаю, я знаю, где ты их брала.

Кип нагнулся, засунул руку в карман и вынул маленькую жестяную коробочку.

– Там же, где я взял вот это.

Сначала Молли не поняла, что ей показывает брат, но потом придвинулась и взяла баночку: холодная, пахнувшая древесной смолой, с бумажной этикеткой «Чудодейственный бальзам доктора Рутлея. Вылечит всё!». На картинке под надписью были изображены пляшущие и поющие дети. Один из мальчиков замер в прыжке, отбросив костыли.

– Вот что я хотел, – сказал Кип, забирая жестянку. Внутри у Молли всё сжалось от ужаса.

– Давно ты знал?

– С того вечера на рынке. Хотел тебе сказать раньше, но боялся...

Молли посмотрела на больную ногу брата: всё такая же худая, неестественно вывернутая. Рядом на бревне лежит костыль.

– Ты не открыл банку?

– Нет. Очень хотел. Очень. – Кип провёл пальцами по этикетке. – Но я подумал: а если он поможет и я смогу бегать, я же захочу большего. И буду хотеть всё больше и больше. И никогда не успокоюсь.

Молли удивилась, насколько прав её брат. Вспомнила, как невыносимо ей хотелось получить следующее письмо, а за ним – следующее.

– Скажи мне, – попросил Кип, глядя ей в глаза, – почему дерево давало тебе письма от мамы с папой?

Уткнувшись взглядом в колени, Молли мяла грязный, изорванный подол платья.

– Похоже, ты и так знаешь...

– Ты должна сказать.

Сжав зубы, Молли вызвала в памяти те вещи, которые так долго и мучительно оттуда изгоняла. Где-то в темноте среди деревьев бежала и шумела река.

– Каждый раз, когда я слышу реку, я вспоминаю море.

И до Молли донеслись их голоса, крики среди бушующих волн. Она набрала воздуха в грудь.

– Ты не помнишь, как мы бежали из Ирландии. В порту ты уже горел в лихорадке.

Кип понурил голову.

– Это не твоя вина. Болели многие. И на корабле никому не становилось лучше. Нас набили туда, будто мы не люди, заперли в трюме, как животных, почти без еды и воды. Для них мы и были животными, скотом. – У Молли невольно сжались кулаки. – Вторую ночь мы все вчетвером спали на узенькой койке. Начался шторм. Корабль бешено раскачивало, люди падали с коек. Снаружи лил дождь. Гроза и ветер бушевали над морем. Через порты для пушек стала заливаться вода. На палубе бегали и перекрикивались моряки. Мы просили выпустить нас, но они не слышали. Всё это время мама держала тебя на руках и пела тебе – как в детстве.

Молли смотрела на пламя и слышала мамин голос.

– И вот судно расколосось. Будто сама земля развалилась на две части. Вода полилась сверху, с палубы. Она уже доставала до щиколоток. И тогда папа с другими мужчинами выломали дверь, и все выбежали на палубу. Я помогала маме нести тебя. Одна из мачт переломилась пополам. Паруса изорвало в клочья. Дождь лил косою стеной. Волны вздымались, как горы. Вся команда судна исчезла: они бросили нас умирать.

Кип вцепился в костыль:

– Шлюпок не было?

– Осталась одна шлюпка. Люди превратились в зверей – так дрались, чтобы попасть в неё. Но папа дрался лучше всех. Мы успели сесть в лодку – и её сразу отвязали. Но нам сказали, что места в ней всего на двоих.

Молли отвела глаза. Медленно вдохнула.

– Мама с папой положили тебя мне на руки и оставили в лодке. Я кричала, умоляла их не делать этого, но они не слушали. Мама прижала меня к себе и обняла. «Заботься о нём, он теперь твой...» – попросила она и разжала руки... – По щекам у Молли текли слёзы.

Она закрыла лицо ладонями и наконец дала волю слезам, которые сдерживала столько времени. Она вся содрогалась от рыданий и не

знала, говорил ли что-то Кип, шевелился ли он. Не слышала и не чувствовала. Наконец, она вытерла лицо.

– Клянусь, я хотела тебе сказать. А потом мы добрались до суши, ты пришёл в себя и спросил, где мама, где папа... – Молли снова зарыдала. – И я не смогла. Я просто не смогла произнести эти слова. – Она сжала губы. – Поэтому я рассказала тебе историю.

Даже в красноватых отблесках огня было видно, как побледнел Кип.

– Ты не рассказала историю. Ты соврала, – тихо произнёс он.

– Я знаю, что это никак не исправить. – Молли потянулась к брату, но он отпрянул. – Мне было страшно. И я очень хотела, чтобы моя история оказалась правдой. Хотела думать, что они где-то здесь, в этом большом мире, что у них интересные приключения. Какая-то часть меня верила в то, что это может оказаться правдой. Судно утонуло, но ведь они могли уцелеть!

– Они не уцелели, – жёстко сказал Кип.

Молли кивнула:

– Я знаю. Знаю. И я собиралась рассказать тебе правду. А потом... потом я нашла дерево. И письма. Написанные маминым почерком. И я подумала: «А если они настоящие?» Если чудо случилось и мама с папой живы? Если они уцелели? И тогда моя ложь перестала бы быть ложью. Тогда мы бы перестали быть одни. Я не жду, что ты простишь меня. Ни сейчас, ни потом. Просто пойми, что я пыталась защитить тебя. Пыталась сделать как лучше.

Кип тяжело вздохнул:

– И сколько же людей, погребённых под деревом, были уверены, что поступают как лучше?

Молли молчала. Она не знала, как ответить. Брат посмотрел на неё и опустил голову:

– Я бы хотел тебя возненавидеть. Хотел бы драться, кричать из-за того, что ты врала. Но ты врала не мне. Это ведь было *твоё* желание. А я хотел другого. Даже сильнее, чем хотел того, чтобы вернулись мама с папой. – Кип сжал в руках жестяную баночку. А когда снова посмотрел на сестру, в его глазах стояли слёзы. – И кто я после этого?

Молли обняла брата и прижала к себе:

– Ты самый обычный человек. Не лучше и не хуже других.

Он крепко-крепко обнял её в ответ, сдавив грудную клетку, и Молли уткнулась носом в его лохматую рыжую голову. Они долго не отпускали друг друга, переплетя руки и прижавшись. Это были не просто объятия. В них не было нежности. Они давали друг другу силы: брат держал сестру так же крепко, как она его.

Наконец, всхлипывая, Молли вскинула голову к звёздам.

– Мне кажется, я поняла. Помнишь, Хестер спросила, в чём разница между историей и ложью? И тогда я ответила, что история помогает людям. «В чём помогает?» – спросила она. И теперь я знаю ответ. История помогает людям посмотреть миру в глаза, даже если он пугает. А ложь – совсем наоборот. Она помогает спрятаться от мира.

Кип разжал объятия.

– Похоже, тем дерево и занято, – сказал он и отстранился, чтобы видеть сестру. – Оно помогает человеку обманывать самого себя и притворяться, что окружающего мира не существует.

Он взял с бревна жестяную баночку с лекарством. И с грустной улыбкой – наверное, представив себя здоровым, – швырнул её в огонь. Банка затрещала, зашипела, разбрасывая вокруг себя искры... Мечта сгорела, превратившись в прах. Молли наблюдала, как мужественно брат перемешивает угли над почти сгоревшей жестянкой.

– Кип, ты самый смелый человек из всех, кого я встречала! – сказала она.

Кип вытер нос и спросил, глядя на пламя:

– Знаешь, чего я хочу?

Молли покачала головой:

– Нет. Давай обойдёмся без желаний.

Брат повернулся к ней:

– Хочу, чтобы мама с папой нас сейчас видели.

Молли рассмеялась, размазывая по лицу слёзы.

– Они бы пришли в ужас.

– Чего это? – расплылся в улыбке Кип. – Они бы гордились нами.

И тобой особенно.

Молли отвела глаза, чтобы снова не разреветься.

– Знаешь, что они сказали бы?

– Что, Кип? – спросила она и сжала губы.

– Они бы сказали: «Кип, Молли, мы вас очень сильно любим и хотим, чтобы у вас была счастливая, настоящая жизнь...» – Он замолчал

и обернулся на лес. – ...Но в том доме осталась целая семья, которую надо спасти».

Молли смотрела на брата во все глаза. В тёплых отблесках костра его черты почти повторяли черты отца. Кип был прав. Они бежали от Садовника и бросили Виндзорв. А Констанция лежит там бледная и тает. И в земле ждут могилы. И там осталась Пенни.

Кип поймал её взгляд.

– Они же в опасности, сестрёнка. Надо вернуться и предупредить их, пока ещё не поздно. А кроме нас, у них никого нет. – Он кивнул в сторону повозки. – Ну ещё Галилей.

Молли сделала глубокий вдох. Больше всего ей хотелось покинуть это место и никогда больше сюда не возвращаться. Но она понимала, что бегство ничего не решит, они обязаны вернуться.

Она стиснула ладонь брата:

– Будем верить, что мы втроём справимся.

Возвращение в Прокислый лес

Кип с Молли решили отложить возвращение в поместье Виндзоров до рассвета – ведь пока Садовник приходил только по ночам, и дети надеялись, что солнечный свет защитит их. Они встали с первыми лучами солнца, проспав несколько беспокойных часов у догорающего костра, и сразу же сели на повозку. Не произнося ни слова, доехали до равнины: в тишине не хотелось ничего говорить. Кип крепко держал вожжи, полностью следуя плану, который они выработали накануне. Его задача – забрать вещи из конюшни и похоронить доктора Крюка, если будет кого хоронить. Молли же пойдёт в дом и в последний раз попробует убедить мистера Виндзора забрать семью и уехать. План, конечно, получился незамысловатый, но попробовать стоило.

Казалось, им предстояло проделать самые простые вещи. И всё же... Как только Галилей свернул на дорогу к поместью Виндзоров и показался дом, у Кипа внутри всё сжалось.

– Может, неразумно туда возвращаться?

– Совсем неразумно, – ответила Молли и взяла его за руку. – Только между «разумно» и «правильно» есть разница. Мама и папа всегда хотели, чтобы мы поступали правильно.

– Ну, не дыши, – сказал Кип, и они въехали на мост.

Кип смотрел на реку внизу. Вспоминал, как они впервые попали на этот мост, какой необъяснимый ужас он тогда испытал при виде поместья и дома. Казалось, с тех пор прошла вечность, а на самом деле они провели с Виндзорами чуть больше месяца.

На другом берегу мальчик остановился.

– Что ты делаешь? – спросила Молли, когда брат спустился на землю.

– Да так, хочу посмотреть кое-что.

Кипу пришла в голову идея. У них есть шанс не просто предупредить членов семьи, а сделать чуть больше – для всего леса, для всей деревни! Он достал из-под лавки Мужество и сунул себе под мышку.

– Я быстро.

– Уж постарайся, – попросила Молли, хватая поводья. Бросила беспокойный взгляд на реку. – Осторожнее возле воды.

Кип улыбнулся:

– А ты возле дерева.

Над Прокислым лесом светило солнце.

– Пол-утра прошло. Если мы хотим вывезти Виндзоров до заката, поторопись.

Молли кивнула и, щёлкнув поводьями, направила Галилея к дому. Кип смотрел, как силуэт сестры становится всё меньше: копна вьющихся волос над хрупкой фигуркой. Она стала другой – меньше походила на старшую сестру, четырнадцатилетнюю девчонку, а больше на взрослого человека. Нет, она не стала чужой, но всё же теперь её мысли, радости и горести были тайной для мальчика.

Кип перевёл взгляд на дерево. В лучах яркого утреннего света оно возвышалось, как башня, манило заветной тенью, так и звало укрыться от палящего солнца на мягкой подстилке из опавших листьев. Кип потряс головой, вспомнив, что скрывается под этой листвой.

– Иди осторожнее, Молли, – сказал он неслышно. И отвернулся, опершись на костыль. Когда папа сделал этот костыль, верхняя перекладина была выше Кипа. А теперь приходилось нагибаться, чтобы опора не выскальзывала из-под руки. Но всё же он держал в руках Мужество – и от одного этого становилось легче. Кип рассматривал мост, соединявший остров с остальным лесом. А не он ли таит в себе способ остановить дерево?

Кип видел, на что способен Садовник, и не собирался с ним бороться. Но если бы получилось обрушить мост, люди перестали бы возвращаться на остров. И, может, тогда, лишившись свежих жертв, дерево бы умерло? Может, и нет, но попробовать стоило.

Кип пошёл по мосту, одной рукой держась за толстую верёвку-поручень и высматривая слабые места в настиле. Мост был очень старый – просто удивительно, что он до сих пор не обвалился в реку! Кип несколько раз поскользнулся на влажных от тумана и росы досках, когда переступал с одной на другую.

Возле самого берега он остановился: это место выглядело наименее надёжным. Кип опустил костыль, осторожно встал на колени и наклонился – шум воды сделался оглушающим. Теперь мальчик

внимательно рассматривал балки моста. Опоры утопали в переплетении толстых чёрных корней, тянувшихся от самого острова и заканчивавшихся ровно на том месте, где начиналась дорога.

– Вот почему ты до сих пор не рухнул! Дерево так решило! – пробормотал Кип почти в восхищении.

Пока Кип рассматривал корни, ещё какая-то мысль не давала ему покоя. Он вспомнил ночную погоню: Садовник бежал за ними до самого моста, а на этом месте невидимая сила будто отбросила его назад. На ум пришла ночь, проведённая в волшебном саду: тогда случилось то же самое.

– Ну конечно! – воскликнул Кип. – Он заходит только туда, куда дотянулись корни!

– Кто это – он? – прозвучал внезапный вопрос над самым ухом.

Кип обернулся: прямо у него за спиной стоял Алистер. Из-за шума воды он не слышал, как тот подошёл. Лицо у Алистера было, как всегда, очень бледным, только вот теперь под опухшими глазами краснели круги. Похоже, он плакал. Обеими руками Алистер держал костыль, точно саблю.

Кип медленно выпрямился.

– Доброе утро, – поздоровался он как можно беспечнее.

– Вряд ли «утро» – подходящее слово. Обед скоро. – Алистер взмахнул костылём, как волшебной палочкой. – И где вас носило?

Кипу стоило немало усилий не вцепиться в костыль. Он знал, что, прояви он беспокойство, станет только хуже. Поэтому Кип сжал кулаки и постарался не выдать раздражения.

– Мы ездили на прогулку.

– На прогулку? Моя мать болеет, а вы ездили на прогулку? – Юный Виндзор выставил костыль вперёд, как будто обвиняя Кипа. – Ты же врешь! Вы что-то задумали! Доктор исчез. Отец сам сидит у постели матери. Я нажалуюсь ему, что вы запугали и выгнали доктора.

– Да, доктор испугался. Но мы тут ни при чём.

Кип заглянул Алистеру за спину. На лужайке перед домом по-прежнему лежала дверь конюшни, но ноги доктора из-под неё не торчали.

– Ты что-то знаешь и молчишь! Я тебя уволю!

Кип усмехнулся:

– Не радуйся, мы и так уезжаем.

Алистер отшатнулся, будто получил удар по лицу.

– Вы – *что*?

– Молли сейчас в доме, как раз сообщает об этом твоему отцу. Мы уносим ноги отсюда. И если ты хоть наполовину такой умный, какого из себя строишь, сделаешь то же самое.

Алистер перекинул костыль через плечо, как большой молот.

– Это ещё почему?

Кип прикусил губу:

– Я знаю, ты считаешь дерево хорошим, но оно плохое...

Алистер напрягся:

– Что ты можешь знать о дереве?

Кип шагнул к нему:

– Знаю, что оно вогнало твоего отца в долги перед теми людьми в городе. Знаю, что из-за него заболела твоя мама. Знаю, что из-за него ты стал таким жирным!

Кип всё же не удержался, и, услышав его последние слова, Алистер прищурился и взмахнул костылём. Кипу сперва показалось, что юный Виндзор собирается ударить его по голове, но в следующий миг рука Алистера отклонилась, а костыль повис над рекой.

Кипа охватила паника. Он ринулся к Алистеру:

– Пожалуйста, не надо! Прости меня!

Но тот уже разжал руку, и костыль выпал.

– Упс, – только и сказал Алистер.

Костыль с плеском упал в воду. А вместе с ним – и сердце Кипа. Он проковылял мимо Алистера и навис над водой. Мужества больше не было! А Алистер хохотал и кривлялся, изображая ирландский акцент:

– Было да сплыло твоё Мужество!

Желудок у Кипа скрутило в узел. Костыль был единственной вещью, оставшейся ему от отца, – и вот он его лишился! Мальчик закрыл глаза, пытаясь сдержать слёзы. Нельзя, ни за что нельзя эти слёзы показывать Алистеру! Он медленно вдыхал и выдыхал, не разжимая стиснутых челюстей.

– Ты поступил ужасно...

Алистер скрестил руки на груди:

– И что, теперь ты ударишь меня? Скажешь, что ненавидишь?

Кип схватился за перила моста. Он весь дрожал от злости и стыда.

– Я не испытываю к тебе ненависти, – ответил он и выпрямился. Сильно хромая, опираясь только на здоровую ногу, подошёл к Алистеру. – Мне тебя жаль.

– И почему все повторяют мне это? – тихо спросил тот; в его голосе звучало неподдельное удивление.

Кип шагнул ещё ближе:

– Потому что это правда.

Ему было очень больно, но он старался не показывать этого. Сейчас он смотрел не на Алистера – он смотрел на каждого из мальчишек, которые когда-либо дразнили его, издевались над ним. И думал только об одном: не дать им победить!

– Твоя мама сейчас в доме, она почти мертва, и это очень страшно. Но ещё страшнее другое: она уйдёт в могилу, считая себя матерью эгоистичного, злого садиста, никогда не сделавшего никому ничего хорошего! И она будет права.

Будь это возможно, Алистер побледнел бы ещё больше. У него задрожала челюсть. Кип подумал, что вот сейчас Алистер ударит его, или обругает, или столкнёт в реку... Но ему было уже всё равно. Он развернулся и поковылял к дому. Алистер не двинулся. А когда возле конюшни Кип оглянулся, Алистер все ещё неподвижно стоял на мосту и смотрел ему вслед.

До разговора с мистером Виндзором Молли хотела кое-что сделать. Она спустилась в свою комнату и плотно закрыла за собой дверь. Не прошло и недели с тех пор, как она была там последний раз, но комната стала ей чужой. При виде уродливых чёрных корней, проросших сквозь потолок и стены, девочка содрогнулась. Неужели можно было спать на этой постели?! «Не очень-то крепко здесь и спалось», – напомнила она сама себе.

Молли подошла к шкафу. Ряд пустых крючков, а внизу – сундук, привезённый из дома. Она откинула крышку ногой, быстро, будто внутри притаилась змея. Однако сундук был пуст, только на дне лежала стопка писем от родителей...

У Молли участилось дыхание от одного вида конвертов. Что с ними делать, она пока не придумала, но оставлять в доме их было нельзя: одна мысль о том, что их может прочесть чужой человек, казалась девочке невыносимой. Молли встала на колени и достала письма. Даже сейчас, когда она прекрасно понимала, что письма ненастоящие, у неё появилось острое желание перечитать их в последний раз. Молли поднесла конверты к лицу, втянула ноздрями запах моря... Пусть родителей нет, но их частичка живёт в этих письмах, в каждой строчке, в каждом слове! Она положила письма в карман и отправилась наверх искать мистера Виндзора.

Как Молли и предполагала, Бертран дежурил у постели жены. С тех пор как та упала, он почти не отходил от неё, часами держал её руку в своей, тихонько рассказывал истории из их юности: как он чудил, ухаживая за ней, как они волновались в день свадьбы, как стали родителями. Молли заметила, что, погружаясь в счастливое прошлое, Бертран Виндзор почти перестаёт заикаться.

– Мистер Виндзор, – тихонько окликнула она его. Даже если Бертран и испугался от неожиданности, он никак этого не показал.

– Чудесное возвращение блудной служанки, – только и сказал он, не поднимая головы. – Я уж переживал, что ты сбежала вместе с доктором.

Это был голос человека, уставшего бороться. Молли замаялась. У неё не было времени подумать, как именно говорить с хозяином.

– Дело в том, сэр, что мы с братом больше не можем у вас работать. Думаю, вы знаете причину. Я вернулась за вещами, потом мы уедем.

Плечи мистера Виндзора поникли.

– Вы что... бросаете нас?

– Этот дом – плохое место, сэр. Вы здесь выросли и знаете об этом лучше других.

– В-в-вы не можете уехать. Моя семья нуждается в вас!

– Всё решено, сэр. И я здесь именно для того, чтобы поговорить о вашей семье. – Молли подошла ближе и теперь смотрела Виндзору прямо в глаза. – Вы должны уехать с нами. Сегодня после обеда. Все.

– Это невозможно! Конни больна! З-з-завтра придут мои партнёры, и я не смогу заплатить им... – Бертран вскочил и в волнении зашагал по комнате.

– Так уезжайте прежде, чем они найдут вас!

– Ты не слушаешь! – взорвался хозяин. – Я должен остаться здесь. Рядом с деревом. К-к-как только оно даст мне достаточно денег, я...

Мистер Виндзор сжимал в руке ключ от зелёной двери. Он был глух к любым доводам. Нужны были доказательства. Молли бросилась к хозяину и вырвала у него ключ.

– Отдай! – крикнул он.

Но Молли уже неслась по лестнице вниз.

– Я отдам, сэр! Но сначала я хочу, чтобы вы увидели кое-что!

Молли бежала вниз, а за ней гнался мистер Виндзор. Снаружи возле кучи листьев, с граблями в руках, их ждал Кип. Брат опирался на правую ногу, и Молли удивилась, почему он без костыля.

– Нашёл? – спросила она.

– Ага, – ответил Кип и отошёл в сторону. – Так себе зрелище.

Молли подвела мистера Виндзора к краю ямы, которая больше не была пустой. Внушительное тело доктора Крюка занимало всю узкую могилу. На лице ни кровинки, рот широко разинут в гримасе ужаса... И всё тело оплетено тонкими корешками, пожирающими его.

– Б-б-боже мой, – только и смог молвить Бертран. Ему явно стало нехорошо.

Молли не собиралась торопить его. Не собиралась ничего говорить. Она просто ждала. Наконец мистер Виндзор повернулся к ней.

– Он... м-м-мучился?

– Это случилось быстро. Он даже не успел вскрикнуть.

– Вы должны сказать ему спасибо. Это была ваша могила! – заявил Кип.

Молли метнула на брата красноречивый взгляд: к чему сейчас это злорадство? Она подошла к хозяину и, глядя ему прямо в глаза, произнесла:

– Доктора убили, сэр. Хладнокровно. И уверена, вы знаете, что это было за существо.

Виндзор молчал. Но выражение лица не вызывало сомнений: он знает.

– Плохо. Очень плохо... Доктор Крюк был важным человеком, джентльменом. Может начаться расследование, а потом тюрьма... – забормотал он в конце концов, отступая от могилы и заламывая бледные руки.

– На кону гораздо больше, чем тюрьма, сэр. Покажи остальные, Кип.

Кип сгребал листву, обнажая остальные могилы. Бертран наблюдал молча, но когда показалась последняя – самая маленькая, – он потрясённо прикрыл рот рукой.

– Под рост Пенни... – еле слышно прошептал он.

– Для каждого из нас приготовлена могила, сэр. Дерево выжидает, пока мы достаточно ослабеем и не сможем шевелиться, не сможем сопротивляться. А судя по вашему виду и виду членов вашей семьи, ждать ему осталось недолго...

Мистер Виндзор тряс головой из стороны в сторону, как ребёнок, который не хочет верить.

– Нет, нет, нет... Н-н-не может быть. Оно не так устроено. Доктор в чём-то виноват. Он напугал его или вынудил...

И тут Бертран заметил отломанный сук.

– Кто это сделал? – спросил он глухим ледяным голосом.

Опершись на грабли, Кип пояснил:

– Это была случайность, сэр. Доктор помогал нам с ловушкой и...

Бертран взвился на месте:

– Что? Он – *что?* – Его лицо вновь искажил страх. – Если вы причинили боль дереву, если хотя бы подумали об этом...

– То что? – перебила его Молли. – То мы кончим, как Крюк? Какая разница, быстро или медленно? Все, кто оказывается здесь, кончают одинаково! – Молли говорила, а сердце норовило выскочить из груди, кровь прилила к лицу. – Вы считаете дерево чудом, сэр, но то же самое дерево загоняет людей в могилы!

Молли обвела рукой усеянную холмиками лужайку перед домом. Бертран проследил за её жестом и замер с открытым ртом. Было не понять, осознавал ли он до этого момента, что скрывают зелёные холмики. Во всяком случае, теперь он искал что-то глазами среди могил. И Молли внезапно пришло в голову, что ведь далеко не все погребённые здесь люди – чужие. Для Бертрана Виндзора, по крайней мере.

– Ваши мама с папой, сэр... они ведь тоже здесь?

– Никогда не замечал этого... – молвил Бертран Виндзор, растерянно качая головой. – В ту ночь... в ночь, когда всё случилось, я был у себя в комнате. Родители спорили в холле. Отец изменил мнение о дереве. Решил, что мы болеем из-за него. Хотел срубить его или полить ядом – точно не помню. А вот бурю я помню хорошо. – Он стиснул зубы. – Ни грома, ни ливня. Только ветер. От него весь дом ходил ходуном. Отец кричал вниз. И оттуда же доносился этот нечеловеческий звук, будто с отцом внизу есть ещё кто-то или... что-то. Мама зашла ко мне в комнату. В её глазах был жуткий страх. Она подняла меня с постели и сказала: беги! Беги и никогда сюда не возвращайся! Я был тогда мальчишкой, я не знал, как быть... – Голос у него дрожал, но не от страха. – Она помогла мне выбраться через окно, и я упал на землю. Звал её, уговаривал тоже прыгнуть, но её уже не было.

Виндзор смотрел в никуда, чёрные глаза его блестели. Молли сразу узнала это выражение ужаса в них. Именно так смотрела она сама, когда родители втолкнули её в шлюпку и исчезли. Это был стыд человека, которому посчастливилось выжить.

Молли откашлялась, чтобы вернуть себе голос:

– Если бы вы не убежали, то сейчас лежали бы в одной из могил. А ваша мама хотела, чтобы вы жили. Ели, спали, дышали, смеялись.

Встретили свою жену. Завели детей. Бежать неплохо, если бежать навстречу хорошему...

На лице Бертрана отразилась невыносимая усталость. Он опустился на траву, закрыл лицо руками:

– Мы не можем уехать. У меня нет ничего, кроме этого дома. Ни денег, ни кредита. И Конни слишком больна для дороги.

Молли подошла к нему:

– Существо, погубившее ваших близких, сэр, вернётся. Вернётся сегодня ночью. Надо сделать выбор. – С этими словами Молли вложила ключ в его ладонь. – Берите, идите назад и ждите чуда. Или уезжайте с нами и живите.

Молли открыла дверь в комнату Пенни.

– Вы закончили, мисс?

– Закончила? Да я только начала!

Малышка сидела на полу посреди комнаты перед открытым чемоданом. Он был завален мягкими игрушками, кубиками и куклами. Господи, в каждой руке она держала по кукле!

– Не могу решить, какую взять.

Она посмотрела на одну, на другую... и в отчаянии бросила обеих на пол.

– Почему мы вообще уезжаем?

– Твой папа решил, что так лучше. И я с ним согласна, – ответила Молли и принялась, перекидывая их через руку, собирать разбросанные по комнате вещи, которые нужно было взять с собой. Нарядные платья она не брала, отдавая предпочтение ноской и немаркой одежде. Она не знала, где придётся жить семье Виндзоров, но вряд ли там пригодятся оборки и рюшечки.

Затем Молли встала на коленки рядом с Пенни и приступила к укладке чемодана.

– А если я не хочу уезжать? – спросила малышка. Молли вынула большинство игрушек, освободив место для одежды.

– А я думала, мисс, что вам здесь категорически не нравится!

– Совсем не нравится. Но тут есть кое-что, что мне жалко...

Под набитым опилками плюшевым медведем лежала стопка книжек про принцессу Пенни. Даже в полутёмной комнате обложка заманчиво переливалась позолотой.

– Вот это тебе жалко?

Девочка кивнула. Она коснулась верхней книжки в стопке и взяла её за уголок. На яркой обложке принцесса дралась с великаном, удивительно похожим на Алистера.

Молли положила руку Пенни на плечо:

– Мисс Пенни, на свете много историй гораздо интереснее этой.

Казалось, малышка вот-вот расплачется.

– Как твои? – спросила она.

Молли подмигнула и стала выкладывать книги из чемодана на пол.

– Я думаю, куклам надо оставить что-нибудь почитать.

С этими словами она захлопнула чемодан, крепко затянула ремни и вывела Пенни в коридор.

В доме царило разорение. Мистер Виндзор принял решение уезжать и весь обратился в действие – наверное, опасаясь, что если он будет медлить, то утратит решимость. Несколько часов подряд он носился из комнаты в комнату, собирая самые необходимые вещи, которые могли влезть в экипаж. Алистер нехотя таскался следом, но всё же помогал по мере необходимости.

Молли вышла на улицу проверить, как у Кипа идут дела с подготовкой повозки. Брат как раз вывел экипаж на подъездную дорожку и пристраивал в неё большую канистру. Рядом стояло ещё несколько ёмкостей – все разного размера, – позаимствованных с кухни.

– Это ещё что? – поинтересовалась Молли.

Кип вытер руки о штанины.

– Керосин, смазка для осей, скипидар, топлёное сало и даже немного бренди.

– Ты собрался готовить?

– Вроде того, – ответил Кип, выпрямляясь на повозке и стараясь не опираться на больную ногу. И снова Молли не увидела рядом костыля. – Я знаю, что дереву мы вреда не сможем нанести, но мы сделаем так, чтобы к нему стало сложно добраться. Если мы обрушим мост, то сюда ещё долго никто не придёт. Опоры толстые – их не перерубить, но есть способ получше.

Кип похлопал по канистре:

– Как только мы с Виндзорами переедем мост, я оболью опоры вот этим и подожгу.

Молли смотрела на ряды ржавых канистр.

– А если всё это рванёт?

Кип расплылся в улыбке:

– Это будет отлично!

К концу дня семья собрала вещи и была готова к отъезду. Сумки и чемоданы ждали внизу. Оставалось решить, как быть с миссис

Виндзор: она хоть и пришла в себя, но по-прежнему была слишком слаба, чтобы передвигаться самостоятельно.

Когда Молли с хозяином и Алистером вошли в её спальню, миссис Виндзор сидела на кровати, схватившись за сердце, с глазами, полными ужаса.

– Бертран! Где моё кольцо?

Муж бросился к ней, покрывая поцелуями её руку:

– Милая, больше не надо колец! Мы увезём тебя. В безопасное место, – приговаривал он, глядя её по спутанным волосам.

Краем глаза Молли наблюдала за Алистером. Он смотрел на родителей, но его лицо больше не выражало презрение: это было нечто другое. Он задумчиво кусал себе губы, будто вёл в уме сложные расчёты. Молли выглянула в окно. Красный диск солнца был ровно над краем долины. Она прикоснулась к плечу хозяина:

– Скоро закат.

Мистер Виндзор отпустил руку жены. Кровать была слишком велика для дверного проёма, поэтому решили вынести сначала саму миссис Виндзор, а следом, повернув на бок, перину. Бертран взял Констанцию на руки, а Молли с Алистером стащили с кровати тяжёлую пуховую перину.

Они выволокли её в холл, следом хозяин нёс жену, что-то нашептывая ей на ушко, как маленькой девочке. Внизу она потеряла сознание. Бертран бережно опустил жену на перину, разложенную перед лестницей, а Молли укрыла её одеялами.

– Если она не перенесёт... – сказал он, проводя ладонью по лицу провалившейся в забытье жены.

К дому подъехала лошадь.

– Кип с повозкой уже здесь, – напомнила Молли. Бертран встал, взял чемодан. Вышел в центр прихожей, обвёл глазами стены, окна, потолок – прощальный взгляд на дом, в котором он вырос.

– Вряд ли я стану скучать, – сказал он.

– Вы удивитесь, насколько сильно будете скучать, – сказала Молли. И добавила: – Но оставаться всё равно нельзя.

Мистер Виндзор подошёл к входной двери, взялся за ручку, открыл дверь, и...

– Здравствуйте, мистер!

В дом на глазах у удивлённого семейства ввалились двое мужчин: один чрезмерно долговязый, а другой – коротышка. Шиш и Штыб!

– Куда это вы намылились? – с широкой ухмылкой поинтересовался Штыб.

Нежданные гости

Молли лежала в коридоре на полу, связанная грубой верёвкой, которая резала кожу не хуже наждачки. Она вертелась и пыталась выпутаться, найти слабое место, непрочный узел, но ничего не выходило. Чемоданы были открыты, их содержимое валялось на полу, шторы были сорваны, мебель опрокинута...

– Мне страшно, Молли, – шепнула ей на ухо Пенни, которую связали, как и остальных. Её очки, слетевшие с лица, валялись рядом.

Молли с трудом выдавила улыбку:

– Тише, милая. С тобой всё будет хорошо.

Где-то наверху один за другим посыпались на пол предметы – судя по звуку, гости сбрасывали с полок книги. В отличие от прошлого раза Шиш и Штыб не стали тратить время на угрозы и ультиматумы. Они сразу связали всех членов семьи и принялись обыскивать дом.

– Похоже, им там весело, – пробормотал Кип.

Он попытался спрятаться на конюшне, но Шиш нашёл его и уложил, связанного, рядом с сестрой. Зато так они могли переговариваться, не боясь напугать остальных.

– Надо выбираться, – прошептала Молли, чтобы Пенни не услышала. – Как только сядет солнце, появится Ночной садовник. И я почему-то думаю, что он совсем не подобрел.

Молли вытянула шею, выглядывая на улицу. Солнце над линией леса стало багрово-красным, а на небе выцветали последние отблески дневного света.

– Наш простой план был на такое не рассчитан, – проговорил Кип.

Шиш и Штыб вернулись в прихожую как ни в чём не бывало. И без того не слишком опрятные пальто обоих были украшены налипшими щепками, крошками, перьями из подушек... Шиш держал в руках портрет семьи Виндзоров, весь продырявленный. Он просунул голову в дыру над телом миссис Виндзор и, послав несколько воздушных поцелуев, спросил:

– Разве я не милашка?

– Ну что, в кабинете поработали, можно и по спальням прошвырнуться, – заявил Штыб, потирая руки и глядя на мистера Виндзора, который получил удар по лицу и теперь лежал, слизывая кровь с рассечённой губы. – Или вы избавите нас от хлопот, а?

– С-с-с-сказал же вам: у меня ничего нет!

Штыб наклонил голову на бок:

– А я с-с-с-сказал, что мы не уйдём, пока не найдём что-нибудь интересное.

Шиш выудил из чемодана Констанции какую-то вещь.

– Сойдёт за интересное? – поинтересовался он, размахивая над головой парой чулок.

– Мы так не договаривались! Вы должны были явиться утром! – простонал Бертран.

– Тут такое дело, – ответил Штыб, почесав в затылке. – Мы с мистером Шишем не первый день в этом бизнесе и кое-что усвоили. Люди норовят исчезнуть прямо перед тем, как мы к ним соберёмся в гости. Так что мы являемся на денёк-другой раньше. И, как видно, не зря, – заключил он, пнув ногой один из чемоданов.

Вскрытые, но не сломанные напольные часы пробили семь раз. Бертран посмотрел на Молли, показывая, что не хуже её понимает, как важно покинуть дом до наступления ночи, повернулся к гостям с улыбкой, которую в других обстоятельствах можно было бы назвать обворожительной, и заговорил:

– Уважаемые господа, я должен принести вам самые искренние извинения. Вы проделали такой долгий путь, а я не проявил гостеприимства. Возьмите всё: мебель, одежду, весь дом. Только, пожалуйста, отпустите нас!

Штыб навис над ним всем брюхом, на котором трещали пуговицы пальто, и сказал:

– Я смотрю, ты собрался раствориться в тумане.

Затем достал из нагрудного кармана носовой платок, и Молли успела заметить, что за поясом у него сверкнул нож.

– Знаете, мистер Шиш, я слышал, что некоторые богатеи зашивают денежки прямо в одежду, – задумчиво сказал Штыб и принялся протирать платком стекло моногля. – Они так прячут их от воров, разбойников и подобного люда.

Шиш встал рядом со своим упитанным партнёром.

– Вы сказали, мистер Штыб, и я сразу вспомнил, что тоже слышал.

Вставив на место монокль, Штыб поддержал беседу:

– В таком случае, я полагаю, нам имеет смысл искать более тщательно.

Он достал из-за пояса нож и изящно, будто художник кисточку, передал его Шишу. Шиш привычным движением взял нож и прошёлся по холлу, наставляя острие на каждого связанного.

– Мимо... мимо... мимо... попал! – выкрикнул он и остановился возле Констанции. Та, едва в сознании, смотрела на него, ничего не понимая.

– Берти... – слабым голосом позвала она.

– Нет! – закричал Виндзор, бешено пытаясь вырваться из пут. – Она больна! Только не её!

– Больна? Превосходно, значит, не станет сопротивляться, – заключил Шиш, становясь на колени. Широко взмахнув ножом, он сдёрнул с Констанции одеяла и вспорол перину почти во всю длину; пух и перо посыпались на пол. – Ну, поиграем в «горячо – холодно», – сказал он, запуская руку в матрас в поисках драгоценностей.

С выражением омерзения на лице Констанция закрыла глаза. Бертран рвался к жене как безумный.

– Оставьте её! Оставьте её! – кричал он.

– Поутихни! – бросил Штыб, ударив Виндзора ботинком в челюсть.

Голова того откинулась назад, из носа хлынула кровь.

– Пожалуйста, оставьте её... – заскулил он.

Молли наблюдала за гостями. Ликующие и одновременно угрюмые рожи. Да они готовы всю ночь тут провести. Но ночи в распоряжении Виндзоров не было. Молли попробовала пошарить по полу в поисках осколка стекла или какого-нибудь гвоздя – любого предмета, которым можно разрезать верёвку. Её внимание снова привлёк нож, торчавший за поясом Шиша: если его отвлечь, она успеет незаметно вытащить нож.

Молли закрыла глаза и попыталась отрешиться от всего происходящего. Ей нужно, нужно, нужно было найти выход! А когда девочка снова открыла глаза, они азартно сияли.

– Достаточно? – поинтересовался Штыб, ещё раз ударив Бертрана по лицу. – А то я всю ночь могу так развлекаться.

– Да бейте его сколько влезет. Он ничего не скажет! – крикнула Молли. – Эти богатеи скорее сдохнут, чем хоть пенни упустят.

В прихожей повисла гробовая тишина, а все взгляды обратились к ней.

– Хочешь на его место? – поинтересовался Штыб. Молли вскинула бровь.

– Мы же с вами не Виндзоры, – слащаво заговорила она. – Я сразу это поняла. Мы же без серебряной ложки во рту родились. Приходится всё брать самим...

Штыб непроизвольно кивнул, а Молли одарила его улыбкой. Сработало!

– Возьмите меня с собой, и я сама скажу вам, где деньги. Как вам такое предложение?

Штыб скорчил задумчивую гримасу, явно отражавшую внутреннюю борьбу.

– А откуда служанке знать, где тайник?

– Слуги знают дом, где работают, вдоль и поперёк. Все секреты! Это уже пятый мой дом. Уж поверьте, опыта у меня хватает, чтобы уяснить положение вещей, а затем смыться со всеми денежками, что я могу унести. А сейчас думаю, что пора обзавестись деловыми партнёрами. Может, банк в городе обчистим?

– Молли, ты что? – зашипел Кип.

Но она не обратила внимания на брата:

– Виндзорам всегда было плевать на меня, а уж мне на них тем более! – Главное было не смотреть на Пенни в этот момент. – Вы для них – заслуженная кара...

Штыб расплылся в улыбке – уж очень ему понравилась мысль о том, что они воздадут этой семейке по заслугам.

– В кармашке жилета мистера Виндзора спрятан ключик. Он отпирает дверь кладовки наверху. А уж там всё, что вы пожелаете. – Она поймала глазами взгляд Штыба. – Всё, чего вы достойны.

Последнее слово стало наживкой, на которую должна была клюнуть рыбка. Штыб смотрел на Молли как загипнотизированный. Монокль выпал у него из глаза и болтался на цепочке. Он кивнул Шишу:

– Проверим, а?

Тот оставил Констанцию в покое и принялся сноровисто обыскивать Бертрана.

– Похоже, девчонка сказала правду, – доложил он, извлекая из кармашка ключ.

– Ты пойдёшь с нами, соплячка, – приказал Штыб, вздёрнув Молли на ноги. – И если ты соврала, следующими мы будем обыскивать уже трупы...

– Вы меня на себе понесёте? – поинтересовалась Молли, покосившись на связанные лодыжки.

Штыб закатил глаза и сделал напарнику знак разрезать верёвки. Молли почувствовала, как путы упали с ног, а кровь побежала по жилам. Перед самыми её глазами, в нескольких сантиметрах, Шиш засунул за пояс нож.

Шиш и Штыб повели Молли вверх. Она знать не знала, что ждёт их в комнате, но очень надеялась, что любой подарок отвлечёт их хоть на мгновение.

Перед зелёной дверью Штыб остановился, вставил ключ в замок, коснулся края котелка, повернул ключ, распахнул дверь и толкнул Молли вперёд.

– Только после вас, – сказал он.

Молли сделала вдох и шагнула внутрь.

Кип видел, как сестра скрылась в комнате, а два бандита зашли следом, громко захлопнув двери.

Он не понял, зачем Молли решила показать этим типам комнату с деревом, но по её лицу видел: у неё есть план, потому что такое же лицо у Молли становилось, когда она рассказывала историю.

– Она правда так думает? Ей на нас правда плевать? – горько спросила Пенни.

– Совсем нет. Вы ей важны гораздо больше, чем подозреваете, – ответил Кип с улыбкой, стараясь не обращать внимания на сильную боль в левой ноге: бандиты, связывая его, с искалеченной ногой обошлись особенно грубо. – Давай просто ей доверимся.

Мистеру Виндзору удалось подобраться ближе к жене, и теперь он держал её за руку и шептал какие-то утешительные слова.

– Надеюсь, ты прав. Потому что, как только эта парочка поймёт, на что способно дерево, они нас сразу же прикончат, – сказал он Кипу.

Кип посмотрел, как быстро темнеет небо:

– А если не они, то придёт Ночной садовник, и нам всё равно конец.

– Что они там делают, как вы думаете? – спросил Алистер. – Почему так тихо?

Кип уставился на закрытую дверь.

– Не знаю. Может, дерево не работает, потому что они там втроём...

Но Кип не закончил мысль – его прервали крики. То ли радости, то ли боли... Вот дверь распахнулась, и на лестнице появился коротышка. Он прижимал к груди листы бумаги.

– Вексели! Сотни, сотни векселей! – заорал он и швырнул всю пачку через перила. – А ты и правда банкрот, сукин ты сын!

Он ткнул пальцем в сторону мистера Виндзора и, издав радостный вопль, бросился обратно в комнату.

– Что такое «вексели»? – спросил Кип.

Алистер всматривался в бумажки, разлетевшиеся по полу.

– Деньги. Много денег, – ответил он.

– И я хочу посмотреть, – заявила Пенни и поползла к одному из листков.

– Не смейте трогать! Никто! – приказал мистер Виндзор. – Мы больше не прикасаемся к подаркам дерева.

Кип слушал, как вопят и веселятся возле дерева Шиш и Штыб. Что бы его сестра ни придумала, ей удалось воплотить свой план в жизнь очень быстро: оба бандита появились на лестнице с охапками денег и бросились вниз, роняя вексели на ходу.

Они набили векселями повозку и вернулись в дом, задыхаясь от возбуждения. Коротышка схватил сундук, вывернул на пол его содержимое и, выкрикнув: «Кто последний, тот дурак!», кинулся вверх по лестнице. За ним понёсся второй, толкая и обгоняя партнёра, чтобы попасть в комнату первым.

Длинный перепрыгивал через три ступеньки. Кип улыбнулся.

– Ну Молли и хитрюга!

– Ничего смешного, – сказал мистер Виндзор.

– Вы просто невнимательно смотрели, – ответил Кип, указав взглядом на зелёную дверь. – Он вышел без ножа.

Молли крепко держала рукоятку украденного ножа, вдавливая лезвие в верёвки. Она понимала, что действовать надо осторожно. Верёвка была толстая, и пилить приходилось медленно, иначе её поймают. Шиш и Штыб метались вокруг, вылавливая из дупла пачки векселей и набивая ими сундук, который они притащили снизу.

– Это всё? – спросил Шиш, когда дупло опустело.

– Я там дна не вижу, – ответил Штыб, запустив внутрь руку и ощупывая стенки. – Наверняка внутри ещё есть, но я не достаю.

Молли пилила верёвку, не обращая на них внимания. Пусть она вооружена, двоих мужчин ей не одолеть. Но если ей удастся выскочить наружу, она запрёт их, и тогда времени хватит, чтобы освободить остальных и добраться до главной дороги.

Шиш хлопнул в ладоши.

– У меня мысль! – завопил он с такой радостью, что стало ясно: мысли являются к нему нечасто. – Сейчас вернусь!

Он выбежал из комнаты, и шаги загрохотали вниз по ступенькам. Штыб же тем временем собирал с пола последние бумажки. Что не лезло в сундук, он распахивал по карманам.

– Сейчас выскребем всё до нитки из этого дерева и поминай как звали. Но сначала Виндзоров порешим, – сообщил он для поддержания беседы.

У Молли сжалось сердце.

– Вы хотите их... убить?

Штыб пожал плечами:

– Ничего не поделаешь. Нельзя же, чтобы кто-то разболтал о нашем... везении. – Пачка векселей отправилась за пояс брюк. – Помнится, мы обещали тебя прихватить, но, кажись, планы у нас поменялись. В повозку теперь третий не влезет.

Дверь распахнулась. Зашёл Шиш, обеими руками держа увесистый предмет.

– Смотрите-ка, что я на нашёл конюшне!

Молли похолодела:

– Что это?

– А на что похоже? Топор! – Он провёл пальцем по лезвию. – Сейчас вырубим дупло побольше и залезем внутрь.

Он высоко воздел топорище и двинулся к дереву.

– Нет! Нет! Стойте! Дереву нельзя вредить! Если вы его раните...

Лезвие глубоко впилося в ствол рядом с дуплом. Шиш выдернул его – и из раны потёк густой, как патока, чёрный сок. Молли услышала, как глухо завыл ветер. Завыл и наполнил дом, проникая сквозь трещины и щели. Стены, крыша, лестница, двери, порог – всё закрипело, закачалось, заскрежетало...

– Стойте! Остановитесь немедленно! Вы не знаете, что будет!

– Да что ты! – отозвался Шиш и снова занёс топор.

Но на этот раз лезвие не вошло в ствол. Топор остановила бледная тощая рука. Рука с чёрным оборванным рукавом. Рука, вылезшая по локоть из дерева. Шиш выпустил топор, но тот не упал, а так и остался висеть, удерживаемый призраком.

– Что... что это? – спросил Шиш, отступая к Штыбу.

– Само зло! – отозвалась Молли, яростно кромсая верёвку: от свободы её отделяли последние волокна.

В комнате завывал, кружил вексели ледяной чёрный ветер. Штыб и Шиш вцепились друг в друга.

– Пора бежать? – спросил Штыб.

– Пора! – согласился Шиш.

Но ни один не двинулся. Они замерли, не в силах отвести взгляд от того, что происходило прямо перед ними. Вот из дупла появилась вторая рука. Вот схватилась за край. Медленно, удивительно медленно Ночной садовник выбрался наружу: сначала появился по пояс, потом вытянул тело – и встал наконец перед ними в полный рост.

Пару раз он покачнулся, лоя равновесие. По шее у него текла толстая струя чёрного сока. Он внимательно рассматривал зажатый в руке топор, с лезвия которого по-прежнему капала смоляная жидкость.

Молли не собиралась стоять и ждать, что будет дальше. Как только нож окончательно рассёк верёвку, она вскочила на ноги и, бросившись к выходу, схватилась за ручку.

– Стой! – заорал Штыб и кинулся следом.

Молли успела захлопнуть дверь у него перед носом, повернуть ключ и сломать его прямо в замке. Бандит колотил по двери изнутри.

– Открой! Открой! – вопил он.

Дверь сотряс порыв ветра. Молли услышала страшный треск и отчаянный крик. С ножом в руке она бросилась вниз по ступенькам. Крики за спиной становились всё громче.

– Молли! – завопила Пенни.

– Я же сказал, она вернётся! – гордо заявил Кип, пока она разрезала на нём верёвки.

Дом сотряс ещё один порыв ветра. Судя по звуку, что-то тяжёлое упало на пол.

– Дверь долго не выдержит! Нам надо бежать! Следующие мы!

Кип растирал затёкшие запястья.

– У меня идея. Ты помогай Виндзорам. А я задержу его, и всем хватит времени уйти. Всё равно сейчас я не смогу бежать. Мне нужна будет помощь...

Кип попытался встать, опираясь о стену. Ноги его не слушались.

– Я помогу, – прозвучало тихое обещание.

Молли с Кипом обернулись: Алистер.

– Ты? – спросила Молли, не веря своим ушам.

Вся семья смотрела на Алистера, а тот смотрел на Кипа.

– По моей вине ты лишился костыля. Мне и отвечать, – объяснил Алистер.

Констанция села, прижав к груди руки мужа:

– Берти, не позволяй ему. Запрети ему...

Дом снова вздрогнул. Раздался истошный крик. И – тишина. Штыба и Шиша не стало.

Молли освободила руки и ноги Алистера от верёвок. – Ты не обязан... – начала она.

– Я знаю, – ответил он, поднимаясь. – Но я так решил.

Он подошёл к Кипу и закинул его руку себе на плечо. Снова взвыл ветер. Зелёная дверь слетела с петель и загрохотала по лестнице, приземлившись как раз перед Виндзорами. Бертран схватил жену за руку.

– Это он...

– Ночной человек... – прошептала Пенни.

Вся семья в оцепенении наблюдала, как Ночной садовник вышел в коридор. С топором в руках остановился на верхней ступеньке. Пальто его было измазано чем-то тёмным и влажно блестело. И Молли

подумала, что это не сок дерева. Алистер начал отступать к выходу, волоча на себе Кипа.

– Говоришь, ему не нравится, когда вредят дереву? Молли кивнула. Тогда Алистер схватился за толстую ветку, торчавшую из стены прихожей.

– Ну сейчас он взбесится! – И Алистер всем телом повис на ветке и с треском вырвал её из стены.

Садовник пошатнулся, выронил топор и взвыл от боли, схватившись за грудь.

– Поймай, если сможешь! – крикнул Алистер, и они с Кипом выскочили на улицу.

Алистер тащил на себе Кипа по гравийной дорожке, а тот очень старался не отставать.

– Нужно заманить его в лес на дальнем краю острова, – объяснил Кип. – Там он нам не страшен.

Кип знал место, куда не доставали корни дерева, а значит, где их не сможет схватить Садовник. Главное, добраться туда живыми.

Завывающий порыв ветра пронёсся по дорожке, почти сбив Кипа с ног.

– Он слишком быстро идёт... – Кип задыхался. – Нам его не обогнать.

– И не надо, – ответил Алистер, а потом свернул с дорожки и толкнул Кипа на траву. – Встретимся в лесу, – сказал он, опустился на колени и тут же исчез за ближайшим холмиком, благодаря теням увидеть Алистера было невозможно.

Полная луна в ночном небе освещала всё пространство перед домом. Кип лежал плашмя и пытался привести мысли в порядок. Они часами играли на этой лужайке. «Это самые обычные прятки», – сказал он себе, прекрасно понимая, что теперь правила изменились. Если тебя поймут, то твоя очередь искать не наступит – наступит твоя очередь умирать. Он закрыл глаза. Как же отчаянно хотелось, чтобы было за что ухватиться. Он нуждался в Мужестве.

Сзади раздался вой. Кип осторожно приподнял голову. Ночной садовник стоял возле дома и всматривался в темноту. Кип всем телом вжался в траву, постаравшись слиться с ней. Затем медленно-медленно выпрямил руку и подтянул тело на несколько сантиметров вперёд. Эти действия он повторил несколько раз, пока не оказался на один холм ближе к заветной цели.

Ползти было мучительно: болела не только нога, но всё тело. Как там Молли и Виндзоры? Если он не доберётся до леса, им конец. Кип приложил ухо к земле, пытаясь понять, где же Садовник.

Его накрыла тень. Воздух задрожал. Кип поднял глаза: Садовник стоял рядом, вперившись пустыми глазницами в край леса. Кип боялся

пошевелиться, боялся выдохнуть, боялся отвести глаза...

Пум! В спину Ночному садовнику прилетел камень. Призрак зарычал и отвернулся от Кипа.

– Сюда! – крикнул Алистер и выскочил из-за холмика неподалёку.

Он издал звук, имитирующий испражнение кишечника, и скрылся в траве. Садовник бросился за ним, окружённый потоком листвы.

Кип слышал, как призрак рыскает в поисках Алистера. И тогда он нащупал камень, выпрямился – и бросил его со всей силы. *Пум!* Точное попадание! У Садовника слетел с головы цилиндр. Кип торжествующе рассмеялся и рухнул в траву. А когда Садовник вернулся на место, где Кип упал, его там уже не было.

Пум! Пум! Пум! Пум! Так медленно, но уверенно мальчишки продвигались между пригорками, забрасывая Садовника камнями. Он в бешенстве носился от холма к холму, совершенно сбитый с толку. Кип улыбался: впервые в жизни он испытывал такой азарт. Они с Алистером работали командой – вместе делали то, что поодиночке было невозможно.

Перед Кипом вырос залитый луной край леса. Ему удалось – удалось невероятное: он добрался. Рычание. И порыв ветра отбросил его. Он перекатился на спину. Садовник летел к нему. Лохмотья развевались на ветру, листья кружились в диком танце.

– Алистер! – закричал Кип, пытаясь подняться и падая.

Рядом метнулась тень.

– Бежим! – крикнул Алистер, схватил Кипа под мышку и поволок за собой, больно ударяя об землю. И вот они оба оказались в лесу.

Ветер кружил высоко в воздухе хоровод из листвы. Лошадь, на которой приехали Штыб и Шиш, испугалась бури и сбежала, но Галилей был на месте – ждал указаний.

– Упёртый и терпеливый, – похвалила его Молли, похлопав коня по боку.

Тот фыркнул и топнул копытом по гравию.

Молли вернулась в дом за Пенни. Малышка – не пострадавшая, но испуганная – сразу крепко обхватила Молли за шею. Так Молли и перенесла её в повозку. Там Пенни тут же перелезла к ней на коленки и взяла за руку:

– Кип и Алистер успеют убежать от ночного человека?

Как же Молли хотелось самой знать ответ! Хотелось рассказать Пенни историю, поддержать и взбодрить... Но даже истории не всегда помогают.

– Не знаю, мисс Пенни, вот в чём правда. – Она похлопала малышку по руке. – Но я бы слишком не волновалась. Братцы – те ещё проныры...

Пенни согласно кивнула:

– Что есть, то есть.

Очередной порыв ветра взвихрился вокруг повозки, чуть не опрокинув Галилея.

– Тише, тише, мальчик, – успокаивала Молли коня, глядя его по боку.

Она откинула с глаз спутанные волосы и вгляделась в лесную чащу. Кип был где-то там. И Алистер. И... Садовник. Ей даже показалось, что ветер донёс до неё крик брата. Как же ей хотелось ошибаться!

– Идём, идём, мой хороший. Всего пара шагов...

В дверях появился Бертран Виндзор с Констанцией на руках. Она обвила его шею, голову положила на грудь. Глаза у неё были широко раскрыты, а тело сотрясалось от каждого вдоха.

– Держу тебя. Я держу... – приговаривал Бертран. Молли отодвинула канистры, чтобы освободить для них место на дне повозки.

– Извините, мэм, кучера и четвёрки лошадей не будет, – сказала она.

Бертран Виндзор уложил жену на доски так бережно, будто спускал на воду бумажный кораблик. Молли закрыла бортник.

– Я отвезу вас в безопасное место, а сама вернусь ждать Кипа и Алистера у дороги, – сказала она Виндзору и сделала знак забираться в повозку.

Бертран кивнул, но не шелохнулся. Он смотрел на лес – на чёрный контур, подсвеченный луной.

– Он там охотится на них...

– С ними всё будет хорошо, – сказала Молли не столько ему, сколько себе. – Кип уже прятался от Садовника. Он знает особое место, где монстр их не достанет.

– Но туда ещё надо добраться! – почти рявкнул Бертран. – Твой брат хромает! Алистер ещё мальчишка...

Дрожащей рукой он провёл по волосам. Наверняка представлял, как там его сын один, в темноте. Или вспоминал родителей в ночь, так похожую на эту...

Равнину сотряс дикий рык.

– Не будем думать об этом, сэр. Кип и Алистер выиграли для нас время. Давайте потратим его с пользой. Они там сами справятся.

Бертран внимательно посмотрел на неё:

– А если мы в силах им помочь? Ты же говорила, что остановить Садовника можно, только навредив дереву...

Молли покачала головой:

– Я же не знаю наверняка, сэр.

– Так давай убьём дерево и проверим.

– Сюда! – крикнул Кип, указывая на пятно света, мерцающее впереди.

Они с Алистером продирались сквозь чёрный, залитый луной лес. Им надо было как можно скорее попасть в заброшенный цветник на самом краю острова – туда, куда Ночной садовник не мог последовать за ними.

– Как только мы доберёмся до того светлого круга, мы спасены!

– Мы сможем! – С этими словами Алистер крепче обхватил Кипа, помогая ему идти. Лицо его было полно решимости.

Вой Садовника нагнал беглецов. Ветер ударил Кипа в спину, сбил с ног, опрокинул на землю. Кип закричал от боли, пронзившей бок. Затрещали ветки, и из тени резко появился Садовник. От его былой медлительности не осталось и следа, он бежал. Под светом луны лицо было мертвенно-белым.

– Вставай!

Перепуганный Алистер поднял Кипа, и они побежали вперёд, цепляясь за корни, спотыкаясь о камни. Пока впереди маячил серебристый свет, у мальчиков была надежда на спасение. Кип подумал о сестре и остальных: они уже, наверное, успели погрузиться на повозку и теперь в относительной безопасности... До цветника оставалось не больше пятидесяти шагов, и Кип, задыхаясь, устремился туда.

Но вдруг ветер почти стих, а преследователь отстал. Кип обернулся: Ночной садовник замер посреди леса, его руки вращались, как крылья взбесившейся мельницы, горло издавало низкий нечеловеческий стон.

– Почему... он... остановился? – еле выговорил Алистер.

Садовник уже не стонал, а выл – низко, громко, протяжно. Кипа пробрал ледяной ужас, потому что ветер вновь набрал силу, а от земли неожиданно потянулся холодный туман. Он дополз до самых верхушек деревьев и затянул, заволок всё вокруг. Сквозь ветви Кип вглядывался в небо.

– Смотри... оно меняется... небо...

Туман клубами поднимался вверх, обволакивал верхушки деревьев, смыкался вверху непроглядным пологом, закрывая звёздное небо и луну. Кип снова посмотрел на Садовника. В стремительно исчезающем свете ему удалось увидеть его лицо, искривлённые в улыбке сжатые губы... И наступила темнота.

– Вперёд, Алистер! Нельзя стоять!

Кип схватил Алистера за руку, но вокруг был сплошной мрак.

– Куда? – в панике крикнул Алистер.

Кип тщетно пытался отыскать в темноте дорогу, но луна исчезла. А вместе с ней – их надежда на спасение.

Рыцарь и прекрасная дама

Идея мистера Виндзора напугала Молли, ведь сколько человек до него пытались срубить дерево, но безрезультатно! Ночной садовник всегда побеждал. Однако у них с хозяином было средство, действующее надёжнее любого топора или пилы, – Кип оставил им запас керосина, которым можно было спалить целый город.

Мистер Виндзор занялся приготовлениями, пока Молли отгоняла повозку на безопасное расстояние. Пенни она усадила рядом на переднюю скамью и показала, как управлять лошадью. Когда повозка преодолела мост, Молли вручила поводья малышке. Ручки девочки крепко сжали два кожаных повода.

– Теперь твоя очередь, мисс Пенни! Если что пойдёт не так – огонь станет слишком сильным или ночной гость появится, – дёрни их изо всех сил. Вот так! – И Молли сделала соответствующее движение руками.

Пенни кивнула.

– И хлестай поводьями, пока руки не отвалятся. А когда почувствуешь, что вот-вот отвалятся, только тогда можешь перестать. Ясно? Я могу на тебя положиться?

Пенни приложила ладошку к сердцу.

– Мапочка – моя Прекрасная Дама. Я отдам за неё жизнь!

– Настоящий рыцарь! – Молли сжала ладошки девочки в своих. «Я не прощаюсь», – мысленно произнесла она и спрыгнула на землю.

– Спасибо тебе, – слабым голосом проговорила миссис Виндзор. Она сидела, завернувшись в одеяло, и её хрупкие плечи дрожали.

Молли покачала головой:

– Вам не за что меня благодарить. Смелычаками оказались Алистер с Кипом.

Констанция улыбнулась.

– Спасибо тебе за него, – сказала она, кивнув головой в сторону дома: там вдалеке Бертран выливал под расплзшиеся корни дерева последнюю канистру. Он снял пальто, закатал рукава...

– Впервые за долгое-долгое время я чувствую, что мой муж снова рядом.

Даже в неверном ночном свете Молли видела совсем другого Бертрана Виндзора – сильного, решительного, того, которого Констанция полюбила много лет назад. Но вот дикий вой огласил окрестности, луну быстро затянули тяжёлые тучи, и они остались в темноте.

– Надо помочь ему, – бросила Молли и, схватив спички, побежала к дому.

Там Бертран вытряхивал на ствол последние капли керосина. Пустая канистра полетела на траву.

– Всё, последняя! – довольно сообщил он, вытирая руки.

– Тогда не будем тянуть, – сказала Молли, протягивая ему спички и поднятый с дорожки камень.

Бертран открыл коробок, достал одну спичку.

– Руки трясутся, – заметил он.

Молли смотрела на чёрные ветки, расползающиеся, как спрут, на фоне безлунного неба.

– Ничего удивительного.

Бертран набрал в грудь воздуха. Чиркнул спичкой по камню. Спичка вспыхнула. Он поднёс её к корням – и разжал пальцы.

Вцепившись друг в друга, Кип с Алистером пробирались сквозь густую темноту. Они утратили надежду на спасение. Кип даже не понимал теперь, в какой стороне дом. Голос Садовника ветром свистел в ушах. Луна исчезла, а вместе с ней – и шанс найти в лесу ту самую безопасную поляну. Казалось, куда бы они ни пошли, везде их ждёт Садовник, заколдовавший весь лес. Ветки хлестали мальчишек по лицу, рвали одежду.

– Я не знаю, куда идти, – сказал Кип, задыхаясь. Шипение ветра – и они отпрянули, вновь сменили направление.

– Почему он не покажет себя? – в ужасе спросил Алистер.

– Играет с нами.

Кип вытянул шею, пытаясь уловить хоть какой-то намёк, куда двигаться дальше.

– Сюда! – сказал он, заметив светлое пятнышко среди деревьев. И они с Алистером бросились вперёд, ударяясь о камни, калеча ноги. Ворвались на поляну...

– Стой! – заорал Алистер.

Кип глянул под ноги: они оказались на краю обрыва. Внизу шумела река – чёрная, ледяная. Треснула ветка. Кип обернулся: прямо у них за спиной стоял и ухмылялся Ночной садовник. Он загнал их к воде.

– Осталось выбрать, он или река.

Ночь вдруг содрогнулась от оглушительного рыка Садовника. Он отпрянул назад, взвыл, вцепился в своё одеяние и рухнул на землю. Крохотные языки пламени охватили его ноги, карабкаясь по пальто...

– Что... что с ним? П-почему он горит? – заикаясь, спросил Алистер.

Кип посмотрел в сторону дома. В небо поднималось красноватое зарево.

– Это не он горит. Это горит дерево. Они пытаются убить его!

Садовник рывком развернулся к дому и разразился отчаянным, леденящим душу воем. Алистер схватил Кипа за руку:

– Если он вернётся к дому раньше, чем они уйдут, им конец. Надо остановить его!

Кип еле стоял на ногах. Но сестре нужно было дать время. Он принялся ощупывать землю вокруг себя: что же может сойти за оружие и остановить Садовника? Рокот реки заглушал треск огня. И Кип рванулся к Садовнику, вцепился в его пылающее пальто:

– Не любишь огонь? А как тебе вода?

И кинулся, увлекая Садовника за собой, в бурлящую чёрную реку.

Большой пожар

Дом трещал и стонал, как огромный погребальный костёр. Молли стояла рядом с мистером Виндзором, заслоня ладонью лицо от жара. Лопались стёкла, выпадали из стен кирпичи. Огонь гулял по дому, в небе столбом стоял густой дым. Но, несмотря на бушующее пламя, дерево оставалось невредимо. Ледяной ветер лупил по ветвям, сбивая языки пламени ещё до того, как они успевали охватить дерево.

– Бесплезно! – бросил Бертран, пытаясь перекричать шум.

Молли дёрнулась: в доме что-то обрушилось, и из двери вырвался сноп искр и пламени.

– Огонь может бушевать весь день, а дереву всё будет нипочём!

Лес у них за спиной ходил ходуном от ветра. Где же Кип? Почему его до сих пор нет?

Бертран положил руку Молли на плечо:

– Бежим! Мы пытались. Времени больше нет.

Молли смотрела на дерево. Должно, обязательно должно было быть уязвимое место. Мягкое подбрюшье, щель в броне... Дереву как-то можно навредить. Взгляд упал на крошечное окошко на втором этаже.

– Я знаю, что делать!

Она вырвалась из-под руки мистера Виндзора и бросилась к горящему дому со спичками в руках. Вблизи огонь завораживал ещё сильнее. Ослеплял, выжигал лёгкие. Бертран схватил её за руки:

– Одну не пуцу!

– Вашей семье нужен отец!

Она была права. И Бертран это знал.

– Если Садовник вернётся, я его задержу.

Молли влетела в дверь. Огонь лизал стены, расплзался по балкам и половицам. Всё было затянуто густым дымом, разъедавшим глаза. Молли закрыла ладонью рот, переступила через упавшую балку, бросилась к лестнице и наверх, перепрыгивая через ступеньки, которые уже занялись пламенем.

С лестницы она кинулась в открытый проём. На её удивление, в заветной комнатке оказалось не так невыносимо жарко, даже дышать получалось. Да и вообще, по сравнению с остальным домом здесь царил покой. Пол укрывал толстый слой пепла от сгоревших банкнот; точно снежинки, летали серые хлопья. В углу Молли различила два тёмных силуэта – ныне покойные мистер Штыб и мистер Шиш. Она повернулась к дуплу, ожидавшему её, будто разинутая пасть.

Потными руками Молли перехватила коробок со спичками, открыла его, достала одну спичку.

– Давай-ка разевай пошире!

Чиркнув спичкой, она поднесла её к дуплу. *Пиши!* Дупло выдохнуло, и спичка вылетела у неё из рук. Упала на пол и сгнула в пепле. Молли взяла ещё спичку, зажгла... *Пиши!* Ещё один порыв ветра, на этот раз сильнее. Молли выглянула в окно. От леса шёл Садовник. Его шатало из стороны в сторону, мокрые лохмотья свисали, как лоскуты кожи... Отблески огня играли на мокром лице, и оно казалось красным, искажённым злобой.

Садовник взмахнул рукой – и порыв ветра сотряс дом. Молли схватилась за стену, чтобы не упасть. Снизу раздался звук падения, крик боли... Девочка выскочила из комнаты: внизу распластался мистер Виндзор. Он кое-как встал, отёр кровь с лица.

– Молли! Давай быстрее!

Молли нужно было что-то посерьёзнее спички. Что-то, что сложно задуть. Ей на глаза попала пылающая деревяшка, кажется, отвалившаяся от перил. Схватив её, девочка бросилась в комнатку.

Пиши! В этот раз ветер ударил её волной, швырнул об стену. С воплем отчаяния Молли бросила потухшую деревяшку в дупло. Бесполезно. Дерево не сразить. Комнату наполнил едкий дым. Молли смотрела на дерево. Из глаз хлынули слёзы. Она пыталась убить монстра, но проиграла.

Мимо пролетел обгоревший клочок бумаги – вексель... Молли горько улыбнулась: как же быстро мечты превращаются в ничто. Кружась, обрывок опустился прямо в дупло. Молли подалась вперёд, поморгала... Вексель опустился прямо в дупло!

– Это не просто деньги! Это подарок! Дар! – шепнула Молли сама себе. Она поняла! Единственное, что примет дерево, – свои

собственные подарки.

Ветер усилился, заставляя пламя плясать вокруг Молли. Снизу снова донёлся грохот – и дикий рык. Ночной садовник поднимался по лестнице к ней.

Молли встала на колени и принялась разгребать пепел в надежде найти в нём хотя бы ещё один обрывок векселя. Но сколько она ни шарилась в золе – всё безуспешно. Девочка вскрикнула от отчаяния и запустила горсть пепла и углей в стену. Вексели исчезли, как и все дары дерева.

Но вдруг... Вспомнила! Она вспомнила! Кое-что осталось! Молли сунула руку в карман. Сердце колотилось. Внутри, в складках ткани, они ждали её – письма!

Из коридора полз дым, выедавая глаза. Молли вытащила из кармана стопку обтрёпанных конвертов и уставилась на своё имя, выведенное знакомым почерком: «Молли». Поднесла письма к груди, и слёзы сами полились из глаз. Обои на стенах горели. Молли поднесла конверты к пламени, и они сразу же занялись огнём. Бумага трещала и чернела на глазах. Вытянув вперёд дрожащую руку с конвертами, Молли подошла к дуглу.

– До свидания! – сказала она и опустила письма в дугло. Они провалились в чёрную пустоту и...

Падали... Падали... Падали...

Раздался характерный треск – огонь всё-таки вгрызся в дерево. Звук усилился. Черноту озарили оранжево-красные вспышки. Они становились всё ярче и ярче, пока дугло не изрыгнуло огненный фонтан. Пламя пожирало дерево изнутри.

Протяжный вдох донёсся до ушей Молли. Она обернулась: в холле напротив комнаты стоял Ночной садовник. Бледная кожа обуглена и потрескалась. Цилиндра нет, от лохмотьев поднимается кверху дымок. Рот сложился в гримасу ненависти. И шипит, как же он шипит...

Комната стала для Молли ловушкой. Куда ни глянь, везде огонь. Она отступила назад. Садовник шагнул вперёд... Оглушительный хлопок. Садовник взвыл: с его ноги сорвался и рассыпался прахом ботинок. Дух ухватился за дверной проём, не сводя с Молли наполненных бешенством глаз... Нет, не глаз, а глазниц! Теперь дымилось его одеяние, дым валил из ушей, изо рта, из каждой поры. Садовник распрямился и сделал ещё один шаг вперёд.

Хлопок.

Другая нога переломилась ниже колена, тут же рассыпавшись пеплом. Садовник рухнул на пол, но всё полз и полз к Молли, извиваясь, свистя и шипя. Вытянул вперёд руку...

Хлопок.

Пальцы пеплом осыпались на пол. Последний свистящий звук – и перед Молли осталась лишь кучка пепла. Она прижала руки к груди, сдерживая выскакивающее сердце. Перед ней были останки Ночного садовника. Они победили чудовище! Они выиграли!

В следующий миг Молли осознала, что дом, в котором она стоит, рушится на глазах. Обвалившийся кусок потолка окатил её фонтаном огненных искр. Задыхаясь от кашля и прикрывая руками лицо, девочка подскочила к окну, перелезла через подоконник и выбралась на крышу.

Снаружи пожар бушевал ещё сильнее. Он рокотал, как бурный океан. Молли посмотрела вниз: из-за раскалённого воздуха казалось, что земля кружится и дрожит. Откуда-то издалека донеслось её имя: Бертран звал её. А совсем издалека будто доносились другие голоса – родителей...

Сквозь марево Молли видела, как мистер Виндзор тянет к дому по земле перину миссис Виндзор, а за ней остаётся длинный белый след из перьев. Перина легла на землю возле самого дома. Как раз там, где сверху стояла Молли. Она задержала дыхание – и прыгнула вниз...

Похоже, она вывихнула ногу при падении... В ушах зазвучал тихий голос. Затем он стал громче. Молли открыла глаза: над ней склонился Бертран. Он подхватил её под мышки и потащил прочь от дома, что-то крича на ходу. Молли с трудом различала слово «дом».

Раздался оглушительный грохот. Молли повернула голову: и дерево, и дом исчезли в гигантском столбе пламени. Она смотрела на бушующий огонь, а слёзы сами текли из глаз.

– Вот и всё! – хрипло произнесла она.

Мистер Виндзор обнял её за плечи.

– Вот и всё! – повторил он.

Они крепко обнялись и не отпускали друг друга. Огонь понемногу стихал, рёв пламени сменился тихим потрескиванием. И сквозь эти звуки Молли различила ещё один голос:

– Папа! Молли! Быстрее!

По дорожке к ним бежала Пенни, размахивая руками. Вцепившись в мистера Виндзора, Молли встала. Они распахнули объятия навстречу Пенни.

– Что там? – спросил Бертран.

– Молли, твой брат! – крикнула Пенни и отошла в сторону.

Из темноты показалась какая-то фигура. К ним шёл Алистер, весь насквозь мокрый, а на руках у него Кип.

– Кип! – закричала Молли и, отпустив мистера Виндзора, бросилась к брату.

Алистер присел на колени и положил тело Кипа на землю.

– Прости... – произнёс он чуть слышно. – Он прыгнул в реку. Он спас нас...

Молли смотрела на неподвижное, изогнутое в неестественной позе тело брата. Рот его был открыт, но Молли не могла уловить дыхания.

– Нет, нет, нет, нет... Только не Кип. Только не он. Она притянула мокрое тело брата к себе.

– Ты не можешь... – отчаянно прошептала она. – Не можешь умереть... Не можешь... Только не ты... Не ты...

Молли понимала, что вокруг стоят люди, но не замечала их. Ей было всё равно. Только Кип имел значение. Она уткнулась лицом в его мокрые волосы. Закрыла глаза. Она искала слова – слова, которые могли вернуть его. И в темноте нужные слова пришли к ней:

– Давным... давно... в одной... стране... – Молли набрала в грудь воздуха и заговорила громко: – Давным-давно в одной стране жил-был мальчик по имени Кип. Это был особенный мальчик, другого такого не было во всём мире. Волосы у него были рыжие, как у папы, а глаза зелёные, как у мамы, и он был чертовски отважным. А самое главное, у него была сестра. Сестра, которая любила его больше всего на свете... – Молли на мгновение замолчала. – Но однажды его сестра совершила ошибку. Она не дала ему того, что он заслужил. Она не сказала ему правду.

Молли закрыла глаза.

– Прости, – шепнула она на ухо брату. – Прости. Кип не двигался. На лице играли отблески пламени.

Но вдруг он дёрнулся. Закашлялся. Из рта фонтаном хлынула вода, заливая ему подбородок и шею.

Молли отпрянула.

– Кип! Кип! – закричала она и вновь склонилась над братом, боясь коснуться его, боясь спугнуть чудо.

Кип наконец смог сделать вдох, заморгал, прищурился от пламени, задрожал. И, задыхаясь, спросил:

– А дальше? – Посмотрел на Молли, улыбнулся. – Дальше что было?

Что было дальше

Дом и дерево догорели только на рассвете. Теперь на их месте осталось лишь огромное чёрное пепелище, от которого в росистый искрящийся воздух поднимался вверх дымок. Равнина начала оживать: там, где столько времени всё умирало, запели птицы, зажужжали насекомые...

Пожар оказался достаточно ярким, чтобы привлечь внимание жителей деревни. И с первыми лучами солнца явились несколько местных, которых очень удивило открывшееся перед ними зрелище. Вовсе не обязательно было знать правду о дереве, чтобы, только ступив в Прокислый лес, понять: это место перестало быть проклятым. Слухи быстро расползлись по Пустоши, и вскоре дорога, по которой столько лет никто не ходил и не ездил, заполнилась людьми: они шли посмотреть на пожарище, но не только. Они приносили и оставляли для Виндзоров корзины с едой, одеяла, одежду.

Виндзоры принимали дары с благодарностью. Огонь поглотил без остатка всё, что напоминало об их прошлой жизни, зато спас их собственные жизни. И за это Виндзоры тоже были благодарны.

Молли решила пройтись по усыпанной капельками росы лужайке. Она наслаждалась тёплым воздухом, пахнувшим костром. Это был запах новых начинаний. Она втягивала его ноздрями и наблюдала, как играют за холмиками Пенни и Алистер.

– Смотри! Смотри! – кричал Алистер, указывая на кузнечика или бабочку. – Фея улетает!

– Поймала! Поймала! Поймала! – кричала Пенни, хлопая ладошками в воздухе в попытке угнаться за бабочкой.

Молли прекрасно понимала, что Алистер давно вырос из того, чтобы гоняться за бабочками, не говоря уж о феях. Он затеял эту игру для Пенни, и его усилия оказались вознаграждены: Пенни скакала по траве и веселилась так, что аж щёки горели. Наверное, иной бы сказал, что веселье среди могил – признак неуважения к мёртвым, но Молли так не думала. Где-то здесь, под зелёными холмами, лежали бабушка и

дедушка Пенни и Алистера. И Молли почти видела, как они там, под землёй, радостно наблюдают за весельем внуков.

К Молли подошла миссис Виндзор. Пусть ещё бледная и истощённая, она всё-таки передвигалась самостоятельно.

– Послушай, как они смеются! – с восторгом сказала она. – Звучит как музыка! – Констанция улыбнулась, в уголках глаз сложились задорные морщинки. – Мы должны благодарить за это тебя.

Молли замялась:

– Я всего лишь прислуга, мэм.

Констанция рассмеялась – впервые за всё время Молли услышала её смех.

– Всё теперь будет иначе. Лучше, чем раньше.

– Я рада это слышать. Вы поедете в город? – спросила Молли.

Констанция отрицательно покачала головой:

– Останемся здесь. Люди из деревни предложили нам кров, пока мы не отстроим дом. Бертран получит небольшую страховку. Денег немного, но на первое время хватит. – Она посмотрела на Молли. – И думаю, у нас найдётся место ещё для пары человек... Не слуг, ты же понимаешь. Для новых членов семьи.

Констанция взяла Молли за руку – ладонь оказалась удивительно тёплой. Глаза Молли наполнились слезами.

– Мэм... Я даже не знаю, что сказать...

Ей очень хотелось ответить «да» и навсегда остаться в этом обновлённом месте. Но она понимала, что это решение будет неверным. Виндзорам нужно было время, чтобы восстановиться, снова стать семьёй. А такие вещи, Молли была уверена, лучше делать без посторонних.

– Вы очень добры, мэм. Но нас с Кипом ждёт другое место. И моя задача – его отыскать.

Женщина ответила улыбкой: она поняла Молли.

– Смотрите-ка, кого я привёл!

Молли обернулась. Из-за деревьев с Галилеем в поводу выходил мистер Виндзор. Конь был весь в репьях и грязи. Мистер Виндзор подошёл к жене и Молли. Немного запыхавшийся, но довольный, с улыбкой на лице.

– Нашёл его в лесу у реки. Он жевал цветочки.

С этими словами мистер Виндзор вынул из-за спины букет и протянул жене. И нет, это были не волшебные мерцающие цветы из заброшенного сада, а самые обычные весенние полевые цветы, очаровательные в своей простоте.

Констанция взяла цветы и вдохнула их аромат:

– Бертран...

Она прижала букет к груди: он сейчас был ценнее любых сокровищ мира. Молли смотрела на них и понимала, что начинает им мешать. И понимала совершенно правильно! Как только она взяла под уздцы Галилея и отошла, мистер Виндзор притянул к себе жену и поцеловал – прямо вот так, посреди ясного дня, у всех на глазах!

Молли отвела Галилея к Кипу. Тот стоял возле пепелища. От ещё не остывших углей поднимался пар, и они потрескивали.

– Даже красиво, – сказала Молли.

Брат кивнул, но глаз от руин не отвёл.

– Я всё думаю об этом. О дереве, о могилах, о Садовнике...

– Он нам больше не страшен.

– Понимаю, но... – Кип покачал головой. – Он ведь когда-то был самым обычным садовником. Как я. Он находил в лесу цветы, пересаживал, заботился о них. А затем появилось дерево, и он стал заботиться о нём. В чём была его вина? В том, что он загадал желание? Захотел стать тем, кем стать нельзя? – Кип моргнул. – Так чем же я от него отличаюсь? Почему я выжил?

Молли положила ладонь ему на плечо:

– Этого мы не узнаем. И к лучшему. Ответы на все вопросы даются только в плохих сказках.

Тут Кип наконец обернулся.

– Но я знаю, в чём разница! У него не было тебя! Чтобы заботиться о нём! Мама с папой правильно сделали, доверившись тебе.

Молли сжала губы, чтобы не заплакать.

– погоди. Мне ещё представится шанс угробить нас обоих, – отшутилась она и потрепала брата по волосам. А затем они пошли к повозке: Кип позволил девочке поддерживать его, что чрезвычайно её удивило.

Виндзоры вышли на дорогу – проводить Кипа и Молли. Мистер Виндзор нагрузил на повозку несколько корзин с едой, пояснив Молли, что у них еды и так гораздо больше, чем нужно семье из четырёх

человек. Дал им несколько одеял и одежду. Молли всё приняла и кивнула бывшему хозяину в знак благодарности.

– Зачем, объясни мне, зачем вам уезжать? – возмущённо спросила Пенни, когда на повозку были загружены последние вещи. Лицо девочки было в красных пятнах, ручонки сжаты в кулачки – само воплощение гнева.

Молли присела перед ней на корточки.

– Милая мисс Пенни, – заговорила она и провела рукой по её голове: чёрные прямые волосы стали мягче и приобрели золотисто-каштановый отлив, особенно заметный на солнце. – Ты довольно взрослая, чтобы самой о себе заботиться. А нам с Кипом предстоит долгий путь. Но я тебе обещаю: мы обязательно увидимся.

– Честно? Ты будешь часто приезжать? – спросила Пенни, не скрывая волнения.

– Не знаю, как часто, – рассмеялась Молли. – Но когда я приеду в гости, ты укроешь меня одеялом как следует, чтобы ноги не торчали – договорились? – И она приложила ладонь к груди, давая понять: их договорённость – не шутка.

Пенни тоже приложила ладошку к груди.

– Договорились! – И бросилась к Молли на шею, крепко обняв её.

Все обнимались. И прощались. И плакали. А потом Алистер подошёл к повозке и смущённо протянул Кипу грубо оструганную палку: он попытался сам сделать для него новый костыль, замену Мужеству. И как Алистер был рад, что Кип принял подарок и пожал ему руку!

Сказительница на распутье

Какое-то время Молли с братом ехали молча. Каждый обдумывал то, что видел и испытал и что оставлял позади. Но вот на развилке Кип натянул поводья и остановил Галилея:

– Куда дальше?

Молли, прищурившись, посмотрела против солнца. Направо, налево и прямо вели три дороги. От покрытой росой травы поднимался пар.

– Понятия не имею.

Она сунула руку в карман и улыбнулась.

– Что там? – спросил Кип.

Там был узелок из промасленной мешковины, который вручила им Хестер Кеттл. Лёгкий, небольшой, как раз для руки Молли.

– Она сказала, он необычный. И там то, что нам может пригодиться.

– Думаешь, пора открыть?

– Думаю, как раз подходящее время.

Молли бережно размотала бечёвку. Развернула ткань, подставив под узелок ладонь, чтобы ничего не выронить. Но ничего не выпало.

– Пусто, – разочарованно сообщила она.

– Нет, не пусто!

Кип взял у сестры ткань и разложил на лавке между ними, расправив складки. Внутри ткань была расчерчена бледно-голубыми линиями, складывающимися в очертания дорог, рек, гор и морей.

– Карта, – прошептала Молли.

– Смотри! – Кип указал в самый верхний угол, где стояла красная точка. – Здесь клад?

Молли покачала головой. Она провела пальцами по рисунку, прошлась по одной из дорог. В голове прозвучали слова Хестер: она сказала тогда, что не любит сидеть на месте.

– Я думаю, Кип, думаю... думаю, что здесь дом!

– Откуда ты знаешь?

Молли пожала плечами. Она вспомнила, с каким взглядом карлица вручала ей прощальный подарок.

– Кип, я не знаю. Я чувствую.

– Дом, говоришь? – переспросил Кип, вглядываясь в множество дорог на карте. – До него очень далеко. А у нас мало еды, денег и того меньше...

Молли посмотрела вдаль. Где-то в лесу низко гудела старая хёдигёди.

– Думаю, мало кто откажет нам в крове и пище в обмен на хорошую историю. А я даже знаю истории про чудовищ!

Кип подобрал поводья и направил Галилея прямо. Со скрипом и стуком повозка покатила по грязи и камням.

– Я тут слышал, что в одном озере на севере живут настоящие драконы. Давай заедем по пути?

– Ну почему бы и не посмотреть на драконов? – Молли обняла брата за плечи. – Главное, чтобы все перелётные улетели на юг...

Повозка неспешно увозила детей в зной нового дня, а они, обнявшись, рассказывали друг другу истории.

От автора

Написание этого романа – уже само по себе целая история от первой до последней минуты. Между идеей и той книгой, которую вы держите в руках, лежат девять лет и бесчисленное множество черновиков. И будет неправильно, если я не упомяну хотя бы некоторые книги, факты и людей, которые помогли мне проделать этот путь.

Самым первым и главным источником вдохновения стал для меня роман Рея Брэдбери «Надвигается беда» (названия частей «Ночного садовника» совпадают с названиями частей его романа). В одиннадцать лет мне читал эту книгу отец, и я очень боялся её. Именно в ночном кошмаре, вызванном романом «Надвигается беда», передо мной впервые предстал Ночной садовник, который с тех пор неизменно является мне в облике улыбающегося мистера Мрака.

Не в меньшей степени повлияла на меня «Книга эскизов» Вашингтона Ирвинга, где в роли рассказчика выступил благородный Джеффри Крайон. Именно она научила меня получать утончённое удовольствие от историй, где сплетаются смех и ужас. В ней множество знаменитых новелл, среди которых – «Легенда о Сонной Лощине» и «Рип ван Винкль». В какой-то момент работы над «Ночным садовником» безысходность положения Виндзоров поглотила меня, и тогда я обратился к Вашингтону Ирвингу. И он дал мне персонажа, о котором я совершенно забыл: путешествующего по Европе собирателя нравов и историй Джеффри Крайона. Ведь в каждом рассказе «Книги эскизов» скрывается голос доброго, таинственного рассказчика Вашингтона Ирвинга, который ведёт за собой читателя по самым мрачным тропам сознания. И пока я читал, со мной говорил голос Хестер Кеттл, задающей такой важный вопрос о том, в чём же разница между историей и ложью.

Лучше почувствовать характеры Молли и Кипа мне помогли ещё два произведения. Первое – это «Таинственный сад» Фрэнсис Элизы Бернетт: её персонажи присутствуют на каждой странице моей книги. Но даже больше вдохновила меня другая вещь: текст ректорского обращения Джеймса Мэтью Барри к студентам шотландского

Университета Сент-Эндрю – речь под названием «Мужество», произнесённая в 1922 году. Ректорское послание о мужестве великолепно, как и всё вышедшее из-под пера автора приключений Питера Пена. «Мужество» – речь о костыле, о внутреннем рассказчике Макконнахи и о том, как важно бороться за мир. А точнее, о том, как детям выжить в мире, где взрослые позабыли свою прямую обязанность – заботиться о них.

Конечно, не только эти книги вдохновили меня на работу над «Ночным садовником», но без них моя книга попросту не была бы написана.

Важную роль сыграла история. Моя жена изучает Викторианскую эпоху, поэтому я знаю немало интересных фактов о XIX веке; однако, когда я говорю «интересные», я подразумеваю ужасные. Одно из подобных событий – Великий голод в Ирландии. С 1845 по 1852 год от болезней и недоедания умер миллион человек: дети, взрослые, старики. Но не из-за того, что еды было мало, а из-за того, что хорошие продукты отправляли кораблями в Англию, а крестьянам и их семьям оставляли только гнилой картофель.

Семья Молли, как и сотни тысяч других семей, вынуждена была покинуть страну в поисках работы и пищи. Люди направлялись сначала в Англию, а затем в Северную Америку. Никому не известно точное число покинувших берега Ирландии, ведь почти ни на одном судне не велись списки пассажиров. Но зато точно известно, что плавание на таких судах было крайне опасно. Каждый пятый пассажир, пытавшийся добраться до Америки, умирал в море от болезней или голода – и скоро эти суда стали называть «плавучими гробами». Опасность состояла не только в этом. В 1850 году больше десятка судов потерпели крушение в страшных штормах, бушевавших в Атлантическом океане и в Ирландском море. А тех, кто выжил, – как Молли и Кипа – на берегу встречали упрёками.

И если в 1850 году Ирландия погибала от голода, то Англия вступила в пору процветания. Империя разрасталась, средний класс крепчал, промышленность развивалась – Викторианская эпоха становилась эпохой неслыханного богатства. Но далеко не всем удавалось нажить состояние. Низшие классы жили в ужасающей бедности, особенно в городах, наводнённых нищими. Да и среди

представителей среднего класса было много тех, кому, как Бертрану Виндзору, грозила долговая тюрьма или жестокая расправа.

Викторианская эпоха стала последним периодом в истории Запада, когда магия и наука могли мирно сосуществовать. Чем больше люди развивали науку и узнавали природу, тем сильнее они верили в магию, духов и истории про волшебников. В 1822 году английские учёные основали Общество психических исследований, которое занималось изучением сверхъестественного. И самые рациональные умы, в том числе философ Уильям Джеймс (старший брат писателя Генри Джеймса, автора мистической повести «Поворот винта») и сам сэр Артур Конан Дойл, в конце своей карьеры обратились к поиску привидений и духов. Только представьте, что сказал бы на это доктор Крюк! Ещё в детстве, когда я впервые прочитал об этих знаменитых охотниках на привидения, в моей голове зародилась мысль написать свой собственный рассказ о призраках.

Кроме того, у меня есть друзья и коллеги, которые помогли мне не книгами и впечатлениями, а собственным присутствием и сочувствием. Салли Александер, Джим Армстронг, Кэтрин Айрес, Чэд Бекерман, Тамар Бразис, Каролина Карлсон, Лайам Фланаган, Маркус Хоффман, Дорис Хаттон, Линн Миссен, Джозеф Регал, Томас Светерлитш, Кейт Вайс, Джейсон Веллс, Джон Вилер и, конечно же, Мэри Элизабет Бёрк. И я говорю всем – спасибо! Вы поддерживали меня так, как я мог только желать.

notes

Примечания

1

Перевод Аркадия Штейнберга.